

ФИЛОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

№ 1

2018

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2018

Учредители

Алтайский государственный университет
Алтайский государственный педагогический университет
Алтайский государственный гуманитарно-педагогический
университет им. В.М. Шукшина
Горно-Алтайский государственный университет

Редакционный совет

А.А. Чувакин, д.ф.н., проф. (Барнаул, председатель), О.В. Александрова, д.ф.н., проф. (Москва), К.В. Анисимов, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е.Н. Басовская, д.ф.н., проф. (Москва), В.В. Красных, д.ф.н., проф. (Москва), Л.О. Бутакова, д.ф.н., проф. (Омск), Т.Д. Венедиктова, д.ф.н., проф. (Москва), О.М. Гончарова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Т.М. Григорьева, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е.Г. Елина, д.ф.н., проф. (Саратов), Е.Ю. Иванова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Ю. Левинг, PhD, проф. (Канада, Галифакс), О.Т. Молчанова, д.ф.н., проф. (Польша, Щецин), М.Ю. Сидорова, д.ф.н., проф. (Москва), И.В. Силантьев, д.ф.н., проф. (Новосибирск), К.Б. Уразаева, д.ф.н., проф. (Казахстан, Астана), И.Ф. Ухванова, д.ф.н., проф. (Белоруссия, Минск), Э. Хоффман, Dr. Philol, доц. (Австрия, Вена), А.П. Чудинов, д.ф.н., проф. (Екатеринбург).

Главный редактор

Т.В. Чернышова

Редакционная коллегия

Е.А. Худенко (зам. главного редактора по литературоведению и фольклористике), Л.А. Козлова (зам. главного редактора по лингвистике), М.П. Гребнева, В.Н. Карпухина, Г.П. Козубовская, И.Ю. Колесов, Г.В. Кукуева, А.И. Куляпин, В.Д. Мансурова, С.А. Осокина, Ю.В. Трубникова, А.Т. Тыбыкова, М.Г. Шкуропацкая

Секретариат

С.В. Доронина, Е.И. Клинк, М.П. Чочкина

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66;
Алтайский государственный университет, факультет массовых коммуникаций,
филологии и политологии, оф. 405а.

Тел./Факс: 8 (3852) 296617. E-mail: sovnet01@filo.asu.ru

Адрес на сайте АлтГУ: http://www.fmc.asu.ru/philol_journal/

Адрес в системе РИНЦ: http://library.ru/title_about.asp?id=25826

ISSN 1992-7940

© Издательство Алтайского университета, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

А.В. Дегальцева. Особенности выражения оценки адвербиальными компликаторами	7
Е.В. Долгова. Милитарная метафорика в медийном дискурсе	19
Н.А. Сегал. Метафорический образ водного транспорта в текстах русскоязычных политических СМИ	31
Е.Н. Ковязина. Взаимодействие концептуальной метафоры и метонимии в политическом дискурсе (на материале произведения П. Бьюкенена «Churchill, Hitler, and the Unnecessary War»)	43
Л.А. Козлова, Е.В. Буланова. Национально-культурная специфика морской метафоры и ее реализация в процессе перевода	53
В.А. Маркова. К вопросу о составе стиливых черт официально-делового стиля	62
Н.В. Бубнова. Человек воспринимающий: топоним <i>Смоленщина</i> в восприятии столичным студенчеством	74
У.Н. Текенова. Идеино-тематическое и жанровое своеобразие рассказа «Любовь коммуниста Ивана Гомзина» Д. Каинчина	86
С.И. Доброва. Технология параллелистического анализа как инструмент кросскультурной лингвофольклористики (на материале формулы отсылки болезни в русских и болгарских заговорах)	97

Научные сообщения

Л.В. Топка. Эмоциональная нестабильность: единицы вербализации	109
--	-----

Г.Ф. Лутфуллина. Сравнительный анализ синтаксических конструкций перцептивной семантики с участием неличных форм во французском и русском языках	117
Н.С. Сухорукова. О коммуникативном статусе обращения в немецком языке (на материале текстов художественной немецкой прозы)	125
Г.Ф. Коваленко. Фрактальная модель самоорганизации текстового пространства синтаксической конвергенции	131
С.А. Медведев. Заметки об интернет-рецензии как объекте исследования	139
Т.А. Воробьева. Гендерная семантика реки и колодца в прозе В.М. Шукшина.....	145
М.А. Шеленок. Трансформация водевильного жанра в киносценарии Г. Горина и Э. Рязанова «О бедном гусаре замолвите слово»	150
Л.Г. Хабибуллина. Репрезентация кондициональных отношений в фольклорных произведениях тюркских языков	160
Е.А. Гингель Историко-литературный и историко-культурный контекст в письменных работах обучающихся по литературе	166
Резюме	177
Наши авторы	195

CONTENTS

Articles

A.V. Degaltseva. On the Expression of Evaluation by Means of Adverbial Complicators.....	7
E.V. Dolgova. Military Metaphorics in Media Discourse.....	19
N.A. Segal. Metaphorical Image of Water Transport in the Texts of Russian Political Media.....	31
E.N. Kovyazina. Conceptual Metaphor and Metonymy Interaction in Political Discourse (based on P. Buchanan's <i>Churchill, Hitler, and the Unnecessary War</i>).....	43
E.V. Bulanova, L.A. Kozlova. The National-Cultural Specificity of Sea Metaphor and its Realization in the Process of Translation.....	53
V.A. Markova. On the Peculiarities of Official Style.....	62
N.V. Bubnova. Personal Perception: the Toponym Smolenschina (Smolensk Region), as it is Perceived by Students of Moscow and St. Petersburg.....	74
U.N. Tekenova. Ideological, Topic and Genre Peculiarities of the Story <i>Communist Ivan Gomzin's Love</i> by D. Kainchin.....	86
S.I. Dobrova. Technology of Parallelistic Analysis as a Means of Cross-Cultural Linguistic Study of Folklore (based on the Formula Illness Sending in Russian and Bulgarian Spells).....	97

Scientific reports

L.V. Topka. Emotional Instability: Units of Verbalization.....	109
G.F. Lutfullina Comparative Analyses of Syntactic Constructions with the Semantics of Perception Featuring Verbals in French and Russian.....	117

N.S. Sukhorukova. Towards the Communicative Relevance of the German Vocative (Based on the German Prose Texts).....	125
G.F. Kovalenko. Fractal Self-Organization Model of Contexts with Syntactical Convergence	131
S.A. Medvedev. Notes on the Internet-Critique as an Object of Research.....	139
T.A. Vorobyova. The Gender Semantics of River and Well in Prose of V. Shukshin.....	145
M.A. Shelenok. Transformation of the Vaudeville Genre in the Screenplay by G. Gorin and E. Ryazanov for “Say a Word for the Poor Hussar”	150
L.G. Habibullina. The Representation of Conditional Relations in the Folklore of Turkic Languages.....	160
E.A. Gingel. Historical-Literary and Historical-Cultural Context in Students’ Written Works in Literature.....	166
Summary	177
Our authors	195

СТАТЬИ

ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ АДВЕРБИАЛЬНЫМИ КОМПЛИКАТОРАМИ

А.В. Дегальцева

Ключевые слова: синтаксис, семантический синтаксис, адвербиализация, адвербиальные компликатеры, оценочность.

Keywords: syntax, semantic syntax, adverbialisation, adverbial complicators, evaluation.

Человек неизбежно оценивает все происходящее с ним, а также все то, что его окружает. В таких оценках он проявляет себя не только как самодостаточная личность, но и как член социума. Изучение аксиологии через призму языка является одним из актуальных направлений в современной лингвистике.

В данной работе будут рассмотрены особенности выражения оценочности в семантической структуре адвербиальных компликатеров (далее – АК), то есть усложнителей смысла простого предложения [Золотова, 1982], представленных качественными наречиями, характеризующими субъект, объект пропозиции или целую ситуацию.

Исследование проводилось на материале разных сфер общения: современной художественной прозы (произведений Д. Рубиной, Л. Улицкой, А. Азольского, Л. Нетребо), газет («Московский комсомолец», «Аргументы и факты»), журналов («Psychologies», «Story», «Фома» и др.), официально-деловых и научных текстов разных жанров (уставов, договоров, Конституции РФ, обращений Президента и государственных деятелей, сообщений МИД РФ, электронных деловых писем; монографий, диссертаций, авторефератов, сборников статей и т.д.), записей разговорной речи.

Общий объем проанализированных данных составил около 250 000 предикативных единиц.

Оценочное значение является антропоцентрическим, поскольку оценки – результат осмысления человеком действительности. Оценка – это «соответствие стереотипу и норме на шкале признака» [Вольф, 2002, с. 142]. В зависимости от сферы и жанра функционирования лексемы оценка может отражать точку зрения разных субъектов: говорящего или пишущего; обобщенного субъекта, представляющего социум; субъекта-повествователя; персонажа повествования [Стернин, 1979]. Говорящий, употребляя оценочное слово, находится под воздействием объективной нормы, установленной в данном обществе для предметов / явлений, и субъективной нормы, отражающей личные представления адресанта о предмете речи [Вольф, 2002; Стернин, 1979].

Если представить оценку в виде лексико-семантического поля, то в ядре такого поля будут представлены три члена градуальной оппозиции: плохой – средний / нейтральный – хороший [Ягубова, 1992]. В большинстве случаев человек фиксирует не норму, а отклонения от нее, выражающиеся в положительной (мелиоративной) и отрицательной (пейоративной) оценках.

Все слова в зависимости от характера выражения в них оценки можно разделить на 2 группы: общеоценочные и частнооценочные [Вольф, 2002; Арутюнова, 1988]. Первый тип представлен словами *плохой* и *хороший* и их синонимами [Арутюнова, 1988]. Второй тип связан с оценкой одного из аспектов явления / предмета / субъекта. Слова, обладающие такой оценкой, наиболее разнообразны. Н.Д. Арутюнова предлагает их возможную классификацию, базирующуюся на мотивации оценки, характере ее основания [Арутюнова, 1988]. Частнооценочные значения подразделяются ею на категории:

1) сенсорно-вкусовые, или гедонистические. Они во многом индивидуальны (*вкусный, приятный* и т.д.);

2) психологические, среди которых выделяются интеллектуальные (*интересный, увлекательный, скучный* и т.д.) и эмоциональные (*неприятный, печальный* и др.) оценки. Говоря об эмоциональной оценке, исследователь должен проводить различия между эмоциональной и оценочной лексикой. Безусловно, при разграничении понятий «оценочность» и «эмоциональность» могут возникать трудности. По мнению В.И. Шаховского, оценочность и эмоциональность взаимосвязаны, поскольку «оценка имплицитно и каузирует возможность не только рационального, но и субъективно-

эмоционального отношения к факту отклонения от нормы» [Шаховский, 2008, с. 70]. Однако номинативный, оценочный и экспрессивный компоненты «формируют денотативный макрокомпонент лексического значения» слова, тогда как эмотивный компонент не входит в денотат [Шаховский, 2008, с. 80]. Трудно не согласиться с мнением ряда исследователей о том, что оценочность и эмоциональность все же необходимо дифференцировать, а не отождествлять, поскольку номинации эмоций или каких-либо эмоционально окрашенных событий не обязательно являются оценочными словами [Вольф, 2002; Стернин, 1979];

3) эстетические (*красивый, безобразный* и под.). Они представляют собой синтез сенсорных и интеллектуальных оценок;

4) этические (*моральный, порочный* и др.). Под этическими оценками мы будем понимать соотношение действия/поступка с принятыми в обществе морально-нравственными и культурными нормами, а также с совокупностью норм поведения, вытекающих из этих представлений;

5) утилитарные (*полезный, благоприятный* и др.), отражающие пользу / вред объекта или явления;

6) нормативные (*нормальный, правильный* и т.д.). Следует заметить, что большинство оценок так или иначе связано с представлением о норме и шкале проявления признака. В связи с этим в данной работе мы будем называть нормативные оценки собственно нормативными и считать таковыми те, которые характеризуют параметры явления или объекта с позиций условно принятых в обществе стандартов и установок, выработанных в результате практического опыта;

7) телеологические (*безрезультатный, нецелесообразный* и т.д.). Они отражают представления о целесообразности и результативности совершения действия или поступка.

Как видим, различные типы оценок предназначены для характеристики разных параметров ситуации, отраженной в высказывании. Так, гедонистические и утилитарные оценки обычно характеризуют объект ситуации, эстетические – субъект или объект, тогда как психологические, собственно нормативные, телеологические и этические служат для оценки поведения или действий субъектов пропозиции.

Для удобства анализа и целостности представлений об оценках, содержащихся в АК, типы, выделенные Н.Д. Арутюновой, можно объединить в 4 группы:

1) основанные на чувственном опыте и личных предпочтениях сенсорно-вкусовые и эстетические;

2) базирующиеся на гуманизме и духовности этические;

3) основанные на психическом и эмоциональном восприятии действительности психологические;

4) продиктованные разумом, логикой и пользой утилитарные, собственно нормативные и телеологические оценки. Последнюю группу оценок назовем рациональными, но лишь условно, поскольку все виды оценок отражают субъективное, а значит, не всегда основанное только на разуме видение объекта или ситуации.

Опираясь на мнения исследователей [Вольф, 2002; Арутюнова, 1988; Стернин, 2003], можно сформулировать следующие критерии выявления оценочности в слове:

1) оценочные слова нередко находятся в предикативной позиции или могут быть поставлены в нее [Вольф, 2002, с. 31];

2) слова, содержащие в своем значении оценку, чаще всего находятся в реме;

3) в большинстве случаев оценка не поддается верификации;

4) оценочные лексемы в высказывании могут сочетаться с интенсификаторами (*слишком, чрезмерный* и под.) или показателями аффективности (*потрясающий, ужасно* и т.д.) [Вольф, 2002];

5) оценочность в семантической структуре лексемы может проявляться в определенном контексте. Так, в предложении *Он давно, но непрофессионально занимается спортом* наречие не выражает оценочности (утверждается, что человек не является профессиональным спортсменом), а в высказывании *Психолог непрофессионально ведет консультацию* наречие содержит в себе негативную оценку профессиональных качеств субъекта;

б) значение оценочного слова связано с представлением о норме и отклонениях от нее, в связи с чем в словарной дефиниции лексемы или ее производящей базы присутствуют:

а) слова, обозначающие меру и степень проявления признака: *очень, крайне, высоко* и под. Примерами могут служить толкования прилагательного *любовный* в значении «очень внимательный, заботливый, бережный» [Большой толковый словарь русского языка (далее – БТС) 2000, с. 509] и наречия *нагло* в значении «крайне дерзко и бесстыдно; нахально» [БТС, 2000, с. 574];

б) слова с общеоценочным значением (*совершенный, хороший, плохой* и под.). Например, *виртуозно* – «технически совершенно» [БТС, 2000, с. 132]; *испорченный* в значении «изменившийся в худшую сторону, скверный, плохой» [БТС, 2000, с. 401];

в) лексемы, описывающие такие черты объекта / субъекта / ситуации, которые считаются положительными / отрицательными для людей в целом, а также для представителей конкретного этнокультурного сообщества. Например, *гуманный* в значении «проникнутый гуманизмом, основанный на гуманизме», где *гуманизм* – «человечность, любовь к людям и забота об их благе как основа человеческих взаимоотношений и общественной деятельности» [БТС, 2000, с. 235]; *расистский* – «свойственный расисту», *расист* – «сторонник расизма», *расизм* – «человеконенавистническая концепция об исконном разделении человечества на высшие и низшие расы, из которых лишь первые якобы являются создателями цивилизации и призваны к господству, а вторые духовно неполноценны и способны быть лишь объектом эксплуатации» [БТС, 2000, с. 1086];

г) слова и выражения, передающие отрицание качеств, осуждаемых или принятых в данной этнокультуре: *вежливый* – «чуждый грубости, предупредительный, услужливый» [БТС, 2000, с. 115]; *бессовестный* – «не имеющий совести; беззастенчивый, нечестный» [БТС, 2000, с. 75];

д) семы «эффект», «результат» для слов с телеологической оценкой: *эффективный* – «дающий эффект, действенный» [БТС, 2000, с. 1528].

Большинство оценочных слов совмещает дескриптивный и оценочный компонент в своей семантике. К таким словам чаще всего относятся некоторые прилагательные, существительные, глаголы и наречия [Вольф, 2002].

Наречия грамматически связаны с глаголом. При этом некоторые наречия, содержащие в своей семантической структуре оценку, реализуют обязательную валентность глаголов при комплетивных отношениях. Так, семантически и конструктивно необходимыми являются наречия при глаголах поведения (*держаться, вести себя, поступать*), состояния (*выглядеть, чувствовать себя*), отношения (*обращаться, обходиться*); фазисных глаголах (*протекать, закончиться*) [Вольф, 2002]. В семантической структуре таких предикатов присутствует обязательная оценочная сема [Вольф, 2002]. Для других групп глаголов сочетания с наречиями, в том числе и оценочными, факультативны. Наречия-компликаторы не являются собственно оценочными, однако помимо денотативного компонента в их значении присутствует и оценочный.

Как показал анализ, оценочные АК составляют около 30% от общего количества проанализированных АК. Такие компликатеры

содержат в себе разные типы оценок, поскольку отражают ценности, которые оказываются важными для определенной сферы общения.

Опираясь на словарные дефиниции производящих баз наречий-компликаторов, а также обращаясь к толкованиям слов, непосредственно входящих в словарное описание, рассмотрим, какие типы оценок преобладают в семантике АК, функционирующих в разных сферах общения. Обратимся сначала к наречиям, представленным в текстах нестрогих стилей.

В разговорной речи (далее – РР) практически равнозначимыми оказываются 2 группы оценок: рациональные (собственно нормативные, утилитарные и телеологические) и психологические.

Преобладание рациональных оценок, которые составляют 49% от общего количества оценочных АК, по-видимому, можно объяснить стремлением охарактеризовать предметы окружающей человека действительности с точки зрения пользы, пригодности, удобства, несоответствия нормам, связанным с практической деятельностью, что является отражением наивной картины мира: *Пришлось мне на этом жутком сидении всю дорогу **неудобно** сидеть / с подогнутыми ногами// (неудобный – «лишенный удобства, плохо приспособленный, мало подходящий для чего-либо» [БТС, 2000, с. 645]).*

Наличие в РР большого количества АК, выражающих интеллектуальные оценки (38% от общего числа оценочных АК), связано с тем, что говорящему важно передать ментальный аспект восприятия информации, поделиться с собеседником тем, какой видится ему речь третьего лица, не принимающего участия в разговоре: *Она так **увлекательно** лекции читает / не скучно совсем сидеть на них// (увлекательный – «возбуждающий сильный интерес, поразжающий воображение, занимательный» [БТС, 2000, с. 1367]).*

Незначительное количество (около 12%) эмоциональных и этических оценок, содержащихся в АК, функционирующих в РР, скорее всего, связано с тем, что в этой сфере общения такие оценки чаще всего выражаются оценочными прилагательными, а также собственно оценочными и предикативными наречиями [Хорешко, 2005]. Тем не менее, подобные примеры встретились в проанализированном материале: *И потом она погибла // **Очень трагично** погибла / **страшно**// (трагичный – «тяжелый, страшный, катастрофический» [БТС, 2000, с. 1337], **страшный** – «вызывающий тягостное, мучительное чувство, производящий тяжелое, удручающее впечатление» [БТС, 2000, с. 1278]); *Он так **нахально** ко мне подкатывает!// (нахальный – «отличающийся нахальством, наглый»; **нахальство** – «беззастенчивая назойливость, наглость,**

бесцеремонность» [БТС, 2000, с. 607]). Остальные типы оценок представлены в РР единичными примерами.

Обратимся к особенностям выражения оценок в АК, функционирующих в публицистическом стиле (далее – ПС). Для ПС, как известно, характерна не только информативность, но и социальная оценочность. Среди оценок, выражаемых АК, здесь преобладают рациональные оценки (прежде всего, собственно нормативные). Они составляют 50% от общего количества проанализированных единиц. Это связано с тем, что журналисту важно охарактеризовать общественное явление как соответствующее или не соответствующее принятым в социуме стандартам: *Песня Джамалы **незаконно** прозвучала на «Евровидении», она старая (незаконный – «не основанный на законе, нарушающий закон» [БТС, 2000, с. 622]).* Нарушение закона негативно оценивается обществом. Приведем другой пример: ... *несмотря на снижение курса рубля, ничего **экстраординарно** страшного в экономике России не происходит.* Слово *экстраординарно* в данном случае, на наш взгляд, можно считать усложнителем смысла высказывания: не происходит ничего страшного настолько, чтобы это можно было считать необычным, значительно отклоняющимся от нормы. Эта лексема содержит в себе как интенсивность проявления признака, так и оценочность: *экстраординарный* – «выходящий из ряда обычных явлений; чрезвычайный, необычный» [БТС, 2000, с. 1518]. Среди рациональных нередко встречаются и телеологические оценки: *Таким образом РФ согласилась с Украиной, которая более года **безрезультатно** поднимала данный вопрос.*

На втором месте по частоте встречаемости в ПС оказываются этические оценки (28% от общего количества оценочных АК). С помощью АК, содержащих такие оценки, журналист соотносит собственное видение ситуации с морально-этическими нормами. Тем самым он формирует отношение читателя к предмету материала: *Князя Юрия Васильевича Глинского **втащили** в соборную и великую церковь и **бесчеловечно** убили (бесчеловечный – «лишенный человеколюбия, милосердия; безжалостный» [БТС, 2000, с. 76]).*

Психологические оценки находятся на третьем месте по употребительности и составляют около 20%. Среди них, как и в РР, преобладают интеллектуальные оценки: *банально, занимательно, интересно* и под. Обычно они описывают ментальное состояние журналиста, позволяя ему оценить информацию как достойную или не достойную его, а значит, и читательского внимания: *Про новый аэропорт Суварнабуми в Бангкоке можно рассказывать долго и **увлекательно.** История про Бойля и фосфор весьма **занимательно***

изложена в книге *Emsley John* (занимательный – «возбуждающий, вызывающий интерес, внимание, увлекательный») [БТС, 2000, с. 335].

Эстетические и гедонистические оценки представлены в ПС незначительно. Случаи их употребления составляют около 2%. Приведем примеры: *История России XX века с ее мучительными перипетиями отрефлексирована наконец так внятно, цельно и художественно-совершенно*. Присутствие компонента *совершенно* в составе АК указывает на наличие в нем положительной оценки. *А еще он очень вкусно готовит*. Здесь наречие характеризует блюда (объект пропозиции) как «приятные на вкус» [БТС, 2000, с. 135].

Обратимся к анализу оценочных АК, представленных в текстах художественного стиля (далее – ХС). В художественной прозе на первом месте по частоте употребления находятся АК, содержащие авторские оценки поступков героев с позиций этики (45% от общего количества оценочных АК). Преобладание данных оценок объясняется тем, что художественная литература оказывает существенное воздействие на формирование духовно-нравственных ценностей поколения и вместе с тем является их отражением. Такие наречия-компликаторы служат средством создания художественного образа персонажа, позволяют полнее раскрыть его характер. АК, содержащие этическую оценку, позволяют писателям создать образы как дерзких и недружелюбных, свободолюбивых персонажей, так и культурных, вежливых, нравственных людей: – *Тебе нужно менять имидж, Андрей, – она сказала это несколько легковесно, даже развязно; Снежков встал, галантно поклонился; Было понятно, что она бескорыстно опекала этих двух парней*. Для того чтобы доказать, что в данных наречиях содержится оценочность, приведем словарные толкования их производящих баз: *развязный* – «подчеркнуто свободный, излишне непринужденный, бесцеремонный в общении, поведении» [БТС, 2000, с. 1065]; *галантный* – «изысканно вежливый, любезный» [БТС, 2000, с. 192]; *бескорыстный* – «чуждый корысти, корыстолюбия; не стремящийся к личной выгоде, наживе» [БТС, 2000, с. 73].

На втором месте по употребительности в данной сфере общения находятся психологические оценки (28%), среди которых преобладают эмоциональные. Они являются отражением эмоционального отношения героев к ситуации и через призму писательского восприятия позволяют читателю сформировать собственное представление о состоянии и поведении героев: *Она благоговейно опустила на диск проигрывателя мерцающую пластинку (благоговейный – «проникнутый благоговением, выражающий его»* [БТС, 2000, с. 81]; *благоговение* – «глубокое почтение, уважение к кому-либо, чему-либо, преклонение перед чем-

либо» [БТС, 2000, с. 81]). Среди психологических встречаются и интеллектуальные оценки, описывающие ментальное состояние героев повествования: *Громко объявил дочери, что следующий их культпоход будет в дельфинарий, стал увлеченно рассказывать, какие это умные животные – дельфины (увлеченный – «всецело, страстно отдающийся чему-либо» [БТС, 2000, с. 1367]).*

Рациональные оценки находятся на третьем месте по частоте встречаемости (20%). Среди них преобладают нормативные, которые характеризуют выполняемые героями повествования действия с точки зрения соответствия усредненному представлению о норме. С помощью подобных АК автор раскрывает такие черты характера своих героев, как пунктуальность, мастерство, профессионализм, внимание к деталям и т.д.: *... так искусно брат Мартин облачался в доспехи (искусный – «обладающий высоким мастерством в чем-либо, умелый» [БТС, 2000, с. 400]); И Гольдберг ... скрупулезно вышкивал упоминания о болезнях, которыми болели гении ... (скрупулезный – «точный до мелочей, чрезвычайно тщательный» [БТС, 2000, с. 400]).*

Эстетические оценки в семантической структуре АК в данной сфере общения встречаются реже (примерно в 7% случаев). Они служат для наглядного, зримого представления образа, созданного художниками слова. Такие АК могут присутствовать при создании как пейзажа, так и словесного портрета: *Пени так красиво тут все придумала и обустроила (красивый – «приятный на вид, отличающийся правильностью очертаний, гармонией красок, тонов, линий» [БТС, 2000, с. 466]); Она сидела на большом камне ... грациозно отведя согнутые в коленях ноги (грациозный – «наполненный грацией, изящный в движениях, позе» [БТС 2000, с. 226], изящный – такой, который «соответствует представлению об утонченной красоте, воплощает красоту» [БТС, 2000, с. 387], грация – «изящество, красота в движениях, осанке, манере держаться и т.п.» [БТС, 2000, с. 226]).*

Обратимся к рассмотрению особенностей оценок, заключенных в АК, функционирующих в текстах строгих стилей.

В официально-деловом стиле (далее – ОДС) среди оценочных АК преобладают наречия, содержащие нормативные и телеологические оценки социальной, экономической или политической деятельности людей. В совокупности они составляют 53% от общего количества анализируемых нами единиц. Приведем пример нормативной оценки, заключенной в АК: *Подобная постановка вопроса лишь поощряет Киев безнаказанно саботировать реализацию минского Комплекса мер (безнаказанный – «оставшийся без наказания, не получивший заслуженного осуждения» [БТС, 2000, с. 67]).* В толковании

производящей базы наречия нет собственно оценочных сем, но присутствуют такие компоненты смысла, как «осуждение» и «заслуженный». Таким образом, под наречием *безнаказанно* говорящим понимается отсутствие необходимого, являющегося нормой в сложившейся общественно-политической ситуации акта «выражения» социумом «неодобрения», порицания; действия Киева квалифицируются как «дурные, плохие» (см. толкование слова «осудить» [БТС, 2000, с. 735]). Рассмотрим лексемы, выражающие телеологические оценки: *Собираться, чтобы провести очередную встречу и опять совершенно бессмысленно и бесперспективно «перетягивать канат» относительно судьбы Б. Асада, – это трата времени (бессмысленный – «напрасный, бесполезный» [БТС, 2000, с. 72], бесполезный – «не приносящий пользы, желаемого результата» [БТС, 2000, с. 74]; бесперспективный – «лишенный возможности развития, изменения к лучшему, не предвещающий положительных результатов» [БТС, 2000, с. 73]).*

На втором месте по употребительности (36%) оказываются АК, содержащие психологические оценки, а именно оценки интеллектуальной деятельности субъектов пропозиции: *Ваш план был доступно изложен (доступный – «понятный, доходчивый, легкий для понимания и усвоения» [БТС, 2000, с. 280]).* На третьем месте – АК, содержащие этические оценки (около 8%). Они незначительно представлены в проанализированном материале, поскольку встречаются в текстах периферийных или гибридных жанров ОДС: *Весь личный состав корабля обязан самоотверженно и мужественно защищать Государственный флаг Российской Федерации ... (самоотверженный – «жертвующий своими интересами во имя кого-либо, чего-либо» [БТС, 2000, с. 1145]; мужественный – «обладающий мужеством, стойкий» [БТС, 2000, с. 562]; мужество – «присутствие духа в опасности, в беде и т.п.; храбрость, бесстрашие») [БТС, 2000, с. 562]).* Самоотверженность, мужество, храбрость – качества, которые в гуманистическом обществе признаются положительными. Другие типы оценок представлены в проанализированном материале единичными примерами.

В научном стиле (далее – НС) преобладают АК, заключающие в себе оценки интеллектуальной деятельности ученых или тех людей, творчество и результаты труда которых изучаются в научной работе: *История создания романа ... увлекательно излагаются в «досье» С. Савицкого.* Такие АК составляют 68% от общего количества оценочных АК в данной сфере общения.

АК, выражающие рациональные (прежде всего, нормативные и телеологические) оценки, находятся на втором месте по частоте

встречаемости в НС и составляют 32%. Обычно подобные АК позволяют ученым оценивать взгляды коллег с точки зрения правильности, справедливости, целесообразности, результативности, обоснованности: *Однако различные точки зрения ученых на сущность словообразовательного процесса ... неоправданно усложнили их изучение (неоправданный в данном случае имеет значение «нецелесообразный» [БТС, 2000, с. 630]).* Некоторые из них служат для того, чтобы представить неправильный, с точки зрения пишущего, подход к решению какой-либо проблемы: *При этом организационные инновации все-таки осуществлялись, но стремительно, в чем-то даже сумбурно (сумбурный – «лишенный ясности, последовательности, порядка; путаный, хаотичный» [БТС, 2000, с. 1289], то есть такой, который не соответствует норме осуществления организационных процессов).* Других типов оценок, выраженных в наречиях-компликаторах, в данной сфере общения не встретилось.

Хотелось бы также отметить, что наблюдение над этическими оценками, содержащимися в АК, позволило прийти к следующему заключению: такие оценки соотносятся с ценностями, свойственными национальному русскому характеру. Здесь прослеживается связь между оценочностью и системой ценностей, существующей в языковой картине мира. Для русского человека концептуально значимыми оказываются такие качества, как *доброта, радушие, гостеприимство, терпение, смирение, смелость, верность, самоотверженность, бескорыстие, милосердие, духовность* [Лурье, 2002; Стернин, 2003; Зализняк, Левонтина, Шмелев, 2005]. Согласно данным психологических исследований, среди базовых ценностных доминант в сознании русского человека преобладает *добро*, под которым в русской языковой картине мира понимаются отзывчивость, сострадание, готовность прийти на помощь [Будагова, Зиновьева, 2010], стремление к правде и поступкам по совести, отражение в человеке духовного начала [Зализняк, Левонтина, Шмелев, 2005]. В проанализированном материале нам встретились оценочные АК, которые отражают или отрицают эти важные для русского национального характера качества (*бескорыстно, самоотверженно, участливо, мужественно, щедро, малодушно, нахально, бессовестно, тщеславно* и т.д.).

Итак, проанализированный материал позволил сделать некоторые выводы в отношении оценок, содержащихся в семантической структуре адвербиальных компликаторов: характер оценок зависит от сферы употребления АК, тематики текстов и функций, которые АК выполняют в высказывании.

Эмоциональность, субъективность, психологизм противостоят доминанте строгих стилей, поэтому в НС и ОДС этические и эмоциональные оценки присутствуют в незначительном количестве, а рациональные или интеллектуальные преобладают. АК в этих сферах общения обычно содержат в себе в свернутом виде номинацию ситуации или характеристику объекта пропозиции. В текстах нестрогих стилей этических и психологических оценок намного больше. АК здесь обычно описывают субъект ситуации: поведение, черты характера, эмоциональное или ментальное состояние.

Особенности оценки, как уже было сказано, зависят и от тематики текста. Например, если в высказывании речь идет о поведении человека, в АК содержатся этические оценки, если же оценивается речевое произведение, наречия-компликаторы могут содержать в себе интеллектуальные оценки. В случаях, когда говорящий затрагивает общественно-политические проблемы, в структуре АК могут присутствовать нормативные или телеологические оценки, выражающие его отношение к сложившейся ситуации.

Кроме того, проведенный анализ показал, что этические оценки, содержащиеся в АК, отражают систему ценностей, свойственную русскому менталитету. Наречия-компликаторы нередко называют концептуально значимые качества характера субъекта.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2002.
Будагова Т.А., Зиновьева Е.И. Русский национальный характер в лингвистическом аспекте: теоретические основы изучения и языковая практика // Мир русского слова. 2010. № 1.
Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 2002.
Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005.
Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
Лурье С.В. В поисках русского национального характера // Отечественные записки. 2002. № 3.
Стернин И.А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 2003.
Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж, 1979.
Хорешко О.Н. Жанровый аспект положительной оценки лица: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2005.
Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М., 2008.
Ягубова М.А. Оценка в языковой картине мира // Вопросы стилистики. 1996. Вып. 26.

МИЛИТАРНАЯ МЕТАФОРИКА В МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

Е.В. Долгова

Ключевые слова: милитарная метафоризация, концептуальная метафора, метафорическое выражение, метафорическая модель, концептуализация войны, медийный дискурс.

Keywords: military metaphORIZATION, conceptual metaphor, metaphoric expression, metaphoric model, war conceptualization, the media discourse.

В современном медиапространстве новости следует рассматривать как нечто большее, чем простое отражение действительности или разновидность информационного жанра с присущей ему структурно-содержательной организацией текста. Существует определенная озабоченность в связи с тем, как новости изменились. Сегодня можно отметить четкую тенденцию современных медиа к обеспечению правдоподобности материалов, нежели их достоверности. Это, в первую очередь, связано с перераспределением основных целей и задач медиа, которые все чаще вместо информирования общества выполняют иные функции, например, обеспечение государственных интересов страны, становясь инструментом международной политики. Это тенденция, на наш взгляд, обусловлена современными процессами глобализации, основным вектором развития геополитических процессов в мире в целом. Глобализация – это не только то, что существует в реальности, но и то, что людям предлагают думать о происходящем и о будущем мироустройстве [Богатуров, 2002, с. 376]. А.И. Уткин рассматривает глобализацию как политически востребованную концепцию, призванную теоретически обосновать стремление определенных сил трансформировать существующий миропорядок в своих интересах [Уткин, 2002]. Медиапространство, наряду с этно, техно, финансовым и идеологическим пространствами, является неотъемлемой частью современных глобализационных процессов.

Основные векторы развития геополитической ситуации в мире, к которым можно отнести претензии Запада на мировое доминирование, исламскую воинственность, а также рост азиатского экономического могущества, обуславливают тематику информационного медиадискурса, иллюстрируя невозможность *предотвратить освещение в медиа* актов терроризма, проблем миграционных потоков, военных конфликтов, введение санкций и т.д. Мейнстрим новостного

медиадискурса, несомненно, социально, культурно и идеологически обусловленного процесса, в условиях глобального общественного диалога не только отражает особенности массового сознания, но и формирует его, корректируя информационные потребности аудитории. Являясь социально-значимым регулятивным механизмом, медиадискурс организует общественное сознание, формируя социально значимые когнитивные, аксиологические и регулятивные концепты. Медийное слово по своей природе обладает повышенной воздействующей силой, и способ этого воздействия непосредственно фиксируется в языке. В данной статье предпринимается попытка рассмотреть, как знание о войне представлено в медийном пространстве и как выбор языка влияет на общественное восприятие и в конечном итоге на формирование концептуальной картины мира. Одной из главных особенностей современного языка массмедиа является чрезвычайно богатая метафорика. Метафора – особенно важная фигура речи, оказывающая влияние на общественное восприятие.

Общее представление о том, что такое метафора, является предметом обсуждения для обширного ряда ученых в области философии, лингвистики, когнитивистики, научные исследования которых демонстрируют различную степень сложности данного явления для отражения его понимания. Например, Кеннет Берк полагает, что метафора – фигура речи для отображения одного объекта с точки зрения другого [Burke, 1945, с. 503]. Сьюзен Зонтаг описывает метафору как «высказывание о том или похожее на то, чего нет» [Sontag, 1989, с. 93]. Поль Рикер утверждает, что «метафора скрепляет в рамках одного простого значения две разноплановые недостающие части различных контекстов этого значения» [Ricoeur, 1978, с. 80]. По мнению Джонатана Чартерис-Блэка, метафора – это «лингвистическое представление, которое следует из перемещения в использовании слова или фразы из контекста или области, в которой оно ожидаемо, реализуется в другом контексте или области, где это не происходит прогнозируемо, таким образом вызывая семантическую напряженность» [Charteris-Black, 2004, с. 21] (перевод мой. – Е.Д.).

Однако метафоры не просто заменяют один способ выражения другим, а создают сильную перцепционную связь между двумя значениями. Так, американские лингвисты Дж. Лакофф и М. Джонсон, наиболее влиятельные ученые в этом направлении (поскольку им удалось экспортировать исследование метафоры из области лингвистики в другие дисциплины, такие как психология, социология

и политология) полагают, что сущность метафоры состоит в осмыслении и переживании явлений одного рода в терминах явлений другого рода.

В работе «Метафоры, которыми мы живем» они утверждают, что метафоры структурируют способ, которым люди думают: «Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по своей сути» [Лакофф, Джонсон, 1990, с. 387]. По мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, метафоры заставляют людей понять одну концептуальную область опыта с точки зрения другой, проектируя знание о первой, знакомой, области на вторую, более абстрактную. основополагающая идея здесь состоит в том, что метафоры наносят на карту исходную область, например *война*, на целевую область, например *экономика*, и таким образом заставляют целевую область актуализироваться в новом свете.

Диапазон интерпретации метафоры весьма широк: от поверхностного механизма украшения речи до фундаментального когнитивного образования, организующего наши мысли, оформляя суждения и структурируя язык. По данным разных авторов, можно выделить от 14 до 37 разных видов метафор, что свидетельствует о многообразии подходов к изучению данного явления. Тем не менее, на наш взгляд, все многообразные мнения и теории не противоречат, а скорее дополняют друг друга, давая возможность взглянуть на метафору под другим углом зрения, в ином пространственном измерении.

В данной статье мы апеллируем к двум видам метафор: метафорическое выражение и концептуальная метафора. Концептуальная метафора, например *хаос есть война*, демонстрирует абстрактную связь между двумя концептуальными сферами, сопоставляя исходную область (хаос) и целевую область (война). Отображение определенных свойств происходит за счет набора систематических соответствий между областями источника (**а**) и цели (**б**) в том смысле, что составные концептуальные элементы **б** соответствуют составляющей элементов **а**. Таким образом, концептуальная метафора предполагает транспонирование знания когнитивного агента одной области его опыта (исходного домена) в другую область (целевой домен) [Drulák, 2005, с. 3].

Очевидно, что концептуальные метафоры не должны быть явно видны в дискурсе, они актуализируются посредством метафорических выражений, представляющих собой конкретные заявления, представленные в тексте, на которые и опирается концептуальная метафора. Данное когнитивное образование представляет собой

концептуальную сферу, идею или образ, основу которого представляет определенный набор метафорических выражений. Таким образом, мы идентифицируем метафору в тексте как образное выражение, средство экспрессии, имеющее глубинную когнитивную структуру в ментальном пространстве.

Целью данной статьи является рассмотрение особенностей метафоризации концепта *война* в новостном медийном дискурсе на примерах общего медиатекста современных электронных версий отечественных и зарубежных печатных изданий. Материалом исследования послужили 45 полнотекстовых статей интернет-версий оффлайновых газет, информационных сайтов, содержащих информационный контент новостного характера. В результате качественного анализа были эксплицированы 73 милитарные метафоры.

Поскольку в рамках медийного дискурса рассматриваются тексты, созданные журналистами и распространяемые посредством прессы, телевидения, радио, Интернета, то ведущими признаками медиадискурса считаются медийность (воплощение текста с помощью тех или иных медиасредств, его детерминация форматными и техническими возможностями канала), массовость (как в сфере создания, так и в сфере потребления медиапродуктов), интегративность, или поликодовость, текста (объединение в единое коммуникативное целое различных семиотических кодов), открытость текста [Казак, 2012, с. 72]. Электронная версия передает всего лишь форму трансляции материалов, но не изменение характера общения посредством компьютера, поэтому лингвостилистические свойства и признаки печатных текстов характерны и для медийных текстов. Кроме того, качественным медиатекстам, помимо аналитичности, взвешенности оценок, надежности фактов и мнений, свойственна также многофункциональность, то есть воздействие на аудиторию через информирование и убеждение.

Интерес к медийному дискурсу связан с его значимостью для коммуникации кризиса, то есть освещения глобальных чрезвычайных событий и ситуаций, которые могут нарушить условия жизнедеятельности людей, повлечь за собой человеческие жертвы и нанести материальный ущерб. Коммуникация кризиса связана с поиском ответов на вопросы, как достичь максимальной доступности получения информации для всего населения, обеспечить условия для широкого обсуждения актуальных проблем, убедить людей изменить свое отношение к тому или иному виду кризиса. Новостные материалы о войне в современном хронотопе (2015-2016 годы) несомненно

соответствуют основным параметрам информационного доминирования, а именно: значимость, частота упоминания, однозначность (в рамках концептуальной картины мира конкретного идеологического пространства), этаблирование, этноцентризм, персонализация, сенсационность, негативизм [Пастухов, 2009, с. 255]. Актуальным в этой связи становится изучение особенностей языковой объективации представлений о войне в медийном дискурсе, в том числе метафоризации, поскольку метафора как универсальный когнитивный механизм обеспечивает переработку научного знания с учетом того, какой объем информации, когда и в какой форме сообщить адресату.

Метафоризация (англ. *metaphorization*) означает расширение смыслового объема слова за счет возникновения у него переносных значений и усиления его экспрессивных свойств [Ахманова, 2005, с. 232]. Итак, можно предположить, что метафоризация – это процесс такого взаимодействия указанных сущностей и операций, которое приводит к получению нового знания о мире и к оязыковлению этого знания. Метафоризация сопровождается вкраплением в новое понятие признаков уже познанной действительности, отображенной в значении переосмысливаемого имени, что оставляет следы в метафорическом значении, которое в свою очередь вплетается и в картину мира, выражаемую языком.

Отметим, что рассмотрение процесса военной метафоризации имеет два вектора развития, соответственно разделяющих изучение метафорических моделей на два подхода. Первый предполагает выявление военной метафоры в репрезентации понятий, относящихся к определенной области знаний, где война является сферой-источником, экспансирующей военную метафорику в другие области медийного дискурса. В частности:

– экономическую: «Газпром» готовится к ценовым **войнам** (Мир Новостей. 06.02.2016), *Америке предрекают поражения в «газовых войнах» с Россией* (Мир Новостей. 12.02.2016), **блокада** *фур* будет продолжена (Российский диалог. 24.02.2016), *западные эксперты признали, что российская экономика **выстояла*** (Мир Новостей, 25.01.2016). **Тихое нападение** *Путина на доллар* (Московский комсомолец. 25.01.2016), **несут потери** *из-за ухудшения своих экономических условий* (Свободная пресса. 26.02.2016);

– политическую: **пехотинцы** *Кремля* (Свободная пресса. 25.02.2016), *кто не либерал, тот **враг*** (Свободная пресса. 24.02.2016), **активисты общероссийского народного фронта** (Информационный

портал Самарской области. 17.01.2017), *мари* памяти Немцова (Московский комсомолец, 27.02.2016);

– спортивную: *шейхи наступают на футбольных полях* (Мир Новостей. 27.10.2015), *как «убить» команду* (Мир Новостей. 11.08.2015), *хоккейные войны* (Мир Новостей. 11.07.2015), *бои без правил* (НТВ, URL). *Золото завоевала женская российская пара* (Геополитика. 15.08.2015);

– массово-культурную: *Батулин – Рудковская: неужели будет новая война* (Мир Новостей. 16.02.2016), *Хворостовского ждет решающий бой* (Мир Новостей. 15.01.2016), *Дмитрий Дюжев учит сына применять силу* (Мир Новостей. 30.01.2016);

– социальную: *раменское противостояние* (Мир Новостей. 04.01.2016), *дальнобойщики дадут бой* (Мир Новостей. 01.12.2016), *недвижимость массового поражения* (Свободная пресса. 21.02.2016), *россияне с iPhone штурмуют сервисные центры* (Известия. 23.02.2016), *алкоголь – оружие геноцида против славянских* (Ящик пандоры, URL);

– здравоохранения: *узнай как победить грипп одним оружием* (Московский комсомолец. 29.01.2014), *вирусы атакуют человечество* (Мир новостей. 16.02.2016), *чтобы победить грипп, надо научиться бороться с обычным* (Сегодня. 02.12.2010).

Даже поверхностное эмпирическое наблюдение свидетельствует о том, что военная метафорика стирает границы между вооруженными силами и гражданским обществом, воюющей стороной и мирным населением, государством и военной машиной, военным и мирным временем. Активно тиражируемая в медийном дискурсе военная метафорика детерминирует определенную стратегию, предлагая своеобразную милитаризованную матрицу, посредством которой можно интерпретировать универсум. Говоря о метафорике медийного пространства, не надо забывать, что этот дискурс изобилует стертymi метафоризациями, которые терминологизировались в других сферах, превратившись в метафорические рефлексy. В рамках рассмотрения военных метафор к таким стертым метафорам можно отнести понятия «информационная война», «психологическая война», «климатическая война», «экологическая война» и ряд других. В частности Л. Фараго определял психологическую войну как «организованные усилия для распространения идей, доктрин и принципов, сознательной целью которых является приобретение сторонников, последователей или союзников, а также убеждение людей в том, что твое дело – справедливое и правое, а особенно достижение того, чтобы люди

начинали действовать с выгодой для одной стороны в ущерб другой» [Фараго, 1965, с. 237].

Анализ военной метафоры показал, что в качестве сферы-источника в процессе метафоризации используются различные подвиды военной лексики:

1) наименование военных действий, способов и методов их ведения: *атака, бой, битва, прорыв, баталия, война, капитуляция, маневр, наступление, отступление, осада, штурм, атака, штурмовать, оборона, разведка, засада* и др.;

2) наименование субъектов военных действий: *солдат, боец, войско, легион, армия, гвардия, тяжёлая артиллерия, военная группа, разведчик, ветеран, шпион, часовой* и др.;

3) наименование военных объектов, типов вооружения, мест дислокации войск: *арсенал, бомба, мишень, оружие, стрела, танк, фронт, фланг, штаб, лагерь, командные высоты, передовая, тыл, меч, мина, копье, пушка, пуля, шпага, порох* и др.

В основу метафорического переноса из концептуальной области военного дела в целый ряд других разноплановых сфер положены основные метафорические модели: война – политика, война – экономика, война – спорт, война – юриспруденция, война – язык, война – экология, война – здравоохранение, война – трудовая деятельность, война – жизнедеятельность человека, война – межличностные отношения, война – социальная жизнь.

Важно отметить, что экспансия военной метафоры в различные области общественного знания не способствует поиску положительного решения или компромисса, столь важных для обеспечения толерантности в обществе в целом. Концептуализация современной действительности в понятиях войны свидетельствует о доминировании в национальном сознании агрессивного сценария для разрешения разногласий практически в любой сфере.

Второй подход в исследовании метафоризации войны предполагает рассмотрение концептуальных сфер, реперентирующих понятие «война» при освещении военных конфликтов. Другими словами, какие типовые метафорические модели являются сферой-источником, основой или способом сравнения для отражений концепта «война» в современном общественном сознании.

Отметим следующие метафорические модели в информационном пространстве отечественных и зарубежных медиа:

Метафорическая модель «игра и спорт – война»: *Однако вмешательство России на стороне Дамаска смешало все карты. В*

полной мере его надежды не оправдались, и теперь **разыгрывается другая козырная карта** (Независимая газета. 08.12.2015). Если по большому счету, официальный Багдад в данном случае **остаётся вне игры**. В Киеве считают, что Вашингтон сейчас может более активно **включиться в игру**. А это означает, что **дан старт** переделу государственных границ на Ближнем Востоке. «Донбасс и РФ задали «конституционный ритм» **новому раунду переговоров контактной группы**» (Независимая газета. 29.01.2016). *Clearly how this intervention **plays out** will have a defining impact not just on Syria, but on the Middle East as a whole. **War games** in Middle East could prepare UK for potential Russian war with NATO* (Conflict-news, URL).

Метафоры «игра» и «спорт», реализующие представление о стратегическом взаимодействии между противоборствующими сторонами, эксплицируют доминантные смыслы риска, обмана, азарта, эмоционального напряжения, успешности / неуспешности совершаемых действий. Образный комплекс «игра-война» в большей степени связан с отрицательной оценкой ситуации, однако семантический потенциал данной метафорической модели представляется более широким и не исключает положительных оценок событий.

Метафорическая модель «театр – война»: *По словам украинских экспертов, свою роль в ситуации сыграла и безынициативность в украинском вопросе генсека ООН Пан Ги Муна. «**Марионетки не играют своей роли, а только дергаются по воле кукловода**», – сказал Чорновил. Украина..., похоже, нашла силы не плясать под кремлевскую дудку. Россия продвигает свой сценарий* (Независимая газета. 21.01.2016). *Governments and non-state actors alike have used water as a weapon for centuries* (Forbes, 25.01.2015). *If true, this would be a disaster for the US who were seen as the Kurds main backers and protectors, especially during the siege of Kobane in 2014 in which US air support **played a vital role** in pushing back ISIS* (Conflict-news, URL).

Метафора «театр» представляет войну как постановку, противопоставляя ее обыденным, повседневным социальным отношениям, оцениваемым как нормативные. Метафорическая интерпретация обнаруживает соотношение концепта войны с такими когнитивными аспектами театра, как сознание вторичной реальности в сравнении с повседневной жизнью, наличие правил, сценарность действия, постановочность, наличие другого бытия. Отметим, что в медийном дискурсе языковые средства экспликации образа войны

посредством театральной и игровой метафор отличаются стереотипностью и регулярностью.

Метафорическая модель «природные явления – война»: *Кадровые тупо морозятся по штабам и не горят желанием ехать воевать. Одна за другой по стране прокатились шесть «волн мобилизации»* (Свободная пресса. 27.02.2016). ... *такая формулировка, с одной стороны, размывает ответственность ...* (Независимая газета. 08.01.2015). *В начале января, когда прошли переговоры Контактной группы, показалось, что лед тронулся. Подобная волна поднимается ежегодно в одно и то же время. Причина проста – обсуждение в конгрессе размера военного бюджета на следующий год»* (Аргументы недели. 03.03.2016). *Breedlove said Moscow and Damascus are deliberately fueling the mass displacement of Syrians* (France24, URL). *A first wave of arrivals reached the town at the break of dawn, their vehicles loaded with personal belongings and, in many cases, children after authorities partially lifted a 24-hour curfew* (International Business Times. 02.03.2016). *While Turkey has sought to cool tensions, seeing the Paris climate change talks that start this week as a chance to mend ties* (The Guardian. 25.11.2015). *You sow the wind, you reap the storm. And the storm caught up with them during that march* (Time. 10.04.2015).

Метафора «природные явления» внедряет в новостной нарратив о военных событиях слова, обозначающие природные условия (*дождь, гроза, ветер*), движение и состояние воды и огня (*течет, охладить, волны, лед*), стихийные бедствия (*ураган, шторм*). Эта метафора детерминирует смысл о существовании законов природы, которые зачастую неподвластны влиянию человека и подразумевает стихийную и неизбежную природу войны и ее последствий.

Метафорическая модель «физиология, медицина – война»: *можно считать, что наземная операция началась еще раньше – чуть ли не с зарождения конфликта* (Независимая газета. 12.08.2015). *Многие из ключевых членов блока все так же страдают от хронического недофинансирования и острого дефицита средств в их вооруженных силах. 4,6 млн. человек живут в осаде и отрезаны от гуманитарной помощи. Российская сторона пытается «имплантировать» в Украину оккупированные районы в нынешнем их виде и на российских условиях. В ООН решили присмотреться к ситуации, пока – в гуманитарном разрезе* (Независимая газета. 21.01.2016). *Чтобы это прекратить, можно попробовать найти таких миротворцев, которые бы не вызывали отторжения ни у жителей Донбасса, ни в Киеве* (Независимая газета. 01.02.2016).

*ISIS itself is also **taking root in** Africa, stationing itself in Libya and prompting serious talks of US intervention ... (Conflict-news, URL). ... transfers from Turkish airports close to the Syrian border while the authorities and border guards **turned a blind eye** (The Guardian. 25.12.2015). Kadyrov oversaw the hunt for rebel leaders in the mountains of Chechnya and allowed no resistance to Russian rule, often referring to Putin as a kind of **surrogate father** (Time. 22.05.2015).*

Медицинская метафора закономерно способствует формированию прагматических смыслов, связанных с заболеванием, недомоганием, немощью, требующим оперативного вмешательства, и вместе с тем предопределяет отношение к стране и обществу как к пациенту, который не может в полной мере отвечать за свои действия.

Метафорическая модель «механизм – война»: *Его параметры очевидны давно: возвращение Донбасса Украине таким образом, чтобы опустошенный войной регион стал экономическим и политическим **тормозом** для любых **маневров** Украины (Независимая газета. 21.01.2016). Международное сообщество употребило свои **рычаги давления**, чтобы заставить сирийские противоборствующие силы согласиться на диалог (Новая газета. 30.01.2016). Россия и США готовы **запустить эффективный механизм** реализации и контроля за соблюдением режима прекращения огня (Свободная пресса. 24.02.2016).*

*Ukraine's security services said groups of foreign fighters coordinated by Russia **had sparked** the violence (The Guardian. 03.05.2015). The UN Security Council passed a number of resolutions urging member states to step up screening measures and border patrols aimed at **stemming the flow** of foreign fighters to Iraqi and Syrian battlefields (The Guardian. 25.12.2014).*

Механистическая метафора формирует представление о войне как о бездушной, мощной силе, действующей внезапно и независимо от интересов конкретного индивида. Также следует отметить, что метафора «механизм» позволяет скрыть истинные намерения, завуалировать, сделать конкретные действия неясными и расплывчатыми: *сдерживать поток беженцев, употребить рычаги давления, запустить механизм реализации* и т.д.

Метафорическая модель «гастрономия – война»: *До этого о намерении разместить в Ираке бойцов американского спецназа неоднократно говорил президент США Барак Обама, что тоже **не пришлось по вкусу** Багдаду (Независимая газета. 08.12.2015). Например, предложить противоборствующим сторонам такой*

миротворческий коктейль: белорусы, казахстанцы плюс европейцы из страны, которую воспримут в ДНР, ЛНР и Киеве. Но устраивающую всех сборную миротворческую солянку найти все же можно (Независимая газета. 01.02.2016).

Гастрономическую метафору в концептуализации войны скорее можно отнести к вариативному типу, реализующему в большей степени эмоционально-образную функцию, где война концептуализируется в виде хаоса, беспорядка.

Вышеперечисленные метафорические модели являются доминирующими в информационном медиатексте о войне и демонстрируют высокую номинативную плотность.

Концептуализация войны в новостном медийном дискурсе выявляет архетипичные области ментального знания, которые служат как целевыми областями, так и сферами-источниками для концепта «война». Современный глобальный универсум активно тиражирует знание о войне, конструируя картину мира с помощью военной метафоры, демонстрируя когнитивную укорененность военных образов в национальном сознании. К семантическому центру концептуальных сфер, активно задействованных при освещении военных конфликтов, относятся метафоры «игра», «спорт», «театр», «болезнь», «природа», «механизм». Они конституируют определенные ментальные ассоциации, обусловленные, зачастую, дискурсивной спецификой функционирования метафорической модели. Частотность использования военной метафоры в массмедиа подтверждает мысль о том, что обыденное сознание все чаще познает окружающий мир посредством терминологии войны как идейного противостояния и нарушения границ, а также как следствие интолерантности, как культуры неприятия иного.

Литература

- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 2005.
 Богатуров А.Д. Брюссельско-вашингтонский порядок // Очерки теории и методологии анализа международных отношений. М., 2002.
 Казак М.Ю. Язык газеты: учебное пособие. Белгород, 2012.
 Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990.
 Пастухов А.Г. Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Орел, 2009.
 Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. М., 2002.
 Фараго Л. Война умов. М., 1965.
 Burke Kenneth. A Grammar of Motives. Berkley, 1945.

Charteris-Black Jonathan. *Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis*. Basingstoke, 2004.

Drulák Petr. *Metaphors and Creativity in international Politics*. *Discourse Politics Identity*. Working Paper Series, 2005.

Ricoeur Paul. *The Rule of Metaphor*. London, 1978.

Sontag Susan. *Illness as a Metaphor and AIDS and its Metaphors*. New York, 1989.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Мир новостей. [Электронный ресурс]. URL: <http://mirnov.ru/rubriki-novostey/kultura/page-1>.

Мир новостей. [Электронный ресурс]. URL: <http://mirnov.ru/rubriki-novostey/ekonomika/page-2>.

Московский комсомолец. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mk.ru/>

Newsru.com в России. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newsru.com/russia/27feb2016/majornovgorod.html>.

Ищенко Сергей. Лейтенанты по вызову в Донбасс. [Электронный ресурс]. URL: <http://svpressa.ru/war21/article/143267/>.

Одноколенко Олег. Сирию разрывают на составные части. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/armies/2015-12-08/1_siria.html 08.12.2015

Без разводящей стороны мира на юге Украины не будет. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/editorial/2016-02-01/2_red.html 01.02.2016

Ивженко Татьяна. Киев настроен на усиление армии. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/cis/2016-01-29/1_kiev.html 29.01.2016

Ивженко Татьяна. Эксперты ООН оценили, что нужно Донбассу. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/cis/2016-01-21/6_oon.html

Украинцы хотят, чтобы в Донбасс ввели миротворцев. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/cis/2015-12-29/6_donbass.html 29.12.2015

Минеев Александр. Война пока побеждает мир. [Электронный ресурс]. URL: [30.01.2016 novayagazeta.ru/politics/71645.html](http://30.01.2016.novayagazeta.ru/politics/71645.html)

Германия может бросить против России только 10 вертолетов и 280 бронемашин 26.02.2016. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/armies/2016-02-26/100_obzor260216.html независимая газета

Полубота Алексей. Российской авиации связывают руки. Чем закончится временное прекращение огня в Сирии? [Электронный ресурс]. URL: <http://svpressa.ru/war21/article/143016/> свободная пресса

At least 18 people killed in Russian airstrike on town in Syria – reports [Electronic resource]. URL: <http://www.theguardian.com/world/2015/nov/29/turkey-hand-body-shot-down-pilot-russia>

Becker Cameron. Canada's shifting strategy in the fight against [Electronic resource]. URL: <http://www.conflict-news.com/articles/canadas-shifting-strategy-in-the-fight-against-isis>

Residents return to flashpoint town in southeastern Turkey, find it destroyed. [Electronic resource]. URL: <http://www.foxnews.com/world/2016/03/02/residents-return-to-flashpoint-town-in-southeastern-turkey-find-it-destroyed.html>

The US against Boko Haram: touch talk and soft blows. [Electronic resource]. URL: <http://www.conflict-news.com/articles/the-us-in-africa-boko-haram>

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ВОДНОГО ТРАНСПОРТА В ТЕКСТАХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СМИ

Н.А. Сегал

Ключевые слова: политический текст, политический дискурс, политическая коммуникация, метафора.

Keywords: political text, political discourse, political communication, metaphor.

Интерес лингвистов к исследованию метафоры, возросший на рубеже XX-XXI веков, определяется пристальным вниманием к языковой картине мира носителя той или иной культуры, его системе ценностей и национально-культурному опыту. Ученые указывают на антропоцентричность метафоры, то есть «...соизмеримость сопоставляемых в метафоризации объектов именно в человеческом сознании, безотносительно к реальным сходствам и различиям этих сущностей» [Телия, 1988, с. 3-4]. Такое соотношение объектов весьма логично вписывается в антропоцентрическую парадигму современной лингвистики и является основой познания человеком окружающего мира посредством собственной активной деятельности и использования артефактов.

Цель статьи – определить содержание и структуру метафоры *водный транспорт* через систему средств ее вербальной репрезентации в политических текстах как фрагменте политической картины мира. Актуальность предлагаемого исследования определяется необходимостью описания механизмов репрезентации языковых единиц, входящих в лексико-семантическое поле *транспорт*, и его переосмысления в политических текстах.

Научная новизна статьи обусловлена тем, что в ней впервые описана специфика семантической организации и функциональные особенности лексических единиц, входящих в лексико-семантическую группу *водный транспорт*. В рамках исследования описаны особенности метафоризации языковых единиц, формирующих фрагмент языковой картины мира, раскрыт функционально-прагматический потенциал ключевых единиц-репрезентантов и фразем, определены механизмы их формирования.

Работа строилась на материале печатных и электронных версий русскоязычных СМИ за 2009-2015 годы. Выбор источников был определен следующими причинами: во-первых, указанные издания отражают политические реалии современного общества и выступают

субъектами политического дискурса; во-вторых, обращение к материалам газет, которые репрезентируют различные политические взгляды и идеологические установки, дает возможность представить объективную картину политических событий и, соответственно, дать объективный анализ языкового поведения их участников.

В процессе отбора материала главными методами исследования были описательный и индуктивный методы, построенные на наблюдении, анализе, классификации отдельных фактов с целью их дальнейшего синтеза и обобщения. Объект исследования обусловил необходимость комплексного подхода, в рамках которого использовались разные лингвистические методы: метод компонентного анализа – для установления семной структуры слов; метод идентификации – для определения характеристик языковых единиц; метод контекстологического анализа – для установления образно-ассоциативных смыслов, закодированных во внутренней форме языковых единиц уровня вторичной номинации; метод лингвистического моделирования – для построения метафорических конструкций с базовыми компонентами с семантикой *водный транспорт*.

Единицы, входящие в лексико-семантическое поле *транспорт*, в политическом тексте являются основой для метафорического переноса. Реализуясь в коммуникации и текстах различных типов, такие единицы становятся источником метафорических значений и могут характеризоваться, по определению Г.И. Кустовой, как способ концептуализации некоторой внеязыковой реальности, который «... предоставляет говорящим на данном языке своего рода ментальную схему (семантическую модель) для осмысления других типов ситуаций, подводимых (в той или иной мере) под эту схему» [Кустова, 2000, с.201]. Полностью соглашаясь с данным тезисом, добавим, что использование ментальных схем возможно только при апеллировании к аудитории, владеющей знаниями об исходном денотате и умеющей легко уловить ассоциативные связи между предметами. Именно поэтому метафоры культурно ориентированы и национально-специфичны. Более того, политические тексты указывают на динамический характер метафор и неоднозначность их интерпретации, которая зависит от позиций адресанта и адресата. Э. Будаев отмечает, что «положение о том, что субъект склонен реагировать не на реальность, а скорее на собственные когнитивные репрезентации реальности, приводит к выводу, что и поведение человека непосредственно определяется не столько объективной реальностью, сколько системой репрезентации человека. Из этого

следует, что выводы, которые мы делаем на основе метафорического мышления, могут формировать основу для действий» [Будаев, 2007, с. 19]. Такая прагматическая установка автора политического текста определяет арсенал образных средств и широкий коннотативный спектр, реализующий образный потенциал языковых единиц в контексте.

В современной коммуникации метафоры не только участвуют в категоризации понятий, но и являются аккумулятором личного и народного опыта, зеркалом экономических, политических и культурных изменений. По замечанию Н.Д. Арутюновой, «в эмоциональном нажиме на адресата заинтересован не только писатель, публицист и общественный деятель, но и любой член социума. Общность цели естественно порождает и общность используемых языковых приемов. Сфера выражения эмоций и эмоционального давления вносит в обыденную речь элемент артистизма, а вместе с ним и метафору» [Арутюнова, 1990, с. 8].

Обзор научной литературы, посвященной исследованию политической метафоры (работы В.Н. Базылева, А.Н. Баранова, Э.В. Будаева, М. Джонсона, Ю.Н. Караулова, И.М. Кобозевой, Л.А. Кудрявцевой, Дж. Лакоффа, В.Н. Телия, А.П. Чудинова, Г.М. Яворской), позволяет интерпретировать политическую метафору как инструмент для осознания, моделирования и оценки политических процессов, средство воздействия на социальное сознание. Бесспорным является факт, что именно метафора способна апеллировать к любой целевой аудитории, прямо или косвенно воздействуя на адресата. Исследователи утверждают, что политическая метафора представляет собой одно из наиболее эффективных средств, обеспечивающих прагматический потенциал политической коммуникации. А.П. Чудинов подчеркивает, что «метафорический характер имеет большинство ключевых слов и фраз, определяющих ту или иную парадигму политического мышления. Опытный политик стремится предстать перед избирателями в роли источника ярких политических метафор, образующих смысловой и эмоциональный фон его социальной концепции» [Чудинов, 2013, с. 123]. Именно образная речь, формирующая языковую личность того или иного политика, является основой его популярности, привлекает внимание и заинтересовывает электорат.

Соглашаясь с Т.Г. Скребцовой в том, что язык представляет собой «единый организм, а не набор автономных компонентов» [Скребцова, 2000, с. 16-17], при анализе политической метафоры, вслед за А.П. Чудиновым, мы включаем в объем рассматриваемого материала

«не только собственно метафоры, но и сравнительные обороты, перифразы, метонимию и иные образные средства, учитывая не только собственно слова, но и фразеологизмы, составные наименования» [Чудинов, 2001, с. 37]. Таким образом, комплексный анализ образных средств позволяет глубоко и полно представить систему метафорических моделей, формирующих фрагмент политической картины мира в масс-медийном дискурсе.

Метафорические образы со сферой-источником *транспорт* активно функционируют в политических текстах, что обусловлено прагматическими установками адресата, с одной стороны, и широким образным потенциалом лексики, входящей в тематическую группу *транспорт*, – с другой. В политических контекстах транспортные метафоры призваны показать прежде всего динамику политических явлений и событий, движение политического субъекта к цели, наличие препятствия на пути к ней, стремление преодолеть его или невозможность достижения цели. Являясь важным способом интерпретации действительности, метафора *транспорт* актуализирует отношение говорящего к политическому событию, при этом выявляются оценочные компоненты, создающие модальную рамку текста. Метафоризация *водного транспорта* в политическом тексте происходит прежде всего через языковые единицы, входящие в одноименное лексико-семантическое поле и относящиеся к следующим группам: 1) номинации транспортных средств (корабль, пароход, теплоход, ледокол, катер, ковчег и т.д.); 2) действия и процессы (идти ко дну, тонуть, садиться на мель, дрейфовать и т.д.); 3) субъекты (капитан, матрос, штурман, командир и т.д.); 4) препятствия (риффы, скалы); 5) атрибуты судна (руль, штурвал, паруса, капитанский мостик, спасательный круг и т.д.). Данные единицы не функционируют изолированно друг от друга, а организуют метафорические модели, посредством которых и реализуется образность политического текста.

В современных политических текстах активными являются образные сравнения с *кораблем* и метафора *корабля*, появившаяся еще в древнегреческой поэтической традиции. Позитивный образ корабля, сформированный в политических текстах, не является закрепленным, однако отчетливо демонстрирует силу и мощь, уверенность в конструктивных перспективах, возможность достижения поставленной цели, несмотря на возникающие препятствия: *Все трудности и рифы, на которые натолкнулся молодой корабль украинской демократии, отправившийся от берегов посттоталитарного общества, он успешно проходит. И, думается, будет проходить и впредь* (Диалог.

12.04.2010). В политических текстах такие метафоры разворачиваются в образные сценарии, построенные на сравнении государства с лодкой: *Государство сродни лодке. Чем мощнее и сплоченнее общественно политические силы, находящиеся в центре политического спектра страны, тем устойчивее и увереннее движется государственный корабль, обмякая на своем пути всевозможные рифы и препятствия, и тем самым сводя на нет попытки крайних экстремистских сил как с одной, так и с другой стороны раскачать государственную лодку и, тем более, попытаться ее опрокинуть* (Диалог. 14.03.2011).

При создании конструктивного образа *корабля* наиболее активно используется лексема *ледокол*. В политических текстах актуализируются такие семантические компоненты языковой единицы, как «движущая сила», «мощь», «лидерство»: *Польша перестает быть ледоколом американской политики ... В связи с этим нужен новый ледокол, и на эту роль, конечно, идеально подходит Латвия* (Зеркало недели. 19.04.2010); *«Единая Россия» – «ледокол» «оранжевой революции» в России* (Полит.ру, 23.03.2012).

В политических текстах формируется образ *корабля, обреченного на гибель*. Действия такого *корабля* сопряжены с трудностями, опасностью, поэтому в ряде контекстов появляется лексическая единица *дно*. *Дно* в подобных конструкциях символизирует смерть, гибель судна и его экипажа, становится неизбежным результатом несогласованных действий государственных лидеров: *Корабль украинской государственности потихоньку идет ко дну* (Зеркало недели. 30.02.2012); *Корабль «Украина» получил смертельную пробоину несколько месяцев назад и теперь медленно погружается на дно* (Диалог. 19.08.2009). Метафорический комплекс «государство – это корабль» получает большую образность при глубоком развертывании текста. Так, анализ данной модели позволяет сделать вывод о том, что метафорический комплекс «государство – это корабль» накладывает ограничения на действия субъектов: невозможно изменить маршрут корабля, когда за штурвалом непрофессиональные рулевые, а за бортом – шторм и сильный ветер: *Украинский Ковчег, прощя Корабль Украина, не плывет а, скорее, дрейфует среди айсбергов непонимания в политическом море страстей и интриг. Крен корабля выравнивали, а его продолжает качать то слева, то справа по борту. Штурманы и капитаны рулят, не зная курса, рискуют попасть бортом или килем под ветер сильнее, чем в 2004 году. В зависимости от ветра перемен команды поднимают паруса то оранжевого, то сине-белого, то белого с красными пятнами. А как хочется настоящего белого паруса, в*

котором имеются все цвета радуги. Неужели штурманам и капитанам хочется видеть нашу жизнь тусклой и серой? Когда приглашали создавать волны флагами цвета паруса установленного на Майдане **Корабля**, – ехали. Зовут бурлаков и чумаков с волами и веревками вытаскать **Корабль** на берег – идем. Решили и постановили всем **идти ко дну – тонем** (Диалог. 26.01.2010); **Нацбанк все время будет вынужден латать дыры в старом, прогнившем и идущем на дно судне. Это, безусловно, оттянет время окончательной катастрофы, но корабль все равно пойдет ко дну** (Диалог. 09.10.2011). Такие метафорические комплексы придают тексту большую образность и способны формировать негативное мнение адресата.

Параллельно с сочетанием **идти ко дну** в политических текстах используется конструкция **сесть на мель**. Данная конструкция не имеет резко негативной коннотации и, как правило, реализуется с ироничным оттенком: *Политики должны были служить той большой водой, которая должна была поднимать западный корабль. **Корабль крепко сел на мели** на мелководье. Чтобы предотвратить его окончательный развал и загнивание, команда корабля проводит постоянное его обновление, модернизацию* (Сб. 19.04.2012). Движение корабля происходит при наличии управляющего им субъекта и сопутствующих артефактов, без которых любое перемещение является деструктивным. Неуправляемость корабля реализуется через конструкцию **без руля и без ветрил**, интерпретируемую как «отсутствие властной доминанты»: *Краевая исполнительная власть работает без руля и без ветрил, и он готов эту ситуацию поправить* (Ф. 04.10.2012); *Украина: без руля и без ветрил. Благодаря оранжевой революции Украина познала не только прелести свободы, но также и горечь нестабильности* (Зеркало недели. 30.04.2011); *Власть без руля и ветрил в шторме анархии рынка* (Ведомости. 12.12.2015). Отсутствие руля приводит к отсутствию системы управления и негативным последствиям: *В 2008 году украинцы потеряли реальный шанс развивать собственную экономику в управляемом режиме. Судя по развитию событий в 2008 году **руль «у корабля» окончательно отвалился*** (Диалог. 25.12.2013). Таким образом, политическое пространство характеризуется резко негативно при несогласованности целей и направлений в политической деятельности, при отсутствии взаимопонимания и компромисса, а также при наличии иллюкционного компонента «невозможность управления».

Менее частотной является конструкция **[оставаться] на плаву**, которая описывает политическую ситуацию с положительной стороны

и характеризует ситуацию, при которой наблюдается относительная стабильность, несмотря на окружающую деструктивную обстановку: *Это поддержало систему, которая была создана до кризиса 2008 года. Те, кто был богат, сохранили свои деньги – **корабль все еще на плаву*** (Комсомольская правда. 16.03.2012). Не менее активно используются образные средства, эксплицирующие экипаж корабля, представленный в политическом тексте политическими лидерами и их командами: *Выходов у руководства КПУ столько же, сколько у экипажа тонущего судна. Либо покинуть его, либо **идти на дно**, либо пытаться срочно **латать пробоины**, борясь за живучесть корабля* (Комсомольская правда. 09.08.2011); ... *перед политиками стоит сложная задача: каким образом устоять в политических штормах и **не пойти на дно*** (Зеркало недели. 20.09.2010); ***Моряки** ведь не любят, когда во время шторма начальство **на капитанском мостике** на виду у всех дерется. И этих **капитанов, рулевых** и прочих, даже если корабль преодолеет опасную зону, уважать уже не будут. Но есть **командиры**, которые рады шторму: подвернулся отличный способ сбросить в воду конкурента и списать все на погодные условия. Латвия дрейфует, как **корабль**, у которого **нет капитана**, – считает глава Госконтроля Ингуна Судраба. Страна движется без направления и четко поставленных целей, заявила она* (Иносми. 04.04.2011).

В политическом тексте зафиксированы метафоры, эксплицирующие образы пассажиров корабля – населения страны или ее части, представленных в политическом тексте в роли как активных, так и пассивных субъектов: *Многие называют таких **эмигрантов крысами, бегущими с корабля**, а если корабль не тонет, а на приколе гниет. Можно ожидать, что **эмигранты** окажутся последними, кто покинет **корабль демократии**, когда он начнет **тонуть*** (Диалог. 09.11.2012). Активным устойчивым сочетанием в политическом тексте является конструкция «бунт на корабле», которая в политическом тексте связана с отсутствием взаимопонимания между политическими лидерами или с социально-политическими изменениями: ***Бунт на корабле**. Конфронтация депутатов петрозаводского городского совета с администрацией Петрозаводска достигла своего апогея* (Московский комсомолец. 13.09.2013); ***Бунт на корабле** или политическая реформа* (КИ. 10.09.2012); ***Бунт на корабле**: Фирташ шантажирует Януковича поддержкой Кличко на выборах президента* (Столица. 11.12.2012).

При интерпретации образа *корабля* для политического текста характерным является использование глагольных сочетаний *делать*

разворот, совершить разворот и лексемы *дрейфовать*. Если первые две конструкции могут иметь как позитивную, так и негативную коннотацию, то языковая единица *дрейфовать* имеет только негативную коннотацию, что связано, по нашему мнению, с особенностью мира политики: активные действия могут оцениваться по-разному, тогда как пассивность в политике всегда оценивается резко отрицательно: *Корабль «Украина» делает крутой разворот в сторону Европы* (ДС. 22.08.2011); *Завершив все необходимые подготовительные мероприятия для того, чтобы корабль «Украина» был в состоянии совершить крутой разворот на Европу, Киев приступает к этому развороту* (Завтра. 18.02.2012); ... *куда дрейфует русскоязычная Украина* (Newzz. 23.11.2013).

Политический дискурс отличается многополярностью и многовекторностью. Этот факт находит свое отражение в моделях коммуникативных процессов. При реализации метафорического образа *водного пространства* в дискурсивных практиках вербализуются единицы с интегральными компонентами «направление», «движение» *держат курс на..., менять курс, сбиваться с курса*: *Украина твердо держит курс на НАТО*; *Украина держит курс на европейскую, евроатлантическую интеграцию*; *Украина держит курс на противостояние с Москвой*; *Яценюк держит курс Украины на евроатлантическую интеграцию*; *Правительство держит курс на ЕЭП*; *за окном уже почти середина октября. Как бы в погоне за «оптимизацией» ближайшее окружение президента федерации не сбilo корабль с намеченного курса* (Аргументы и факты. 10.10.2013); *Последние четыре месяца мы ясно видим проявления политического и экономического эгоизма, который и раньше прятался за спинами всех политических сил, которые представляют интересы частных компаний, не заботясь о необходимости общего курса для корабля «Украина»* (Диалог. 20.02.2009). Таким образом, при контекстологическом анализе выявлены конструкции с пространственно ориентированным субъектом (государством, партией или лицом), характеризующимся движением в определенном направлении.

Конструкция *быть в фарватере (кого-, чего-л.)* получает в политическом тексте резко негативную коннотацию: *Украина в фарватере НАТО: особенности «внеблокового статуса»* (Время. 26.08.2011); *«Наша Украина» находится в фарватере интересов президента* (Версии. 11.06.2009); *Москва ушла в фарватер НАТО* (Наш мир. 30.05.2011). Такая коннотация, на наш взгляд, связана с тем, что для демократического общества важной является способность и

возможность государства свободно принимать решения и самостоятельно продумывать политические действия. Фарватер в политическом тексте представляется не безопасным местом для прохода судна, а сферой влияния более сильного политического субъекта.

Конструкция *быть у руля / штурвала* сочетается с лексемами *власть* или *страна*. Как правило, у руля/штурвала в политическом тексте находится президент или лицо, возглавляющее значимое политическое подразделение: *Президент у штурвала страны: едва Виктор Янукович оказался у штурвала украинской власти, как взял курс на Европу* (Известия. 02.03.2010); *Место у штурвала власти забронировали себе «единороссы»* (Взгляд. 13.10.2008); *Новая власть: неделя у руля* (Сегодня. 19.03.2010); *Власть меняется: кто встанет у «рулей»?* (Украина-центр. 10.11.2010); *Маргарет Тэтчер – «железная леди» у руля власти* (КВ. 18.06.2009). В политических текстах активно функционируют и другие части корабля. Языковая единица *паруса* реализуется в глагольных конструкциях *надуть паруса, разворачивать паруса* со значениями «ускорять движение», «изменять движение»: *Янукович разворачивает паруса назад* (Главком. 16.02.2010); *Пассивно ожидать, пока ветры мировой экономики станут «попутными» и надуют паруса нашей собственной – означает заведомый проигрыш на всех направлениях* (Диалог. 02.12.2009). Единичными для политического текста являются метафорические образы *каюты, барометра, маршрутных карт*: *Представление, что «мы в каюте» будем жить хорошо, а корабль, на котором находится эта каюта, пусть тонет», – это иллюзия* (НГ. 18.11.2009); *...если сегодня политический барометр вполне определенно указывает на отметку «ясно», командному составу корабля под названием «Россия», уверенному в правильности выбранных маршрутных карт, все же стоит еще раз подумать о том, что предпринять, если на пути следования окажутся серьезные рифы* (Тоуду. 16.07.2013). Каюта в таком контексте характеризуется как безопасное пространство, иллюзию которого получает адресат текста.

В политических текстах активно функционируют конструкции, построенные на основе устойчивых сочетаний *раскачивать лодку, быть в одной лодке, быть за бортом, корабль современности: Украина останется «за бортом» НАТО?!* (E-news. 18.04.2010); *НАТО и Россия сближаются – и оставляют Украину за бортом* (Иносми. 15.12.2009); *Украинский флот за бортом государственной политики* (ДС. 19.03.2013); *Украина оказалась за бортом мирового рейтинга*

репутации вузов (Зеркало недели. 10.03.2011); *Раскол в «Нашей Украине»: Ющенко может остаться «за бортом»* (ТСН. 19.08.2009); *Кто раскачивает лодку украинской экономики?* (К. 23.01.2012); ***В одной лодке. Военный конфликт между Россией и Украиной невозможен*** (Аргументы и факты. 18.04.2013); *Украина и Россия ... еще долго будут оставаться в одной лодке* (НГ. 08.02.2008). При анализе масс-медийных текстов обращает на себя внимание активная реализация устойчивых конструкций. В контекстах происходит изменение коннотативной оценки прецедентных высказываний: текст приобретает комический или ироничный эффект. В политических текстах происходит трансформация прецедентных высказываний с заменой одного из компонентов конструкций. Так, в конструкциях, построенных на основе названия экранизированной книги Джером К. Джерома «Трое в лодке, не считая собаки» наблюдается замещение субстантива «собака» топонимической номинацией: ***Трое в лодке, не считая Украину***. ...*пора задуматься, что только став единым народом и политически терпимым и к ЕС и к РФ, мы станем процветающей страной. А, пока наша участь, лишь быть не посчитанной Украиной в лодке, где без нас более или менее успешно плывут Москва, Минск и Астана* (Политонлайн. 02.09.2010); ***Трое в лодке, не считая России*** (Сб. 19.02.2012); ***Трое в лодке, не считая Молдовы***. *Молдавский президент так и не прилетел на саммит ГУАМ. Кишинев окончательно сделал ставку на Москву. Грузии же, Украине и Азербайджану пока не удастся реализовать ключевой совместный проект по транспортировке энергоносителей в Европу* (КИ. 19.02.2011).

Известный исторический факт столкновения британского лайнера «Титаник» с айсбергом, произошедшего в 1912 году, является основой для нового метафорического образа: айсберг в таких контекстах представляется неминуемой угрозой, а политический «Титаник» – жертвой неминуемой катастрофы: ***Политическая система современной Российской Федерации – это «Титаник», который уже столкнулся с айсбергом*** (Росбалт. 16.02.2010).

На основе метафорического переноса «политический субъект – это Титаник» оформляются различные метафорические модели, построенные на сравнении с Титаником политических деятелей, политических процессов и государств: ***Украина – это «Титаник», который идет на айсберг, и теперь главный вопрос: «рванет или нет»*** (Зеркало недели. 07.07.2013); ***«Титаник» Саакашвили столкнулся с айсбергом Иванишвили*** (Корреспондент. 14.10.2011). ***Экономика Украины. Сколько стоит последнее место в иллюжке на Титанике***

(meta.ua, 07.05.2009); *Третий дефолт доллара или последний билет на «Титаник»* (Комсомольская правда. 03.03.2010).

Катастрофа «Титаника» явилась основой для развертывания метафорических сценариев, в основе которых лежит проблема диалога и взаимопонимания между лидерами политической власти, четкое разграничение первостепенных задач и периферийных проблем: Я <В. Карасев> бы образно сравнил Украину с «Титаником». Он идет со всей скоростью на айсберг. И на корабле спорят Янукович-моряк и Тимошенко – первый помощник. Они между собой ведут споры о частностях: все ли хорошо в рубке, как себя ведут матросы. А в это время «Титаник» идет на айсберг. И кто-то об этом говорит. Он предупреждает, что нужно увернуться, но его пока не слышат. Мне кажется, что с точки зрения истории важно именно куда идет Титаник. Но главное, рванет или нет (УРА-Информ. 07.07.2009); Президент напоминает «Титаник» – та же уверенность в собственной мощи, обещания всяческой поддержки «большого соседа» и презрение к мелким кораблям, мешающим огромной машине двигаться вперед к безальтернативной, собственной модели процветания. На горизонте – чистое море, лишь только, кое-где, из воды торчат верхушки айсбергов. Да только кто знает, какой из них унесет «Титаник» на дно (Зеркало недели. 04.05.2010).

Выводы. Метафорический фрагмент языковой картины мира представляет собой систему разноуровневых языковых средств, функционирующих в политическом тексте на уровне вторичной номинации. Вторичные значения лексических и фразеологических единиц коррелируются в контекстах, при этом наблюдается расширение валентностных возможностей слов и фразем, формирующих метафорические образы с ключевым компонентом *транспорт*.

В современном политическом дискурсе языковые единицы, входящие в тематическую группу *водный транспорт*, являются одним из значимых источников метафорической экспансии. Как показал анализ политических текстов, наиболее активно на уровне вторичной номинации реализуется лексема *корабль*, формирующая ядерную зону лексико-семантического поля *водный транспорт*. Ближнюю периферию составляют лексемы *судно, теплоход, пароход*, а также отдельные лексемы, объективирующие водный транспорт (*штурвал, руль, паруса, барометр* и др.), и устойчивые конструкции. Ключевые единицы, организующие пространство политического текста, характеризуются многокомпонентностью семантической структуры и семным варьированием в политических контекстах, что определяет

модификацию семантической структуры лексических и фразеологических единиц, сопровождающуюся переструктуризацией сем. Прагматическое содержание политического текста обуславливает процесс индуцирования коннотативных сем, в результате чего слова и фраземы приобретают мелиоративную или пейоративную коннотацию. Такие аксиологически ориентированные характеристики важны для осмысления человеком внешнего мира и, прежде всего, социально-политического пространства.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990.
- Базылев В.Н. Российский политический дискурс (от официального до обыденного) // Политический дискурс в России. М., 1997.
- Баранов А.Н., Казакевич Е.Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. М., 1991.
- Бессонова Л.Е., Сегал Н.А. Политический текст: метафорические модели построения концептуального пространства // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. 2001. Т. 24 (63). № 2. Ч. 2.
- Будаев Э.В., Чудинов А.П. Современная политическая лингвистика. Екатеринбург, 2006.
- Будаев Э.В. Становление когнитивной теории метафоры // Лингвокультурология. 2007. №1.
- Кобозева И.М. Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестник МГУ. 2001. Серия 9. Филология. № 6.
- Кудрявцева Л.А. Моделирование динамики словарного состава языка. Киев, 1993.
- Кустова Г.И. Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений // Вопросы языкознания. 2000. № 4.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990.
- Скребцова Т.Г. Американская школа когнитивной лингвистики. СПб, 2000.
- Телия В.Н. Метафора в языке и тексте М., 1988.
- Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000). Екатеринбург, 2001.
- Чудинов А.П. Очерки по современной политической метафорологии. Екатеринбург, 2013.
- Яворская Г.М. Политические метафоры и политические сюжеты. Заметки к диалогу Украина – Европейский союз // Зеркало недели. 2002. № 9 (384).

Список источников

- Аргументы и факты. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aif.ru>
- Беларусь сегодня. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sb.by>
- Ведомости. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru>
- Версии. [Электронный ресурс]. URL: <http://versii.com>
- Взгляд. [Электронный ресурс]. URL: <https://vz.ru/news/>
- Диалог. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dialog.ua>

Завтра. [Электронный ресурс]. URL: <http://zavtra.ru>
Зеркало недели. [Электронный ресурс]. URL: <https://zn.ua>
Известия. [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/news>
Иносми. [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru>
Комсомольская правда. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kp.ru>
Корреспондент. [Электронный ресурс]. URL: <https://korrespondent.net>
Московский комсомолец. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mk.ru/news/>
Наш мир. [Электронный ресурс]. URL: <https://newsland.com/>
Независимая газета. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ng.ru/news/>
Полит.ру. [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru>
Политонлайн. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.politonline.ru>
Росбалт. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosbalt.ru>
Сегодня. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.segodnya.ua>
Украина-центр. [Электронный ресурс]. URL: <http://uaport.net/cat/site/uc-kr-ua>
УРА-Информ. [Электронный ресурс]. URL: <http://ura-inform.com>
E-news. [Электронный ресурс]. URL: <http://e-news.su>
Meta.ua. [Электронный ресурс]. URL: <https://meta.ua>
Newzz. [Электронный ресурс]. URL: <http://newzz.in.ua>

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ
И МЕТОНИМИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТРУДА П. БЬЮКЕНЕНА «CHURCHILL,
HITLER, AND THE UNNECESSARY WAR»)**

Е.Н. Ковязина

Ключевые слова: концептуальная метафора, метонимия, политический дискурс.

Keywords: conceptual metaphor, metonymy, political discourse.

В последние годы исследования, проведенные в русле когнитивного направления в лингвистике, помогли по-новому взглянуть на природу таких феноменов, как метонимия и метафора (Н.Д. Арутюнова, Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, А.П. Чудинов, Л.М. Алексеева, С.Л. Мишланова, Т.И. Уткина, Т.М. Пермякова, Дж. Лакофф, Г. Стеен, А. Барселона, З. Ковечеш, Г. Числару, Г. Радден, Дж. Барнден и др.). Представители когнитивного направления рассматривают метонимию и метафору как механизмы, приобретающие главную роль в «исследовании сложного процесса мышления» [Томашевская, 2011, с. 1]. Непосредственное участие в процессах познания – вот то, что объединяет метонимию и метафору. Однако наибольший исследовательский интерес вызывает вопрос о

сходстве и различиях между ними. Так, по мнению З. Ковечеша, концептуальная метафора – это единство двух далеких друг от друга концептуальных областей, основанное на сходстве по какому-либо признаку. Для метонимии же больше характерны отношения смежности, возникающие между элементами одной и той же концептуальной области, или идеализированной когнитивной модели (*idealized cognitive model*) [Kövecses, 2002, p. 160]. Существует мнение отдельных ученых об условности подобного разграничения [Barnden, 2009]. Поводом для разграничения метонимии и метафоры служит также тот факт, что характерные для метонимии ассоциации по смежности отражают объективно существующее положение вещей в реальном мире, в то время как метафора создает не имеющие аналогов во внешней реальности ментальные сущности, словно навязывая собственное видение окружающей действительности [Barnden, 2009].

Как нам кажется, любые отличия между метафорой и метонимией позволяют им успешно взаимодействовать в процессе моделирования и конструирования дискурсов различных типов. При этом данное взаимодействие исследуется для того, чтобы обогатить и расширить наши теоретические представления о когнитивной природе данных феноменов, и впоследствии может быть использовано в практике дискурсивного анализа, причем наиболее эффективным в этом плане автору данной статьи представляется социально-дискурсивный, или социально-конструкционистский подход. Последний постулирует, что все социальные процессы имеют свои лингво-дискурсивные характеристики. Высказывания – это конструктивные элементы, из которых «складываются социальные отношения» [Филипс, 2008, с. 18]. В дискурсе конструируется идеология, которая структурирует реальные социальные отношения. На языковом уровне основную идеологическую нагрузку несет концептуальная метафора с ее способностью к поиску форм словесного выражения для ментальных сущностей идеологического порядка.

Метафора отвечает за идеологическую сторону политического дискурса, вербализуя концепты политической этики, а мотивируемая ей метонимия выводит идеологию за пределы дискурсивного в область социальной практики. В данном исследовании мы попытаемся раскрыть механизмы взаимодействия метафоры и метонимии и показать, что метафора служит мотиватором, на семантической основе которого возникает метонимия, основанная на названии местности (*place-name based metonymy*), представляющая собой метонимическую модель **Место за Событие**.

Говоря о мотивации, следует отметить, что в научной литературе нет однозначного мнения по данному вопросу. Так, А. Барселона убежден, что все метафоры мотивируются метонимией. Свою теорию он иллюстрирует примерами, в которых область – источник метафорического концепта мотивируется метонимией (*Sadness is Down*) [Barcelona, 2003, p. 31]. С. Мартин де Лейн, вслед за Барселоной, считает, что метафора мотивируется метонимией и доказывает это на примере метафоры *Communication is Sending Ideas* [Martin de Leyn, 2004, p. 80]. Мы, вслед за Г. Числару, убеждены в том, что метонимия принимает непосредственное участие в конструировании социальных объектов и связанных с ними дискурсов [Cislaru, 2007, p. 93]. Согласно социально-дискурсивному подходу, которого мы также придерживаемся при проведении собственного исследования, социальная практика глубоко укоренена в идеологии, формирующейся внутри любого дискурса. Метафора становится эффективным механизмом вербализации концептов, формирующих идеологическую составляющую в дискурсе.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что интеракция метонимии и метафоры изучается именно в политическом дискурсе, а также тем, что подавляющее количество работ посвящены каждому из этих лингвистических феноменов в отдельности и редко рассматривают их во взаимодействии. Среди работ, связанных с изучением метафоры в политическом дискурсе, следует выделить труды А.П. Чудинова, А.Н. Баранова и Ю.Н. Караулова. Словарь политической метафоры тезаурусного типа, созданный А.Н. Барановым и Ю.Н. Карауловым, представляет ценность для данной статьи, так как основывается на дескрипторной теории метафоры [Баранов, 1991, 1994]. В данном словаре контексты употребления метафор распределяются по денотативному и сигнификативному дескриптору. Уральская школа политической метафорологии во главе с А.П. Чудиновым основывается на теории метафорического моделирования [Чудинов, 2001, 2012]. Исследователи уральской школы внесли весомый вклад в изучение политической метафоры – среди посвященных ей работ стоит отметить труды Э.В. Будаева, Т.А. Шабановой и О.В. Шаовой, анализирующих метафорические репрезентации, представленные в иноязычных источниках [Будаев, 2007; Шабанова, 2013; Шаова, 2005].

Что касается зарубежных авторов, то интерес вызывают работы Г. Числару, исследования которой посвящены метонимии в политическом дискурсе. Цель данной работы – выявить формы и особенности взаимодействия концептуальных моделей метафоры и

метонимии в политическом дискурсе. Методы исследования – социально-дискурсивный метод анализа, концептуальный, семантический и дефиниционный виды анализа, метафорическое и метонимическое моделирование. Материалом исследования служит произведение П. Бьюкенена – известного американского политолога, детально анализирующего события, которые послужили причиной Первой и Второй мировых войн.

Итак, в исследуемом нами политическом дискурсе абстрактный идеологический аспект, за который отвечает концептуальная метафора, связан с проблемой политической этики. Политическая этика – это «... философское осмысление этического аспекта принципов и норм политической деятельности, прояснение этической структуры конкретных политических проблем и ситуаций ...» [Словарь философских терминов, 2007, с. 423-425]. Проблема политической этики в данном типе дискурса выступает на первый план по причине образного отождествления государства (область-цель) с личностью (область-источник). О том, что для политического дискурса в принципе характерно отождествление нации, государства с личностью, пишет еще Дж. Лакофф: «Теория игр и моделирование рационального выбора оказали огромное влияние на нашу жизнь, причем самым незаметным для нас образом. К примеру, они используются со времен холодной войны как инструменты для того, чтобы придать внешней политике и войне «рациональность». Чтобы модель рационального деятеля могла быть спроецирована на внешнюю политику, нации должны метафорически концептуализироваться как личности, имеющие свой интерес, в данном случае, национальный интерес. Речь идет о метафоре Нация как Личность» [Lakoff, 1999, p. 533] (перевод мой. – Е.К.). Проведем концептуальные соответствия между элементами области-цели (государство) и области-источника (личность):

Государство как Личность;

Личность ⇒ Государство;

Интересы государства ⇒ Интересы личности;

Государственная идеология ⇒ Нравственная позиция личности.

Так, у П. Бьюкенена находим следующий пример: «*The Kaiser put him off. Neither he nor his advisers believed Britain could reconcile with her old nemesis France, or Russia, and must eventually come to Berlin hat-in-hand*» [Buchanan, 2008, p. 5-6]. Здесь мы имеем дело с образным отождествлением государства – Франции с совершающей акт возмездия личностью, так как эта страна и Великобритания в течение

длительного времени находились в состоянии антагонизма и вражды – «hostile nations», по выражению Дж. Лакоффа.

Государство, уподобляемое человеческой личности, должно, как и подобает личности, обладать и этической позицией, являться носителем морали. Этическая позиция Великобритании как одного из главных игроков на политической сцене и субъекта политического дискурса у П. Бьюкенена артикулируется посредством метафор. Так, обнаруживаем, что эта страна метафорически уподобляется таким понятиям, как «patron», «lion», «grandlady», в структуре значения которых обнаруживается семантический признак «доминирование». Например: «... a statesman who personified the bulldog defiance of his people and who was privileged by history to give the British **lion** its roar» [Buchanan, 2008, p. 19]. Лев – «крупное хищное животное» [Ожегов, 1989, с. 257]. В животном царстве крупные размеры, как известно, обеспечивают их обладателю доминирующее положение среди прочих. Великобритания, подобно льву, занимает гегемонное положение на мировой политической арене. Усиливает представление о гегемонии Великобритании отождествление ее с патроном (patron), покровителем в метафоре **Страна как Патрон**:

Страна как Патрон;

Великобритания⇒Патрон мира;

Доминирующее положение Великобритании на политическом небосклоне⇒Доминирующее положение патрона над его подшефными;

Помощь, оказываемая Великобританией остальным странам⇒Поддержка, оказываемая патроном своим подшефным;

Признание Великобританией права наций на свободу и самоопределение⇒ Забота патрона о благополучии подшефных.

Данную метафору находим в следующем контексте: «*Faced by his Uncle Bertie [Edward VII], or high-handed ministers such as Lord Salisbury or Sir Edward Grey, he (Кайзер Вильгельм – Е.К.) felt the British put him down; they treated him as a grandson or nephew and not as the German emperor. Germany was never admitted to full membership of that board of great powers. He and his country were **patronised**, and he took it very personally*» [Buchanan, 2008, p. 10]. Покровитель, по С.И. Ожегову, – «лицо, которое оказывает кому-либо покровительство, протекцию. *Сильный п.*» [Ожегов, 1989, с. 447]. Семантический признак, перешедший из словарного значения в новое метафорическое, – «сила». Линия силы и доминирования продолжается и в особом типе политической этики Великобритании, которая становится законодателем и блюстителем единых для всех моральных принципов

на политической сцене. Этот тип этики можно обозначить как патрональный. Таким образом, обладая господством на море, а также приняв на себя роль блюстителя закона, Англия становится патроном мира и гарантом стабильности на мировой политической арене. Но так продолжается, пока на авансцену не выходит другой субъект дискурса – Германия. Миссия этого субъекта дискурса – преодолеть препятствие на пути к мировому господству в лице Британии путем сверхчеловеческих усилий по созданию собственного флота. Действия этой страны оцениваются как нарушение некоего закона, согласно которому лидер в мире может быть только один – Британия. И поэтому Германия отождествляется с нуворишем: «...*Germany shouldn't behave like a **nouveau riche** who has just come into money and then offended everyone by pointing to the coins in his pocket*» [Buchanan, 2008, p. 8]. Нувориш – «... человек, разбогатевший на спекуляциях и пробившийся в высшие слои общества; богач-выскочка» [Советский энциклопедический словарь, 1987, с. 904]. Семантический признак, перенесенный из основного значения по словарю в новое образное, – «стремление возвыситься»:

Страна как Нувориш;

Германия⇒Нувориш;

Активные действия Германии по созданию собственного флота⇒Активность и предприимчивость дельца;

Превращение Германии в крупного игрока на политической сцене⇒Повышение социального статуса нувориша.

Строительство собственного флота царица морей Великобритания простить Германии не может – этим объясняется намерение ее правительства вступить в Первую мировую войну и отстоять гегемонное положение. Почувствовав угрозу, которую для верховенства Британии представляла усилившая свой политический статус при кайзере Вильгельме Германия, Британия следует не универсалистской политической этике – предписанным для всех держав требованиям мира и стабильности, но действует в духе ницшеанского волюнтаризма, печется не обо всех, но отстаивает сугубо личные интересы. Ее этическая позиция становится сходной с политической этикой милитаристской Германии и может быть выражена при помощи метафоры **Воля как Отец поступков личности**:

Воля как Отец поступков личности;

Импульсы воли⇒Распоряжения отца;

Сознание, подчиненное иррациональным импульсам воли⇒Ребенок, слушающийся отца;

Подчинение индивидуальной воле в ущерб универсальному моральному закону ⇒ Подчинение моральному авторитету отца.

Данная метафора характеризует идейную подоплеку политики Германии в период, предшествовавший Первой мировой войне – политике, нацеленной на то, чтобы волевым усилием поколебать существующий баланс сил, изменить привычную схему и придать миру иную конструкцию – конструкцию, где нет места ведущей державе мира – Великобритании. Не удивительно, что британские государственные деятели называют действия Германии по созданию флота самоубийством – «*Germany's naval policy was suicidal,*» – writes *Holborn* [Buchanan, 2008, p. 17]. Самоубийство, по Ожегову, – это «намеренное лишение себя жизни» [Ожегов, 1989, с. 568]. Намерение – «... желание, замысел», то есть нечто, совершаемое без принуждения и по доброй воле [Ожегов, 1989, с. 309]. Таким образом, именно иррациональные импульсы воли подталкивают германское руководство к принятию опасных решений в сфере внешней политики. Чтобы отстоять свое право быть первыми, которое британские правящие круги считают для себя необходимостью («necessity»), а для немцев – роскошью («luxury»), Великобритании требуется не меньше политической воли, чем Германии. Следовательно, ее политическая этика из патрональной становится волонтаристской, а это значит, что страна находится в полной готовности применить силу в ответ на брошенный вызов.

Таким образом, мы имеем два вербализованных с помощью концептуальной метафоры типа этических доктрин, исповедуемых правительствами стран: тип 1 (покровитель, патрон) и тип 2 (волонтарист). Стремление отстоять личные интересы – сохранить колонии обусловило отказ Британии от универсалистской этической концепции (тип 1). Победой волонтаристской этики над покровительственной стало заключение Великобританией и странами-союзниками Версальского договора – «Versailles». Находим данную метонимию модели **Место за Событие** в следующем контексте: «*Versailles stripped from Germany one-tenth of her people and one-eighth of her territory*» [Buchanan, 2008, p. 74]. Метонимия «Versailles» модели **Место за Событие** мотивируется метафорой **Воля как Отец поступков личности**. Попытаемся отследить методом дефиниционного анализа мотивированность данной метонимии метафорой **Воля как Отец поступков личности**. Обратимся к понятию «Версальский договор», данному в словаре: «... Германия лишалась части своих владений в Европе, всех колоний, ограничивала численность армии, лишалась воздушного флота, выдавала державам

Антанты большую часть военного флота, ...обязывалась возместить убытки союзников путем денежных взносов и материальных поставок» [Популярный политический словарь, 1923, URL]. Все глаголы, характеризующие действия союзников по отношению к побежденной Германии (лишиться, ограничить, выдать, возмещать), несут в своей семантике признак «уменьшение», «ущемление», «ограничение» – все это является следствием несправедливости и безумия Версальского договора – «the injustices of Versailles», «the insanity of Versailles». Метафора **Воля как Отец поступков личности** мотивирует метонимию «Versailles», так как в структуре метафорического значения также есть семантический признак «ущемление общих интересов во имя частных», – так страны Антанты во главе с Британией, отстаивая собственные колониальные интересы, нарушают универсальные нормы международного права, ставя побежденную страну на грань разорения и нищеты. Таким образом, метонимия «Versailles» является следствием преобладания политической этики индивидуализма (тип 2) и примата личных узкокорыстных интересов, характеризующего действия Великобритании по отношению к политическому конкуренту. О том, что данная политическая позиция потерпела поражение в ходе истории, свидетельствует новая метонимия модели **Место за Событие** – «Munich», или Мюнхенское соглашение (1938). Эта метонимия встречается, к примеру, в следующем контексте: «*Munich was regarded ... as "a triumph for all that was best and most enlightened in British life, a triumph for those who had courageously denounced the harshness and shortsightedness of Versailles"*» [Buchanan, 2008, p. 222]. Чтобы отследить мотивировку данной метонимии, обратимся к словарному толкованию данного понятия. Мюнхенское соглашение «...явилось результатом агрессивной политики Гитлера, провозгласившего ревизию Версальского мирного договора 1919 года с целью восстановления германского рейха ... и поддержанной США англо-французской политики «умиротворения» ... Лидеры Великобритании и Франции стремились политическими и территориальными уступками ... удовлетворить экспансионистские притязания Германии и Италии, достичь широкого соглашения с ними» [Военная энциклопедия, 2008, URL]. Глаголы «удовлетворить», «достичь соглашения», существительные «уступки», «умиротворение» несут в своей семантике признаки «компромисс», «равноправие». Это свидетельствует о том, что метонимия «Munich» мотивируется метафорой **Страна как Патрон**, которая выражает стремление Британии преодолеть моральное падение и вернуться к политической этике довоенной эпохи (1 тип), так как в структуре

метафорического значения прослеживается семантический компонент «соблюдение общих интересов», «признание прав другого», «забота о других».

Следующая метонимия в ряду метонимий, мотивированных метафорами, является метонимия «Yalta» (Ялтинская конференция (1945), состоявшаяся на завершающем этапе Второй мировой войны). Эту метонимию можно встретить в следующем контексте: «*At Yalta in February 1945, Churchill and FDR sought to limit the Germany lands cede to Poland, but capitulated to Stalin demand that the new provisional Stalin-German borders be set at the Oder and Western Neisse rivers*» [Buchanan, 2008, p. 381]. Данная метонимия мотивируется метафорой **Страна как Патрон**, что также можно проследить с помощью дефиниционного анализа. Вот толкование понятия «Ялтинская конференция», данное в словаре: «... В коммюнике К.к. (Крымская (Ялтинская) конференция – Е.К.) три союзные державы (СССР, Великобритания, США – Е.К.) выражали “решимость сохранить и усилить в предстоящий мирный период то единство целей и действий, которое сделало в современной войне победу возможной и несомненной для Объединенных Наций”» [Большая советская энциклопедия, 1969-1978]. В значении слов «единство» и «объединенный» есть семантический признак «целостность» как противовес отчуждению и раздробленности, а в семантике метафоры **Страна как Патрон** также акцентируется сема «преобладание общих интересов над частными», поэтому можно предположить, что метонимия «Yalta» мотивируется метафорой **Страна как Патрон**, выражающей первый тип политической этики. Германия воспринимается уже не как униженная и оскорбленная держава, но как нарушитель мира и стабильности, чья волонтаристская этическая позиция ставит под угрозу дальнейшую судьбу мира: «... Участники конференции заявили, что их непреклонной целью является уничтожить германский милитаризм и нацизм и создать гарантии того, что “Германия никогда больше не будет в состоянии нарушить мир”...». Также в данном толковании находим: «К.к. приняла декларацию об освобожденной Европе ... В декларации говорилось: “Установление порядка в Европе и переустройство национально-экономической жизни должно быть достигнуто таким путем, который позволит освобожденным народам уничтожить последние следы нацизма и фашизма и создать демократические учреждения по их собственному выбору”». Концепты «освобожденный», «демократический», «выбор» имеют в своем значении семантический признак «свобода», который мотивирован метафорой **Страна как Патрон**, также имеющей в

структуре своего значения компонент «признание свободной воли другого», «признание прав другого».

Итак, метафора и метонимия, будучи явлениями концептуального толка, несут в себе большой потенциал для взаимодействия. Данное исследование нацеливалось на поиск сфер, в которых эта интеракция раскрылась бы наиболее полно. Она раскрывается в форме мотивировки метонимии метафорой. При этом концептуальная метафора вербализует абстрактные концепты, мотивирующие появление той или иной метонимии, которая выводит абстракции в сферу конкретики и исторической «осязаемости». Мотивация прослеживалась на примере метонимий модели **Место за Событие** – «Versailles», «Munich», «Yalta». Были выявлены овнешненные при помощи метафоры типы политической этики, исповедуемой правительствами стран-участников Первой и Второй мировых войн. Данные метафорические концепты послужили семантической основой для мотивации вышеуказанных метонимий. Дефиниционный и компонентный анализы показали, что семантической базой мотивации стал переход семантических признаков из значения мотиватора – метафоры в словарное определение метонимии, стоящей за историческими событиями – Версальским договором, Мюнхенским соглашением и Ялтинской конференцией.

Литература

Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. М., 1991.

Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. М., 1994.

Большая советская энциклопедия. [Электронный ресурс].

URL: www.hrono.ru/sobyt/1900sob/1945krym.php.

Будаев Э.В. Постстоветская действительность в материалах российской и британской прессы. Нижний Тагил, 2007.

Военная энциклопедия. [Электронный ресурс].

URL: www.ria.ru/history_spravki/20100929/280519260.html.

Йоргенсен М., Филипс Л. Дискурс-анализ. Теория и метод. Пер. с англ. Харьков: Гуманитарный центр, 2008.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1989.

Популярный политический словарь. [Электронный ресурс].

URL: www.dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/86502.

Словарь философских терминов. М., 2007.

Советский энциклопедический словарь. М., 1987.

Томашевская И.В. Когнитивные аспекты формирования гендерно-маркированных оценочных существительных в современном английском языке: автореф. дис. ...канд. филол. наук. Москва, 2011.

Чудинов А.П. Постулаты Уральской школы политической метафорологии // Уральский филологический вестник. 2012. № 2.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Екатеринбург, 2001.

Шабанова Т.А. Метафорическое моделирование лингвокультурой категории СВОИ-ЧУЖИЕ в феминистском дискурсе США и России: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013.

Шаова О.А. Россия и Франция: национальные стереотипы и их метафорическая репрезентация (на материале французских и российских газет): автореф. дис. ...канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005.

Barcelona A. On the Plausibility of Claiming a Metonymic Motivation for Conceptual Metaphor. *Metaphor and Metonymy at the Crossroads. A Cognitive Perspective*, Berlin/New York, 2003.

Barnden J. Metaphor and Metonymy. Making their Connections More Slippery. [Электронный ресурс]. URL: www.cs.bham.ac.uk/jab/ATT-Meta/Papers/cogling.slippery.june09.pdf.

Buchanan P. Churchill, Hitler, and the Unnecessary War: How Britain Lost its Empire and the West Lost the World. New York, 2008.

Cislaru G. Metonymic Modelling of Discourse, Discourse Modelling of Metonymy. *The Case of the Place-Name Based Metonymies. Culture, Language and Representation*, 2007, vol.5.

Kövecses Z. *Metaphor. A Practical Introduction*. New York, 2002.

Lakoff G., Johnson M. *Philosophy in the Flesh: the Embodied Mind and its Challenge to Western Thought*. New York, 1999.

Martin de Leyn C. Metonymic Motivation of the Conduit Metaphor. [Электронный ресурс]. URL: www.metaphorik.de/en/journal/06/metaphorikde-062004.html.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА МОРСКОЙ МЕТАФОРЫ И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕВОДА

Л.А. Козлова, Е.В. Буланова

Ключевые слова: метафора, национально-культурная специфика, образы сознания, концепт, концептуальная интеграция, область-источник, перевод, трансфер образа.

Keywords: metaphor, national-cultural specificity, mental images, concept, conceptual integration, source domain, translation, transfer of image.

На современном этапе развития лингвистики взаимосвязь человеческого сознания, языка и культуры фактически принята за аксиому: язык можно представить как видимую верхушку огромного айсберга человеческого сознания [Демьянков, 1995, с. 306], погруженного в океанические воды культуры народа. Данная взаимосвязь закономерно отражается в динамичном развитии таких

интегративных наук, возникших во второй половине XX века, как когнитивная лингвистика, рассматривающая широкий круг вопросов, касающихся соотношения языка и сознания, а также лингвокультурология и этнолингвистика, изучающие взаимосвязь языка и культуры. Следствием углубления интеграции смежных наук, то есть экспансионизма как парадигмальной черты современной лингвистики, также является возникновение так называемой культурологической лингвистики (*cultural linguistics*), которую Г. Палмер характеризует как синтез когнитивной лингвистики, антропологической лингвистики, этносемантики (этнонауки) и этнографии коммуникации [Palmer, 1996, p. 4–5]. Появление такой синтетической дисциплины представляется вполне закономерным в свете значимости вопросов, находящихся на стыке названных выше отраслей языкознания.

Как пишет Р. Лангакер, знания о мире, запечатленные в слове, всегда «культурно окрашены» [Langacker, 1997, p. 240–241]. В культурологическом и одновременно когнитивном ракурсе язык понимается как «вербальная репрезентация образов сознания, сформированных на основе чувственного опыта, полученного через все каналы чувственного восприятия посредством его концептуальной обработки, и образующих когнитивные модели, в которых и находит свое отражение специфика культуры» [Козлова, 2015, с. 37].

При этом культура выступает как феномен вездесущий: она не может проявляться в одной грани языка, не проявляясь в другой. Она пронизывает всю языковую систему, и национально-специфическое находит свое проявление в единицах всех уровней языка: в фонетике, грамматике, и, безусловно, очевиднее всего в лексике языка [Добричев, Козлова, Пшенкина, 2013]. В свою очередь, среди лексических явлений, в которых проявляется национально-культурная специфика, особое место занимает метафора. Однако если ранее в центре внимания находились эмоционально-оценочный и экспрессивный аспекты метафоры как стилистического приема художественного текста, то сегодня метафора интересует исследователей в большей мере как явление когнитивного порядка. Как отмечает Т.В. Черниговская, «кодирование, «упаковка» знаний о мире в художественной форме гораздо полнее и экономичнее, чем в научной [Черниговская, 2013, с. 26].

Кардинальная смена статуса метафоры, изменение отношения к этому явлению произошли, прежде всего, благодаря работе Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» [Лакофф, 2004], которая в 80-е годы XX века действительно в своем

роде перевернула сознание. А.Н. Баранов (лингвист, переводчик и автор предисловия к русскому переводу книги) метко назвал ее «Библией когнитивного подхода к метафоре» [Баранов, 2004, с. 7].

Согласно теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона, человек прибегает к метафоре, концептуализируя действительность, думает и говорит об одних (как правило, более сложных, абстрактных) понятиях в терминах других (чаще всего базовых концептов). Человек говорит в соответствии с тем, как это понимает, а значит, сознание и язык метафорически структурированы. Основа метафоризации в двухпространственной модели Лакоффа-Джонсона описывается как взаимодействие двух структур знания, или когнитивных структур: области-источника (*source domain*) и области-цели (*target domain*).

Исследуя способность человека мыслить об одной области опыта в терминах другой, понимать и описывать действительность на основе имеющегося опыта, Дж. Лакофф и М. Джонсон рассматривали конвенциональные метафоры – «определяющие строение обыденной концептуальной системы нашего общества, которая отражается в повседневном употреблении языка» [Лакофф, 2004, с. 169]. В стилистике конвенциональные метафоры получили название стертых, или мертвых метафор, то есть таких метафор, которые стали фактами языка и пополнили словарь, что и дало основание Дж. Серлю определять мертвые метафоры как те, которые выжили, то есть остались в языке [Серль, 1990, с. 313].

В 90-е годы исследование концептуальной метафоры получило дальнейшее развитие в теории концептуальной интеграции (*conceptual integration, the theory of blending*) М. Тернера, Ж. Фоконье, Е. Свитсер [Sweetser, Fauconnier, 1996; Turner, Fauconnier, 1999 и др. работы]. Значительный вклад в развитие теории внесли также Дж. Грейди, Т. Оукли, М. Фриман и С. Коулсон [Grady, Oakley, Coulson, 1997; Fludernik, Freeman and Freeman, 1999 и др.].

В теории концептуальной интеграции вместо двух пространств (источника и цели) используется четырехпространственная модель: два исходных пространства (*input spaces*); общее (*generic space*) пространство, содержащее концептуальные структуры, имеющиеся в обоих исходных пространствах; и пространство бленда (*blended space, blend*), представляющее собой зону интеграции и взаимодействия исходных пространств. Новое содержание, порождение нового смысла, возникающего в бленде – так называемые эмерджентные структуры (*emergent content/structure*), позволяет объяснить те феномены, которые в теории концептуальной метафоры не поддавались столь точному и ясному определению. И если Дж. Лакофф и М. Джонсон

лишь вскользь коснулись индивидуальных, творческих метафор, то в теории блендинга процесс метафоризации предстает, прежде всего, как динамический смыслообразовательный онлайн-процесс. При этом регулярные конвенциональные образцы метафорической концептуализации не противопоставляются, а, скорее, служат материалом для процессов создания новых смыслов в режиме реального времени, новейших уникальных блендов. Авторы теории блендинга отмечают, что, поскольку эти новые смыслы понимаются без затруднений, следовательно, процессы генерирования и интерпретации блендов хорошо развиты и являются базовыми для когнитивного механизма [Grady, Oakley, Coulson, 1997].

Таким образом, метафоры рождаются в сознании человека, это процесс творческий и происходящий здесь и сейчас. Человек живет метафорами, и не только теми, которые сформированы коллективным сознанием, о которых писал Дж. Лакофф, но и в том числе нетривиальными, новыми, динамичными, произведенными в процессе его мыслительной деятельности спонтанно. Роль механизма метафоризации как когнитивного процесса для человека заключается в стремлении понять, осмыслить и объяснить действительность и самих себя. Покажем это на следующем примере.

Американская писательница Энн Линдберг в книге «Подарок моря» размышляет: *«The shell in my hand is deserted. It once housed a whelk, a snail-like creature, and then temporarily, after the death of the first occupant, a little hermit crab, who has run away, leaving his tracks behind him like a delicate vine on the sand. He ran away, and left me his shell. It was once a protection to him. I turn the shell in my hand, gazing into the wide open door from which he made his exit. Had it become an encumbrance? Why did he run away? Did he hope to find a better home, a better mode of living? I too have run away, I realize, I have shed the shell of my life, for these few weeks of vacation»* [Lindberg, 1965, p. 21–22]. В раздумьях о своей жизни, смысле, предназначении, обязанностях женщина идет по берегу моря, находит раковину моллюска. Наблюдая картину того, как маленький рак-отшельник покидает раковину, рассматривая ее, задумываясь о жизни этих маленьких существ, она находит сходство с ее собственной жизнью, конечно отдаленное, но так точно передающее ее настоящее настроение, мысли, проблемы. Так появляется ниточка ассоциативной связи, дающая жизнь новой метафоре, возникающей в сознании.

Еще Дж. Лакофф и М. Джонсон отмечали, что метафоры возникают на мощном культурном основании, они высвечивают

именно то, что тесно соотносится с нашим опытом в рамках данной культуры, скрывая то, что не соотносится или мало соотносится с ним.

Итак, метафоры в сознании человека зарождаются с учетом осмысления накопленного опыта, а этот опыт несет в себе отпечаток культуры или нескольких культур, хотя, безусловно, в нем присутствуют универсальные черты. Возникновение метафоры свидетельствует о появлении концептуальной связи, о внимании к некоему явлению / объекту, метафоризируется то, что значимо для человека, являющегося представителем того или иного этноса.

Рассмотрим роль концептов МОРЕ, ОКЕАН (а также тесно связанных с ними «морских» концептов в англоязычном сознании) и их использование в качестве области-источника метафоры.

Осознанно или случайно, но, говоря о тех трансформациях и кардинальных изменениях, которым подвергалась теория метафоры в XX веке, исследователи используют так называемую морскую метафору: *«In the course of the twentieth century metaphor theory has undergone several sea changes»* [Fludernik, Freeman and Freeman, 1999]. В выражении *«sea change»* («кардинальные изменения»), заимствованном у Уильяма Шекспира в пьесе «Буря» [English Oxford living dictionaries, URL], задействован один из важнейших концептов, характерных для сознания носителей английского языка – концепт МОРЕ. В данном случае мы имеем дело со стертой, или конвенциональной метафорой, широко используемой в названиях книг, фильмов, музыкальных произведений, в политическом дискурсе и в обыденной речи. К другим примерам таких метафор, использующих концепт МОРЕ в качестве области-источника, можно отнести следующие: *sea of sorrow*, *sea of tears*, *sea of troubles*, *sea of uncertainty*, частотность их использования подтверждается данными корпусов английского языка¹.

Значимость концепта МОРЕ в англоязычном сознании подтверждается тем, что наряду с конвенциональными метафорами, сформировавшимися на основе данного концепта, в языке активно создаются авторские динамические «морские» метафоры, из чего можно сделать вывод, что данная концептуальная модель продуктивна, воспроизводима.

Географическое положение, в частности островное положение Великобритании, дающее наглядное представление о больших скоплениях воды, формирует в англоязычном сознании образ

¹ <http://corpus.byu.edu/corpora.asp>, <http://corpus.leeds.ac.uk/protected/query.html>, <http://corpus.byu.edu/coca/>, <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>, <http://googlebooks.byu.edu/x.asp>.

множества, основанный на таких концептах, как МОРЕ и ОКЕАН. Базовая конвенциональная метафора «море / океан – множество» часто служит источником для нетривиальных авторских метафор, являющихся результатом концептуальной интеграции.

Так, британская писательница Софи Кинселла предлагает читателям метафору с ярко выраженным национально-культурным основанием – «*more крошек*»: «*I gave up on the “light sandwich lunch” almost straightaway. At least, I briefly tried sawing away at two loaves of bread—and ended up with huge, wonky slices, each one more misshapen than the last, lying in a sea of crumbs*» [Kinsella, 2006, p. 97]. В переводе В. Рединой происходит замена образа моря на более привычное для русского читателя выражение «*куча крошек*»: «*От «легкого обеда с сэндвичами» я отказалась практически сразу. Мне показалось, я несколько часов подряд пилила две булки – а в итоге у меня получилось десять громадных неряшливых кусков, один страшнее другого, и куча крошек на столе*» [Кинселла, 2013, с. 42].

Большой объем работы, в частности интеллектуальной, также может выражаться с помощью образа моря, в котором можно утонуть: «*Reeling a little from our intense absorption, we come back with relief to the small chores of getting lunch, as if they were lifelines to reality - as if we had indeed almost drowned in the sea of intellectual work and welcomed the firm ground of physical action under our feet*» [Lindberg, 1965, p. 101]. Здесь необъятное море, способное поглотить человека, противопоставляется твердой почве, суше, земле, надежной опоре, так же как большое количество умственной работы – работе физической, более приземленной и понятной.

Другое противопоставление, характерное для англоязычного сознания, находим в яркой образной метафоре, созданной той же Энн Линдберг: «*I feel we are all islands – in a common sea*» [Lindberg, 1965, p. 40]. Область-цель метафоры – отдельный человек, индивидуальность в общей огромной массе людей, в качестве области-источника метафоры использован концепт МОРЕ, отдельный человек воспринимается писателем как одинокий остров в бескрайнем людском море.

Роль квантификатора со значением огромного, неизмеримого множества способен играть концепт ОКЕАН, который в творческом процессе порождения новых смыслов может предстать как «*ocean of dollars*»: «*... the American gangster would still have a vast ocean of dollars to launder*» [Forsyth, 2010, p. 447]. И если метафорические выражения «денег море» или «доллары наводнили экономику» можно считать типичными для русскоязычного дискурса, то «океанами» денежную

массу измерять не принято. Вместе с тем, в данном случае смысл метафоры достаточно прозрачен, кроме того, сам образ, выраженный метафорически, сложно передать нейтральной лексикой без потери адекватности перевода, что, вероятно, явилось мотивом для сохранения переводчиком авторской метафоры: «... у американского гангстера останется бескрайний океан долларов, нуждающихся в отмывании» (перевод С. Саксина) [Форсайт, 2011, с. 18]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в том случае, когда образ, лежащий в основе метафоры языка-источника, является понятным в принимающем языке, может иметь место трансфер образа.

В этой связи представляет большой интерес особенность языкового сознания билингвов. Так, анализируя метафоры, используемые в языке британского писателя Питера Мейла, много лет живущего во Франции, можно сделать вывод о том, что в языковом сознании автора удивительным образом совмещаются концепты разных культур. Так описывая область-цель, относящуюся к французской действительности (оливковые деревья), он использует концепт ОКЕАН, более характерный для носителей английского языка: «*I saw what he meant as we left the orchard behind us and entered an ocean of olive trees*» [Peter Mayle, 2000, p. 209]. В данном случае мы имеем дело с примером синкретизации языкового сознания, то есть совмещения в нем образов сознания двух языков, характерной для билингвов [Козлова, 2016, с. 329–331].

В.В. Набоков, русский и американский писатель-билингв, отвечая на вопрос о языке, на котором он думает, метафорически изысканно сформулировал свой ответ: «*Я не думаю ни на одном языке. Я думаю образами... и лишь иногда русская или английская фраза, вспенится мозговой волной, но вот, пожалуй, и все*» [Набоков, 1962, URL]. По мнению В.В. Набокова, сознание изначально образно, и, как демонстрирует данный пример, образ уже культурно-специфичен, метафора «черпается» писателем из области-источника концепта МОРЕ, то есть из того образа, который присутствует в его сознании. Напомним в этой связи определение метафоры, которое дает Л. Шлайн: «Метафора – это уникальный вклад правого полушария в языковую способность левого», то есть она является результатом сотрудничества образного и словесного мышления (цит по: [Оуэн, 2002, с. 3]). Экспериментальные данные, приводимые в работах Т.В. Черниговской, подтверждают эту мысль [Черниговская, 2013, с. 237–243].

Следует отметить, что морская метафорика широко используется также для характеристики эмоционально-чувственной сферы человека,

как, например, в следующем сочетании: *Of course he was joking. I feel a wave of humiliation* [Kinsella, 2012, p. 111]. Образ морской волны, разбивающейся о скалу, использует британская писательница Джоанн Харрис для описания эмоциональных взаимоотношений между людьми: «*I feel no point of contact with him, and my smile broke on him like a wave on a rock*» [Харрис, 2013, с. 66]. В переводе И. Новоселецкой – «*Я не нахожу точек соприкосновения с ним, моя улыбка разбивается об него, как волна о камень*» [Харрис, 2013, с. 67] – не совсем удачно выбрано вариантное соответствие для слова «rock». Поскольку скалистые берега – это еще одна особенность британского ландшафта, находящая свое отражение в английской метафорике, вероятно, использование варианта «скала» было бы более уместно с точки зрения соответствия области-источнику. В данном примере признак уподобления представлен эксплицитно, в форме сравнения, в метафоре же сходство подразумевается, выражается имплицитно. Вместе с тем, различаясь по способу вербальной репрезентации, метафора и сравнение имеют единую когнитивную основу, относятся к одной когнитивной категории [Fludernik, Freeman and Freeman, 1999, p. 385].

Среди морских концептов одними из наиболее часто встречающихся являются концепты TIDE и EBB. Насыщенную морскую гамму течений, приливов и отливов использует Э. Линдберг для описания абстрактных концептов, таких, как жизнь, любовь, отношения: «*We have so little faith in the ebb and flow of life, of love, of relationships. We leap at the flow of the tide, and resist in terror its ebb. We are afraid it will never return*» [Lindberg, 1965, p. 108]. Данными метафорами автор подчеркивает закономерность процессов смены состояний, относящихся к категориям жизни, любви, отношений, призывая воспринимать изменения как нечто естественное, доверяться потоку жизни, принимать и отлив, и прилив как данность, не пытаться остановить или сопротивляться движению жизни.

Похожий образ бессмысленности попыток сдерживать прилив морских волн, то есть человеческих желаний, чувств использует Дж. Харрис: «*One man – even a priest – cannot hold back the tide forever*» [Харрис, 2013, с. 270]. Примечателен перевод данной метафоры: «*Человек – даже священник – не может бесконечно сдерживать лавину*» (перевод И. Новоселецкой) [Харрис, 2013, с. 271]. Надо признать, что в целом замена волн прилива на лавину – это вполне обоснованная и удачная доместикация, прилив в русском переводе звучал бы достаточно чужеродно. Вместе с тем, с заменой образа прилива утрачена важная коннотация оригинальной метафоры, а

именно то, что морской прилив – это естественный процесс регулярного порядка, также как и прилив чувств, эмоций и желаний у человека, в том числе священника, в то время как лавина непредсказуема, спонтанна и представляет собой явление экстраординарное, экстремальное.

Конечно, нельзя не отметить еще один неотъемлемый компонент комплекса морских метафор – это бесчисленное множество обитателей морских глубин (рыбы, моллюски, водоросли и др.), достаточно часто присутствующих в английской морской метафорике. Приведем пример, отличающийся особой изысканностью: «... *a group of Gypsies, lean and swarthy and all in black, slithering through the crowd like sharks among a shoal of tropical fish*...» [Mayle, 2004, p. 230]. Помимо прочего в данном случае присутствует и подразумеваемая метафора «толпа (множество) людей – море», которая использовалась также Э. Линдберг в одном из вышеприведенных примеров.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что географическое положение Великобритании, особенности ее «островного» менталитета находят свое отражение в значимости концептов МОРЕ и ОКЕАН в языковом сознании носителей английского языка. Доминирование этих образов сознания в англоязычной картине мира обуславливает частотность их использования в качестве базис-источника метафоры для выражения значения множества. Эта национально-культурная специфика метафоры находит свое отражение в переводе. Как показало сопоставление оригинала и перевода морских метафор на русский язык, в процессе перевода может иметь место как трансфер образов сознания в принимающий язык, так и замена образа на иной, более характерный для русскоязычной картины мира.

Литература

Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца XX века. М., 1995.

Добричев С.А., Козлова Л.А., Пшенкина Т.Г. Этнокультурный потенциал языковых единиц различных уровней. Барнаул, 2013.

Козлова Л.А. Национально-культурная специфика метафоры и способы ее манифестации в тексте // Филология и человек. 2015. № 1.

Козлова Л.А. Синкретизм языкового сознания билингва и его отражение в метафоре // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. XXVI.

Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.

Оуэн Н. Магические метафоры. 77 историй для учителей, терапевтов и думающих людей. М., 2002.

Серль Дж. Метафора // Теория метафоры. М., 1990.

Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шредингера: язык и сознание. М., 2013.

English Oxford living dictionaries. [Electronic resource].

URL: https://en.oxforddictionaries.com/definition/sea_change.

Fludernik M., Freeman D.C., Freeman M.H. Metaphor and Beyond: an Introduction // Poetics Today. 1999. Vol. 20.3.

Grady J., Oakley T., Coulson S. Blending and Metaphor // Metaphor in Cognitive Linguistics. Amsterdam and Philadelphia, 1997.

Langacker R.W. The Conceptual Basis of Cognitive Semantics // Language and Conceptualization. Cambridge, 1997.

Palmer G. Toward a Theory of Cultural Linguistics. Austin, 1996.

Sweetser E., Fauconnier G. Cognitive Links and Domains: Basic Aspects of Mental Space Theory // Space Worlds and Grammar. Chicago and London, 1996.

Turner M., Fauconnier G. A Mechanism of Creativity // Poetics Today. 1999. Vol. 20, № 3.

Список источников

Кинселла С. Богиня на кухне. Перевод с англ. В. Рединой. М., 2013.

Набоков В. Набоков о Набокове и прочем. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.libros.am/book/read/id/162221/slug/nabokov-o-nabokove-i-prochem-intervyu>.

Форсайт Ф. Кобра. Перевод с англ. С. Саксина. М., 2011.

Харрис Дж. Шоколад. Перевод с англ. И.П. Новоселецкой. М., 2013.

Forsyth F. The Cobra. New York, 2010.

Kinsella S. I've got your number. London, 2012.

Kinsella S. The Undomestic Goddess. London, 2006.

Lindberg A. Gift from the Sea. New York, 1965.

Mayle P. A Good Year. New York, 2004

Mayle P. Encore Provence. London, 2000.

К ВОПРОСУ О СОСТАВЕ СТИЛЕВЫХ ЧЕРТ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОГО СТИЛЯ

В.А. Маркова

Ключевые слова: функциональная стилистика, функциональный стиль, официально-деловой стиль, стилевая черта, информационная емкость.

Keywords: functional stylistics, functional style, official style, stylistic trait, information capacity.

Стилевая черта – одна из базовых характеристик функционального стиля. Со стилиевой чертой связывается представление о признаках текста, являющихся следствием реализации функций стиля, которые, в свою очередь, обусловлены экстралингвистическими факторами [Кожина, Котюрова, 2006, с. 403]. Стилевая черта связывает, таким образом, экстралингвистические

параметры с языковыми показателями стиля, а именно эта связь внеязыкового с языковым как раз и является доминантной в понятии функционального стиля, который, по словам И.А. Вещиковой, представляет собой одновременно и производную «от определенной совокупности экстралингвистических обстоятельств, и языковой коррелят этих обстоятельств» [Вещикова, 1992, с. 27]. Понятие стилевой черты, с одной стороны, отражает сущностные характеристики функционального стиля, с другой – позволяет дифференцировать функциональные стили, поскольку каждый функциональный стиль обладает собственным набором стилевых черт.

Данная статья посвящена вопросу о составе стилевых черт официально-делового стиля. Эту проблему нельзя считать решенной, так как характеристики, которые даются официально-деловому стилю, нередко оказываются противоречивыми. Так, с одной стороны, указывается на обстоятельство изложения, «информационную полноту» [Купина, Матвеева, 2015, с. 178], стремление «исчерпать предмет изложения» [Дускаева, Протопопова, 2012, с. 70] и, как следствие этого, тяжеловесность и громоздкость официально-делового стиля [Буре и др., 2012, с. 20]. С другой стороны, подчеркивается краткость, лаконичность официально-делового стиля [Дускаева, Протопопова, 2012; Кузнецов 2012; Рахманин, 2012; Сологуб, 2013; Шварцкопф, 2006]. Чтобы каким-то образом примирить эти противоречащие друг другу характеристики, исследователям приходится давать специальные комментарии, пояснения. Так, Б.С. Шварцкопф указывает, что под краткостью следует понимать не столько количество слов в предложении, сколько количество информации, вмещаемой в рамки одного предложения [Шварцкопф, 2006, с. 228]. Возможно, из-за наличия противоречия между обстоятельностью (исчерпывающей полнотой) изложения и лаконичностью последняя характеристика не входит в «классический» список языковых черт официально-делового стиля, приводимый в Стилистическом энциклопедическом словаре. Этот список включает императивность, точность, стандартизованность и неличностность изложения [Дускаева, Протопопова, 2006, с. 274–275]. Что касается обстоятельности изложения (исчерпанности предмета сообщения), то она воспринимается как производная от точности [Дускаева, Протопопова, 2012, с. 70]. Действительно, чтобы изложение было точным, не допускало инотолкований, должны быть изложены все существенные обстоятельства дела.

В настоящей статье обосновывается необходимость введения в список стилевых черт официально-делового стиля еще одной черты –

информационной емкости, которая диалектически соединяет две важные характеристики – обстоятельность изложения и краткость (лаконичность), снимает противоречия между этими особенностями, в равной степени характерными для официально-делового стиля. Само название «информационная емкость» указывает на то, что актуальными являются не абсолютные параметры (длина текстового фрагмента, количество слов в предложении и т.п.), а соотношение объема предъявляемой информации и средств выражения этой информации. Информационная емкость манифестирует, таким образом, важную особенность официально-делового текста – стремление вместить максимальное (необходимое и достаточное) количество информации в рамки компактной синтаксической конструкции.

Понятие информационной емкости не имеет широкого употребления в научной литературе. Мы используем этот термин вслед за И.Н. Левиной. Характеризуя особенности научного стиля, исследователь отмечает: «Совершенствуясь, язык нашел более компактные и гармоничные формы, в которых теперь и воплощается научная мысль. Основную тенденцию мы можем определить как стремление к информационной емкости» [Левина, 2005, с. 404]. Информационная емкость научного текста достигается, как указывает И.Н. Левина, нанизыванием форм родительного падежа и введением в простое предложение осложняющих элементов [Левина, 2005, с. 405]. Термин «информационная емкость» можно встретить и в отдельных работах, посвященных официально-деловому стилю. В частности, Л.Р. Дускаева и О.В. Протопопова, характеризуя табличную форму предъявления информации, отмечают, что преимущество этой формы перед линейной (текстовой) подачей информации «заключается в информационной емкости, возможности четко классифицировать информацию и легко суммировать приведенные данные» [Дускаева, Протопопова, 2012, с. 84]). Таким образом, в работах, где используется понятие «информационная емкость» (независимо от того, о каких средствах ее достижения идет речь – только о вербальных или о вербальных и графических), это понятие связывается с представлением об оптимальном способе предъявления информации.

Нас будет интересовать проявление информационной емкости на вербальном уровне. Целью настоящей статьи является обоснование необходимости включения информационной емкости в состав стилевых черт официально-делового стиля, что будет иметь следствием изменение системных отношений между некоторыми характеристиками официально-делового стиля. Поставленная цель конкретизируется в следующих задачах:

1) дать определение информационной емкости;
2) доказать, что понятие информационной емкости соответствует определению стилевой черты: выявить экстралингвистические параметры и языковые показатели, ассоциируемые с информационной емкостью;

3) доказать, что информационная емкость является первичной, «родовой» стилевой чертой, а не является иерархически подчиненной характеристикой, то есть характеристикой, вытекающей из какой-либо другой стилевой черты;

4) обосновать целесообразность выделения информационной емкости как стилевой черты официально-делового стиля: продемонстрировать те преимущества, которые дает это понятие для объяснения функционирования языковых средств официально-делового стиля;

5) выяснить, к каким изменениям в системе стилевых черт официально-делового стиля приводит введение информационной емкости как еще одной стилевой черты.

Начнем с рабочего определения информационной емкости. Оно может звучать так: информационная емкость – это способность небольшого по объему текстового фрагмента вмещать в себя значительное количество информации, благодаря чему достигается высокая концентрация информации в тексте. Можно дать и такое определение: информационная емкость – способность текстового фрагмента выражать максимальное количество информации при использовании минимального количества языковых средств. Из рабочего определения следует, что информационно емкий текст – это текст сжатый. С какой целью происходит сжатие текста? Рассмотрим два текстовых фрагмента.

Фрагмент 1

Мы ссылаемся на Ваше письмо. Это письмо Вы отправили 07.05.2016. Мы предлагаем Вам телефоны «Диалог». Один телефон стоит 1000 рублей. Мы предлагаем Вам 150 телефонов¹.

Фрагмент 2

Ссылаясь на Ваше письмо от 07.05.2016, предлагаем Вам 150 телефонов «Диалог» по цене 1000 руб. за шт.

¹ Мы отдаём себе отчёт в том, что фрагмент 1 выглядит искусственным и едва ли такой текст можно встретить в реальной деловой практике. Однако фрагмент 1, в котором «растворённость», «неконцентрированность» информации доведена до предела, является для нас необходимым материалом для сравнения со сжатым текстом (фрагмент 2).

Объем информации, представленной в обоих фрагментах, одинаков (сообщение об основании составления письма, которое направляется в ответ на письмо, полученное от адресата, информация о дате полученного письма, констатация факта предложения товара, сообщение о предмете предложения (телефоны «Диалог»), о количестве предлагаемых телефонов и их цене). Однако в первом случае информация «разбросана», дается в пяти простых предложениях, во втором случае – сконцентрирована в одном предложении, осложненном деепричастным оборотом. Второй фрагмент воспринять легче: информацию не нужно «собирать» из разных предложений. Кроме того, во втором фрагменте между элементами информации установлена связь, формально отсутствующая в первом фрагменте: если в первом фрагменте наблюдается соположение элементов информации *Мы ссылаемся на Ваше письмо* и *Мы предлагаем Вам телефоны «Диалог»* и никакие формальные показатели не указывают на связь действий *ссылаться* и *предлагать*, то во втором фрагменте между действиями *ссылаться* и *предлагать* установлены иерархические отношения, связывающие их: деепричастие *ссылаясь* называет второстепенное действие, сопутствующее основному – *предлагаем*. Установление связи между элементами информации облегчает восприятие содержания текста.

Таким образом, сжатие текста осуществляется для облегчения его восприятия. При этом, конечно, существует предел сжатия текста: чрезмерное сжатие приведет не к облегчению, а, наоборот, к затруднению понимания, поэтому текст не может быть сжат до неудобных для восприятия форматов. Ключевым по отношению к информационно емкому тексту является, на наш взгляд, слово «компактный»: компактный – это небольшой по объему и одновременно удобный. Удобство компактного предъявления информации состоит в том, что все обстоятельства дела – в их взаимосвязи – представлены в одном целом. Вводя ключевое слово «компактный» в определение информационной емкости и указывая на конечную цель сжатия текста, получаем следующее определение: **информационная емкость – это особенность текста, обусловленная компактным предъявлением содержания, выражением его с помощью минимального количества языковых средств для облегчения восприятия информации.** Такое облегчение восприятия информации при работе с документами очень важно, поскольку сегодня приходится работать с большим количеством документов. Объемный документооборот – это экстралингвистический детерминант информационной емкости как стилевой черты. Рассмотрим теперь,

какие языковые особенности официально-делового стиля определяются этим параметром, с помощью каких языковых средств достигается информационная емкость текста.

Представляется, что целесообразно различать две степени сжатия текста:

- 1) сжатие сверхфразового единства до размеров предложения,
- 2) сжатие самого предложения, усиление степени компактности формулировки.

В первом случае сжатие осуществляется путем «информационного поглощения» одним предложением другого (других) с одновременным усложнением его структуры. Во втором случае в предложении менее компактные конструкции заменяются более компактными. Степень сжатия текста не регламентируется нормами стиля (допустимы обе степени сжатия) и носит субъективный характер – она зависит от автора текста.

Рассмотрим каждую из разновидностей сжатия текста.

1) В первом случае информация размещается в одном предложении – сложном (чаще сложноподчиненном) или простом (осложненном или распространенном). Для размещения информации, привносимой из других предложений, могут использоваться различные структуры:

а) придаточные части: ***В случае если между сторонами возникнут разногласия, они вправе обратиться в арбитражный суд*** (ср.: *Между сторонами могут возникнуть разногласия. В этом случае стороны вправе обратиться в арбитражный суд*);

б) однородные члены предложения: ***Цены твердые и не подлежат изменению*** (ср.: *Цены твердые. Цены не подлежат изменению*);

в) причастные обороты: ***Высылаем Вам каталоги и прейскуранты, заказанные Вами в письме от 05.04.2016*** (ср.: *Высылаем Вам каталоги и прейскуранты. Эти каталоги и прейскуранты были заказаны Вами в письме от 05.04.2016*);

г) деепричастные обороты: ***Продавец обязан рассмотреть претензию и ответить Покупателю не позднее чем в течение 30 дней, считая с момента получения претензии*** (ср.: *Продавец обязан рассмотреть претензию и ответить Покупателю не позднее чем в течение 30 дней. Срок 30 дней отсчитывается с момента получения претензии*).

При сжатии сверхфразового единства в предложение обычно усиливаются связи между элементами информации. Например, при сжатии сверхфразового единства в сложноподчиненное предложение

между элементами информации устанавливаются иерархические отношения: информация придаточной части по сравнению с информацией главной части является «второплановой». При сжатии сверхфразового единства в простое предложение информация одного из предложений вводится в другое предложение в синтаксическом статусе деепричастного или причастного оборота или однородного члена предложения. При преобразовании одного из предложений в деепричастный оборот, входящий в состав другого предложения, устанавливаются иерархические отношения между действием, выраженным глаголом-сказуемым, и действием, выраженным деепричастием. При преобразовании одного из предложений в причастный оборот, входящий в состав другого предложения, причастный оборот становится в зависимое положение от определяемого слова. При преобразовании компонента одного из предложений в один из однородных членов в другом предложении обычно вводится средство связи – сочинительный союз. Во всех этих случаях усиливается связь между элементами информации.

2) При усилении сжатия предложения происходит замена менее компактных синтаксических конструкций более компактными. Повышение концентрации информации в этом случае может достигаться:

а) включением информативно важного компонента одной из частей сложного предложения (бессоюзного или сложносочиненного) в другую часть на правах однородного члена с преобразованием сложного предложения в простое: *Цены твердые, (и) они не подлежат изменению* → *Цены твердые и не подлежат изменению*;

б) заменой придаточной части причастным оборотом: *Сегодня мы получили мобильные телефоны, которые мы заказали 20.05.2016* → *Сегодня мы получили мобильные телефоны, заказанные нами 20.05.2016*;

в) заменой придаточной части деепричастным оборотом: *Продавец обязан отгрузить товар не позднее чем в течение одного месяца с момента заказа, причем продавец несет все связанные с этим расходы* → *Продавец обязан отгрузить товар не позднее чем в течение одного месяца с момента заказа, неся все связанные с этим расходы*;

г) заменой придаточной части предложно-падежным сочетанием: *Несмотря на то что мы неоднократно напоминали Вам об оплате, наш счет до сих пор не оплачен* → *Несмотря на наши неоднократные напоминания наш счет до сих пор не оплачен*;

д) заменой нескольких придаточных частей цепочкой родительных падежей: *Наймодатель вправе требовать, чтобы Наниматель соблюдал правила, в соответствии с которыми следует пользоваться квартирой* → *Наймодатель вправе требовать от Нанимателя соблюдения правил пользования квартирой*.

При данной разновидности сжатия обычно не происходит усиления связи между элементами информации: в результате преобразования структуры один вид связи заменяется другим. Нетрудно заметить, что и при сжатии сверхфразового единства, и при сжатии предложения наблюдается один и тот же процесс: понижение статуса пропозиции, выражение ее предикативной конструкцией более низкого ранга.

Выше был установлен экстралингвистический фактор, определяющий повышение концентрации информации в деловом тексте, – объемный документооборот. Мы установили также набор языковых показателей, связанных с этим фактором (сложные предложения; простые предложения, осложненные однородными членами, причастными и деепричастными оборотами; распространенные простые предложения с цепочками родительных падежей, предложно-падежными сочетаниями). Наличие корреляции между экстралингвистическим и языковым позволяет утверждать, что признак «информационная емкость» обладает свойствами стилевой черты, удовлетворяет определению этого понятия.

Возникает вопрос, является ли информационная емкость самостоятельной стилевой чертой, или она может быть отнесена к какой-либо уже «признанной» черте как видовая к родовой (так же как, например, официальность и безэмоциональность являются видовыми чертами по отношению к неличности (объективности) изложения: они раскрывают, конкретизируют эту черту [Дускаева, Протопопова, 2006, с. 275]). Очевидно, что на статус родовой черты по отношению к информационной емкости может претендовать только точность. В самом деле, понятие информационной емкости предполагает наличие достаточно объемной информации (предъявляемой с помощью относительно небольшого количества языковых средств). Большой объем информации связан с признаком обстоятельности изложения, который, в свою очередь, является производной от точности. Можно предположить, что мы имеем следующее соотношение понятий:

Точность
↑
Обстоятельность изложения
↑
Информационно емкое изложение

(большой объем информации, представленной в компактной форме)

Однако обстоятельное изложение необязательно должно быть компактным: при некомпактном обстоятельном изложении точность изложения не пострадает, просто вся та же самая информация будет изложена с применением большего количества языковых средств. Иными словами, возможно и такое соотношение понятий:

Точность

↑

Обстоятельность изложения

↑

Некомпактное изложение

(большой объем информации, выраженной с помощью значительного количества языковых средств)

Таким образом, точность изложения может достигаться как при компактном, так и при некомпактном изложении. Следовательно, информационно емкое изложение не является средством достижения точности.

Правда, выше мы отмечали, что при сжатии текста могут усиливаться связи между элементами информации. Этот факт может быть связан не только с удобством восприятия информации, но и с точностью: установление однозначных связей между элементами информации способствует большей точности формулировок. Однако, как было показано, усиление связей между элементами информации происходит не всегда (при усилении сжатия предложения новых связей между элементами информации обычно не возникает)¹. Поэтому усиление связей между информационными составляющими текста можно рассматривать только как тенденцию при информационно емком изложении: мы вправе говорить, что компактность изложения **может способствовать** усилению точности изложения (в том случае, если между фрагментами информации устанавливаются дополнительные связи), но не вправе говорить, что она **способствует** усилению точности, так как это происходит не всегда. Таким образом, оснований устанавливать иерархические отношения между точностью и информационной емкостью нет: информационная емкость не

¹ Заметим, кстати, что связь между элементами информации присутствует в той или иной степени в любом тексте, в том числе в тексте несжатом, некомпактном, иначе он не был бы текстом (связность – один из базовых признаков текста, см. [Гальперин, 2009] и многие другие работы по лингвистике текста).

включается в понятие «точность», а является самостоятельной стилиевой чертой.

Введение понятия «информационная емкость» позволяет объяснить высокую частотность в деловых текстах ряда конструкций, в частности причастных и деепричастных оборотов. Употребление причастных и деепричастных оборотов традиционно связывается с точностью [Буре и др., 2012; Дускаева, Протопопова, 2012; Кожина, Дускаева, Салимовский, 2012; Кузнецов, 2012 и многие другие работы]. Действительно, причастные и деепричастные обороты вносят в предложение дополнительную информацию, делают изложение более обстоятельным, способствуют исключению возможности недопонимания, инотолкований, а значит, изложение становится более точным. Однако следует заметить, что обстоятельность и, следовательно, точность изложения может быть достигнута и путем использования других синтаксических конструкций, в частности конструкции сложноподчиненного предложения: *Покупатель имеет право потребовать возврата денежных сумм, уплаченных за дефектный товар.* = *Покупатель имеет право потребовать возврата денежных сумм, которые он уплатил за дефектный товар; Продавец обязан отгрузить товар не позднее чем в течение одного месяца с момента подписания контракта, неся все связанные с этим расходы.* = *Продавец обязан отгрузить товар не позднее чем в течение одного месяца с момента подписания контракта, причем продавец несет все связанные с этим расходы.* Сложноподчиненное предложение не только эквивалентно обособленному обороту по объему предъявляемой информации, но даже имеет преимущества с точки зрения способа подачи информации: в придаточной части сообщаемая информация привлекает к себе большее внимание адресата, чем в обособленном обороте. Действительно, в придаточной части пропозиция выражается финитным глаголом-сказуемым – своей основной репрезентацией, в то время как деепричастный и причастный обороты являются вторичными и коммуникативно несамостоятельными репрезентациями пропозиции [Шмелева 1980, с. 133-134], и содержащаяся в них информация воспринимается как информация «второго плана»¹. Следовательно, использование причастных и деепричастных оборотов не дает «выигрыша» ни в количестве предъявляемой информации, ни в степени фиксации на ней внимания адресата и не способствует большей

¹ Более подробно этот вопрос рассматривается в статье: Маркова В.А. Информационная ёмкость как стилиевая черта официально-делового стиля // Русский язык: исторические судьбы и современность. М., 2014.

точности изложения. Почему в таком случае деловой текст оказывает им предпочтение? Единственное преимущество обособленного оборота перед придаточной частью сложного предложения – это компактность предъявления информации, уменьшение объема текста, которое, как отмечает И.Н. Кузнецов, сокращает время «на обработку документной информации и ее восприятие» [Кузнецов, 2012, с. 58]. Иными словами, обособленные обороты повышают информационную емкость текста, что способствует более быстрому и легкому его восприятию. Именно понятие информационной емкости (а не точности) позволяет объяснить частотность этих оборотов в деловых текстах.

Итак, на наш взгляд, имеются все основания для того, чтобы включить информационную емкость в число стилевых черт официально-делового стиля на правах равноправной самостоятельной черты, которая, как и все другие стилевые черты, связывает экстралингвистические параметры с языковыми признаками и обладает необходимой объяснительной силой при характеристике особенностей данного стиля. При включении информационной емкости в число стилевых черт состав стилевых черт официально-делового стиля предстает следующим образом: императивность, стандартизованность, точность, информационная емкость, объективность¹.

Какие изменения в системе стилевых черт происходят с введением в нее новой стилевой черты – информационной емкости? Во-первых, отпадает необходимость в характеристике «краткость» («лаконичность»), тем самым снимается видимое противоречие между обстоятельностью изложения (производной от точности) и краткостью. Во-вторых, происходит перераспределение показателей между стилевыми чертами: ряд языковых признаков (обособленные обороты, однородные члены, цепочки родительных падежей и др.) ассоциируются теперь не с точностью, а с информационной емкостью, обладающей большей объяснительной силой в отношении их употребления². В-третьих, устанавливаются связи между стилевыми

¹ Характеристика официально-делового стиля на основе указанного списка стилевых черт представлена в книге: Маркова В.А. Стилистика русского языка. М., 2016.

² В тех случаях, когда обособленные обороты способствуют не только компактности изложения, но и усилению связей между элементами информации, имеет место двойная соотнесённость – и с информационной ёмкостью, и с точностью. Такая ситуация не является исключительной. Например, определённо-личные конструкции в силу своей бессубъектности связываются прежде всего с обезличенностью изложения и манифестируют такую стилевую черту, как объективность [Кожина, Дускаева, Салимовский, 2012, с. 326]. С другой стороны – это показатель определённого языкового стандарта (например, начальное «прошу» в заявлениях), то есть эти конструкции связаны также и со стандартизованностью. Такие «перекрещивания» свидетельствуют не только об

чертами: в частности, точность и информационная емкость оказываются тесно связанными между собой через признак обстоятельности изложения: с одной стороны, обстоятельность изложения – производная от точности, с другой – необходимая предпосылка для информационной емкости. Предложенное представление о составе стилевых черт позволяет, на наш взгляд, дать системную и непротиворечивую характеристику официально-делового стиля, понять его предпочтения в выборе языковых средств, объяснить функционирование этих средств на текстовой плоскости.

Литература

- Буре Н.А. и др. Основы русской деловой речи. СПб., 2012.
- Вещикова И.А. Публицистический стиль как единица в системе функциональных разновидностей языка // Вестник МГУ. 1992. №1.
- Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 2009.
- Дускаева Л.Р., Протопопова О.В. Официально-деловой стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М., 2006.
- Дускаева Л.Р., Протопопова О.В. Стилистика официально-деловой речи. М., 2012.
- Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка. М., 2012.
- Кожина М.Н., Котюрова М.П. Силевые черты // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М., 2006.
- Кузнецов И.Н. Деловое письмо. М., 2012.
- Купина Н.А., Матвеева Т.В. Стилистика современного русского языка. М., 2015.
- Левина И.Н. Особенности научного стиля // Русский язык и культура речи. М., 2005.
- Маркова В.А. Информационная емкость как стилевая черта официально-делового стиля // Русский язык: исторические судьбы и современность. М., 2014.
- Маркова В.А. Стилистика русского языка. М., 2016.
- Рахманин Л.В. Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов. М., 2012.
- Сологуб О.П. Изучение официально-деловой речи: прошлое, настоящее, будущее // Стилистика как речеведение. М., 2013.
- Шварцкопф Б.С. Культура деловой речи // Культура русской речи. М., 2006.
- Шмелева Т.В. Пропозиция и ее репрезентации в предложении // Вопросы русского языкознания. М., 1980.

известной условности любой классификации, но и о тесной взаимосвязи стилевых черт, о многогранной работе языковых средств для выполнения определённого стилистического задания.

ЧЕЛОВЕК ВОСПРИНИМАЮЩИЙ: ТОПОНИМ *СМОЛЕНЩИНА* В ВОСПРИЯТИИ СТОЛИЧНЫМ СТУДЕНЧЕСТВОМ

Н.В. Бубнова

Ключевые слова: антропоцентрическая лингвистика, ассоциативный эксперимент, имя собственное (оним), языковая личность.

Keywords: anthropocentric linguistics, associative experiment, proper name (onym), language personality.

В антропоцентрической мегапарадигме (термин профессора А.А. Ворожбитовой) лингвистики начала XXI века особое место занимают исследования по ономастике – науке о человеке и для человека, предметом изучения которой является имя собственное (оним) в различных аспектах его функционирования в обществе. На фоне стремительных процессов глобализации, оборотной стороной которых стало возрастание интереса к изучению культурной самобытности нации, одним из приоритетных направлений современной ономастики является изучение имени как культурного знака, носителя многоплановой историко-культурной информации, в восприятии народа – носителя языка. Один из создателей лингвострановедческой теории слова Г.Д. Томахин отмечает: «Ономастическая лексика в целом обладает высокой национально-культурной маркированностью. Любой топоним и антропоним в сфере языка и культуры воспринимаются на фоне определенных ассоциаций, основанных на некоторых признаках обозначаемого ими объекта...» [Томахин, 1986, с. 115].

Для наименования многоплановой историко-культурной информации в содержании онима мы вслед за Н.А. Максимчук используем термин ассоциативно-культурный фон (далее АКФ). Под АКФ мы понимаем всю сопутствующую информацию, не входящую в непосредственное содержание имени, при этом «компонент *культурный* указывает на то, что фоновые знания, сопровождающие имя собственное, носят прежде всего культурологический характер (культура в данном случае понимается максимально широко). Компонент *ассоциативный* называет основной путь формирования, расширения и затем выявления фоновых знаний» [Максимчук, 2002, с. 166].

Около десяти лет мы занимаемся исследованием АКФ топонима *Смоленщина*. Значимость изучения региональных ономастических систем (прежде всего, заглавных онимов) обусловлена тем, что

национальный ономастикон формируется совокупностью таких систем, предварительное исследование которых способствует последующему объективному описанию национального ономастикона. Смоленский край с его более чем тысячелетней историей по праву занимает особое место в национальном культурном пространстве (в различных словарях и справочниках общенационального уровня (см. подробнее: [Бубнова, 2011; 2012]), в связи с чем представляется интересным выявить особенности АКФ топонима *Смоленщина* в составе фоновых знаний языковой личности начала XXI века. С этой целью нами проведен масштабный ассоциативный эксперимент на региональном (смоленском) и общенациональном уровне. Основные результаты, полученные в ходе эксперимента на региональном уровне и характеризующие особенности АКФ топонима *Смоленщина* в его восприятии респондентами-смолянами, подробно описаны в нашем диссертационном исследовании и монографии на его основе [Бубнова, 2013].

На данном этапе работы мы исследуем то, как представлен топоним *Смоленщина* и «смоленский компонент» фоновых знаний в целом на общенациональном уровне – в различных лексикографических источниках, в Национальном корпусе русского языка и в составе фоновых знаний студентов разнопрофильных столичных вузов, принявших участие в организованном нами ассоциативном эксперименте. В эксперименте, описанию результатов которого посвящена настоящая работа, приняли участие 1617 респондентов: 826 испытуемых из Москвы и 791 участник из Санкт-Петербурга. Выбор для участия в эксперименте именно студенческой аудитории обусловлен тем, что, по замечанию Ю.Н. Караулова, к возрасту 17–20 лет формирование языковой способности и ценностно-смысловых ориентаций в основном завершается, кроме того, «это дает возможность представить как бы на несколько десятилетий вперед ядро языкового сознания общества» [Караулов, 2002, с. 753].

В начале эксперимента участникам было предложено заполнить анонимную анкету, содержащую следующие характеристики: пол, возраст, курс обучения, место рождения (Москва / Петербург или другой город / поселок), образование (среднее / среднее специальное / высшее), сфера будущей профессиональной деятельности (гуманитарная / техническая), родной язык(и). После заполнения анкеты испытуемые в течение одной минуты записали любые реакции на стимул *Смоленщина*.

Полученный ассоциативный материал был обработан посредством создания в программе Microsoft Office Access электронной Базы данных, которая включает 1140 реакций (3101 употребление), названных

студентами московских вузов, и 909 ассоциаций (2710 употреблений), приведенных петербургскими студентами; при этом количество названных реакций респондентами обеих групп составило 343 неповторяющихся единицы. Разработка Базы данных дает возможность классифицировать материал (от самых частотных до единичных реакций) по разным основаниям. Наиболее показательной не только для описания АКФ топонима *Смоленщина*, но и для характеристики совокупной языковой личности респондентов является классификация реакций с точки зрения их когнитивного статуса (когнитивного потенциала). По данному критерию мы выделяем три группы реакций: общезначимые реакции, индивидуальные реакции и реакции с неясной мотивационной основой.

I. Среди общезначимых реакций мы выделяем пять типов: 1) информативные, 2) оценочные, 3) формальные, 4) ошибочные и 5) «пустые».

Информативные реакции отражают содержательно значимые компоненты АКФ исследуемого нами онома. При анализе информативных ассоциаций было замечено, что составные реакции часто совмещают в себе две семы и более (например, *исторический город, город России, исторический древний город России*), их тематическая прикрепленность определена нами на основании смысловой принадлежности первого компонента словосочетания.

При анализе оценочных реакций нами было установлено, что реакции с отрицательной оценкой (в некоторых случаях сопровождающейся стилистически сниженной окрашенностью, например, *хлам, быдло, дыра* и т.п.) преобладают в списке ассоциаций и студентов из Москвы, и студентов из Санкт-Петербурга. При этом в некоторых случаях закономерно возникает вопрос об адресате негативных реакций (типа *безграмотность, невежество, неотесанность, отсутствие фантазии* и т.п.): так респонденты характеризуют жителей Смоленщины или самих себя?

К числу формальных реакций мы относим ассоциации, основанные на наличии в их составе звука [ш'] в разных словообразовательных формантах или в основе лексемы, а также ассоциации с компонентом *смоль-/смол-* (но не *смола*) в составе слова (типа *Федор Смолов, Смольный институт* и т.п.). Следует отметить, что часть таких реакций основана на простом звуковом сходстве со стимулом (типа *деревенищина, женищина, дедовщина* и т.п.), другая же часть реакций основана на звуковом сходстве со стимулом и в то же время заключает в своем составе многоплановую историко-культурную информацию, что свидетельствует об определенном уровне образованности респондентов.

Например: *обломовщина* – термин, введенный Н.А. Добролюбовым в знаменитой статье «Что такое “обломовщина”?» по мотивам романа И.А. Гончарова «Обломов»; *пугачевщина* – ненаучное название, данное историками крестьянской войне 1773–1775 годов под предводительством Емельяна Пугачева; *хлестаковщина* – образное обозначение беззастенчивого и безудержного хвастовства и вранья, умения примерить на себе другой образ и убедить остальных в его подлинности (по имени Хлестакова, героя комедии Н.В. Гоголя «Ревизор»); *Хованщина* – историческое название стрелецкого бунта 1682 года и одноименной оперы М.П. Мусоргского и др.

Ошибочные реакции в одних случаях характеризуют незнание респондентами содержательно значимых компонентов АКФ топонима *Смоленщина* (например, *Золотое кольцо, белокаменный кремль, оканье* и др.), а в других случаях также являются показателем безграмотности испытуемого-автора реакции (например, *деревянные печи, нарицательное слово; река мелкая, Дон, кажется* и др.).

К числу «пустых» (например, *нет ассоциаций, неизвестность; все сложно, не имею представления* и др.), нами отнесены реакции, отражающие отсутствие у респондентов фоновых знаний, связанных с заданным стимулом. При этом отметим, что количество абсолютно пустых бланков (заполнена только анкета) составило 24 единицы (2,9% от общего числа бланков) для испытуемых из Москвы и 39 (4,9%) для респондентов из Петербурга.

II. Индивидуальные реакции (типа *бывший молодой человек; город, где я выиграла олимпиаду; друг, лагерь, родственники, хорошие выходные* и т.п.) основаны на ассоциативных связях конкретной языковой личности-автора ассоциации. Такие реакции можно назвать реакциями дискурсивного типа, поскольку они воспроизводят целый фрагмент картины мира респондентов о Смоленщине, в основе формирования которого лежат личные эмоционально значимые события и впечатления.

III. Реакции с неопределенной мотивационной основой (типа *кукла Барби, картон, медведи на велосипеде, паркур, сакура, фуагра, человек-паук* и т.п.) определяются ассоциативными связями, актуальными для конкретной языковой личности и не понятными для других. Все эти реакции представлены преимущественно единично и характеризуют незнание их авторами информативных компонентов АКФ заданного стимула.

Количественные показатели распределения реакций респондентов по охарактеризованным выше группам представлены в таблице 1, где для каждой группы названо количество формирующих ее

реакций / употреблений, а также количество реакций данной группы от общего числа реакций в процентах:

Респонденты Тип реакций	Студенты вузов Москвы	Студенты вузов Санкт-Петербурга
1. Общезначимые	995 / 2929 (87,3 %)	778 / 2546 (85,7 %)
1.1. Информативные	825 / 2671 (72,2 %)	639 / 2278 (70,4 %)
1.2. Оценочные	80 / 120 (7,1 %)	66 / 96 (7,3 %)
1.3. Формальные	41 / 73 (3,7 %)	32 / 119 (3,5 %)
1.4. Ошибочные	34 / 47 (2,9 %)	24 / 29 (2,6 %)
1.5. «Пустые»	15 / 18 (1,4 %)	17 / 24 (1,9 %)
2. Индивидуальные	76 / 99 (6,6 %)	60 / 86 (6,6 %)
3. Немотивированные	69 / 73 (6,1 %)	71 / 78 (7,7 %)
Итого	1140 / 3101	909 / 2710

Табл. 1. Количественные показатели распределения реакций столичного студенчества на стимул Смоленщина

Материалы таблицы показывают, что абсолютное большинство названных респондентами обеих групп реакций являются общезначимыми и информативными для описания АКФ топонима *Смоленщина*. Такие результаты свидетельствуют о том, что значительная часть смоленских региональных (в частности, ономастических) фоновых знаний принадлежит общенациональному уровню, поскольку входит в состав совокупной языковой личности столичного студенчества начала XXI века. Кроме того, анализ данных таблицы позволяет сделать вывод о том, что количественное распределение реакций по группам (типам) у респондентов из вузов Москвы и Петербурга практически совпадает (расхождения составляют не более двух единиц), что позволяет говорить о схожести восприятия заданного стимула респондентами из двух столиц.

О схожести восприятия стимула *Смоленщина* респондентами обеих групп свидетельствуют данные не только количественного, но и качественного анализа реакций. Так, в списках реакций обеих групп испытуемых нами были выявлены самые частотные реакции, которые в психолингвистике принято называть наиболее значимыми (с индексом частотности (далее ИЧ), то есть повторяемости реакций ≥ 10). В списке реакций студентов вузов Москвы зафиксирована 41 такая реакция, а в списке реакций студентов из Петербурга заданному критерию соответствовали 36 реакций, при этом 29 реакций из списков наиболее

частотных оказались общими для респондентов обеих групп. Полученные результаты наглядно представлены нами на рисунке 1, где в центре расположено ядро реакций, названных испытуемыми обеих групп, а слева и справа – реакции, вошедшие в список самых частотных только для респондентов из Москвы и только из Петербурга соответственно. Все реакции расположены по убыванию ИЧ; при этом ИЧ общих реакций представляет собой сумму индексов из двух списков: например, реакцию *Смоленск* назвали 136 респондентов из Москвы и 163 из Петербурга: $136 + 163 = 299$ – общий ИЧ данной реакции. Расхождения в ИЧ в списках реакций респондентов двух групп есть, но примечательно то, что три самые частотные реакции абсолютно одинаковы в сравниваемых списках (*Смоленск*, *город* и *смола*), что вновь свидетельствует об общности восприятия столичными студентами онима *Смоленщина*:

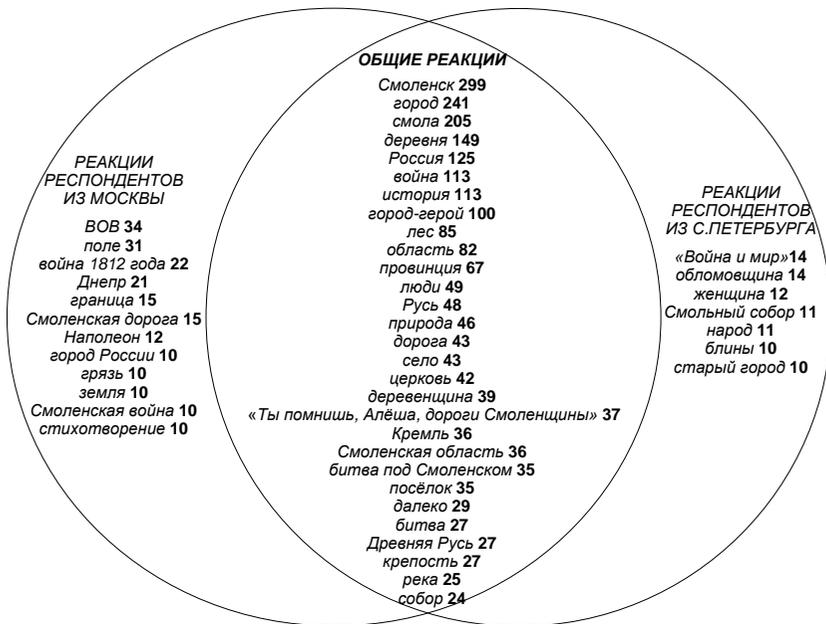

Рис. 1. Наиболее частотные реакции столичного студенчества на стимул *Смоленщина*

В результате анализа наиболее частотных реакций, ассоциируемых студентами московских и петербургских вузов со стимулом *Смоленщина*, нами были сделаны следующие наблюдения:

1. Самой частотной реакцией является оним *Смоленск*. На наш взгляд, это показатель не просто административно-географических отношений, но и тесной взаимосвязи центра и всего края (области), которые отождествляются в восприятии респондентов. В этом единстве центра и периферии проявляется уникальность небольших провинциальных территорий в сравнении с разобщенностью столичных городов и огромных территорий, формирующих их области. Тесной взаимосвязью Смоленска и всей территории Смоленщины в представлениях респондентов объясняется то, что часть реакций на данные стимулы перекрещивается. Так, в частности, из приведенного выше материала реакции *город*, *город-герой*, *город России*, *старый город* – это реакции на стимул *Смоленск*, а *область*, *Смоленская область*, *земля* – на стимул *Смоленщина*.

Следует особо выделить реакцию *город-герой*, в которой большую смысловую нагрузку несет второй компонент лексемы: к 40-летию Победы в Великой Отечественной войне 6 мая 1985 года вышел приказ Верховного Совета СССР: «За мужество и стойкость, проявленные защитниками Смоленска, массовый героизм, труд в борьбе против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны присвоить городу Смоленску почетное звание “Город-герой” с вручением медали “Золотая звезда”» [Будаев, 2003, с. 426].

Содержание реакций *старый город* и *история* отражает древнюю историю Смоленска: город возник на торговом пути «из варяг в греки» как город союза славянских племен кривичей. Первое упоминание о Смоленске в датированной летописи относится к 863 году. Уже в это время, как пишет летописец, «град велик и мног людьми» [Будаев, 2003, с. 423].

2. Реакция *смола* характеризует этимологию названия Смоленских земель, которая отражена во внутренней форме топонима *Смоленск*, что заметили испытуемые; между тем, существует несколько версий происхождения названия города. Ответы респондентов перекликаются с версией М. Фасмера, в крупнейшем этимологическом словаре которого отмечено, что от слова *смола* «произведен др.-русск. гидроним *Смольня*, откуда название города *Смолѣнск*, др.-русск. *Смольньскъ* ... назван так потому, что там смолили суда» [Фасмер, 1987, с. 690].

По мнению О.Н. Трубачева, название города произошло от глагола *смолити* в значении «выжигать лес» «от древней формы и значения глагольного корня *smol-, *smoliti ... При этом в имени смолян выражено не только отношение к лесу. В нем запечатлена ... также обязательная связь с земледелием, ибо *smolĕne –

это, иными словами, славяне, отвоевавшие пашню у леса» [Трубачев, 2005, с. 105].

Ряд исследователей (начиная с известного смоленского историка XIX века С.П. Писарева) считает, что Смоленск назван по наименованию особого славянского племени *смоляне* (*смолене*), которое поселилось на холмистом берегу Днепра, дав имя городу [Писарев, 1898, с. 6]. Точку зрения историка С.П. Писарева разделили ученые-топонимисты В.А. Никонов, давший лингвистический комментарий происхождения названия города – от «наименования жителей (то есть племени): *смоляне* + суффикс *-ск*» [Никонов, 1966, с. 387], и Б.А. Махотин, заключивший, что Смоленск – это «город смолян» [Махотин, 1989, с. 10].

Попутно отметим, что реакции *люди*, *народ* были приведены испытуемыми, они являются частотными, при этом московским респондентом был единично назван только один смоленский этнохороним – *смолянка*, других наименований смоленских жителей (*смоляне*, *устар.* *смоленцы*, *смоляки*; *смолянин*;) названо не было ни московскими, ни петербургскими студентами (за исключением дважды названной ошибочной реакции смоленчане в списках респондентов из Москвы).

3. Группа частотных реакций *деревня*, *провинция*, *село*, *поселок*, а также примыкающих к ним реакций *лес*, *поле*, *река*, *природа* и *далеко* характеризует Смоленщину как провинциальную территорию и отражает ее противопоставленность столицам по данному признаку в сознании респондентов. В этом отношении показательна реакция *далеко*, которую можно назвать спорной, поскольку расстояние от Смоленска до Москвы составляет 393 км, до Петербурга – 747 км, что относительно далеко / близко. Реакции, называющие природные объекты, подчеркивают «провинциальный характер» смоленских земель и отражают стереотипную ассоциативную связь провинции (*деревни*) и природы.

К группе реакций, характеризующих Смоленскую землю как провинцию, примыкает также реакция *блины*, вошедшая в список наиболее частотных у петербургских студентов (респондентами из Москвы данная реакция также была приведена, имеет ИЧ = 9): в содержании этой реакции отражена связь провинции с традиционной русской культурой.

4. Отдельно следует выделить частотные реакции *деревенщина* и *обломовщина*, возникновение которых на стимул *Смоленщина* объясняется формальным звуковым сходством. Однако с лингвистической точки зрения эти созвучные слова имеют абсолютно разную

интерпретацию. В данном случае при проведении исследования мы изначально опирались на мнение З.А. Потихи, согласно которому присутствующий в составе топонима *Смоленщина* суффикс *-щин-* характеризует «образование имен собственных со значением места», на которые не распространяются свойства образованных с помощью того же суффикса имен существительных, «обобщенно обозначающих бытовые явления, идейные течения с оттенком отрицательного отношения к ним (*барщина*, *иностранщина* и т.п.)» [Потиха, 1970, с. 231]. Негативную коннотацию имеет большинство формальных реакций, примеры которых приведены нами выше в тексте статьи (*обломовщина*, *хлестаковщина* и др.), но не заданный стимул *Смоленщина* (возникновение реакции *женщина* также мотивировано только формальным звуковым сходством со стимулом, а в целом данная лексема имеет нейтральную коннотацию).

5. Реакции *Россия*, *Русь*, *Древняя Русь* свидетельствуют о том, что в сознании респондентов Смоленская земля – это, прежде всего, русская земля, несмотря на то, что в разные периоды Смоленские земли входили в состав разных государств и княжеств. С 882 года – в состав Киевской Руси (Смоленское княжество было образовано лишь в 1054 году), с 1404 года по 1514 год – в состав Великого княжества Литовского, с 1611 года по 1654 год – в состав Речи Посполитой. Тот факт, что у современной молодежи Смоленский край ассоциируется именно с русским компонентом, может быть интерпретирован по-разному: как незнание столичными студентами истории Смоленского края и простая констатация современной административно-территориальной его принадлежности или как целенаправленное акцентирование внимания на принадлежность Смоленских земель России. В данном случае сложно сделать однозначный вывод, но следует отметить, что реакции, связанные с историческим прошлым Смоленщины, были приведены московскими и петербургскими студентами (*Польша*, *Речь Посполитая*, *княжество Литовское* и др.).

Реакция *граница* отражает пограничное положение смоленских земель с Витебской и Могилевской областями Республики Беларусь.

6. Особую группу частотных реакций формируют реакции, характеризующие военную историю Смоленского края: *война*, *ВОВ*, *война 1812 года*, *битва под Смоленском*, *битва*, *Наполеон*, *Смоленская война*. Распространенность реакций такой тематической прикреплённости закономерна, поскольку историю Смоленщины действительно можно назвать историей войн. Судьба Смоленска отражена в его народных званиях: город-страж, город-щит, город-ключ. Показательно, что реакции респондентов отражают все основные вехи военной истории Смоленской земли:

Русско-польские войны: здесь дополнительного комментария требует хрононим *Смоленская война*, называющий именно русско-польскую войну 1632–1634 годов;

Отечественная война 1812 года: 16–17 августа произошло знаменитое Смоленское сражение – оборонительное сражение объединенной русской армии (армий М.Б. Барклая-де-Толли и П.И. Багратиона) с армией Наполеона, которое задержало движение французов к Москве;

Великая Отечественная война 1941–1945 годов: бои на Смоленщине продолжались в течение двух месяцев (с 10 июля по 10 сентября 1941 года), в результате чего наступление фашистов на Москву также было задержано.

Интересно отметить, что в составе общенациональных фоновых знаний, представленных в Национальном корпусе русского языка, количество контекстов, связанных с военной историей Смоленска [Бубнова, 2014] и Смоленщины [Бубнова, 2015] преобладает над количеством всех остальных контекстов, что подчеркивает особую роль Смоленской земли в военной истории Российского государства.

7. Интересна группа частотных реакций с общей лексемой *дорога*: *дорога*, *Смоленская дорога*, «*Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...*» (а также примыкающая к данной группе реакция *стихотворение*, которая очевидно называет текст К. Симонова). Дороги Смоленщины – это знаковый образ. Старая смоленская дорога – одна из старейших смоленских дорог, возникновение которой относится к XIV–XV векам. Старая Смоленская дорога на протяжении веков была кратчайшим сухопутным путем в Европу. Возникновение данной реакции может быть связано с популярностью песни Б. Окуджавы «По Смоленской дороге», написанной в 1960 году. В составе фоновых знаний русской языковой личности оним *Смоленщина* также закономерно связан с прецедентным текстом «*Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...*», написанным К. Симоновым в 1941 году. Как отмечает Н.Л. Лейдерман, «“дороги Смоленщины” – это совершенно достоверный и в то же время знаковый образ, по этим дорогам некогда шел в Россию Наполеон, по этой дороге катились теперь на Москву гитлеровские танки. ... В первые же дни Отечественной войны двадцатипятилетний Симонов ушел в армию, стал корреспондентом газеты “Красная звезда” ... Военкору Симонову, посланному на западную границу – главное направление удара гитлеровских армий, довелось воочию увидеть трагическое начало войны». Именно тогда под впечатлением самых трагических месяцев войны написан этот текст [Лейдерман, 2010, с. 63].

Реакция «*Война и мир*», вошедшая в список наиболее частотных у петербургского студенчества (респондентами из Москвы данная реакция также была приведена, имеет ИЧ = 3), характеризует отражение Смоленского края в знаменитом романе Л.Н. Толстого (том третий, часть вторая). «Смоленские контексты» «*Войны и мира*» отражены в Национальном корпусе русского языка и описаны нами в статье (см. подробнее [Бубнова, 2014]).

8. Реакции *Днепр*; *церковь*, *собор*; *Кремль*, *крепость* называют основную водную артерию, верховную святыню и главное архитектурное сооружение Смоленщины соответственно. Интересно то, что по результатам проведения эксперимента с респондентами-смолянами именно эти три онима оказались самыми частотными (в скобках для каждого имени указан ИЧ): *Днепр* (953), *Собор Успения Пресвятой Богородицы* (725), *Крепостная стена* (695) (см. подробнее [Бубнова, 2013]). Места, названные данными онимами, действительно, являются своего рода «визитной карточкой» Смоленска.

9. Формальная частотная для петербургских респондентов реакция *Смольный собор*, возникновение которой на стимул *Смоленщина* мотивировано наличием словообразовательного компонента *смоль-*, является показателем влияния места проживания языковой личности на формирование ее фоновых знаний (для сравнения: московскими студентами были приведены реакции *смоль*, *Смольный*, *Смольная набережная*, *смольник*, *Смольный институт*, но они являются преимущественно единичными).

10. Последняя частотная реакция, выражающая негативную оценку московских респондентов, – *грязь* (у испытуемых из Петербурга данная реакция была зафиксирована дважды), к сожалению, отражает объективное состояние города. Однако возникает вопрос о том, откуда эти сведения известны респондентам (этот вопрос не возник бы, если бы данная реакция была нечастотной и можно было однозначно утверждать, что несколько испытуемых либо родились на Смоленщине, либо посещали эти места). В данном случае можно предположить, что имеет место стереотипность ассоциативной связи: Смоленщина – это провинция, а провинции традиционно неухоженные.

Таким образом, полученные в результате эксперимента реакции могут быть отнесены к одному из двух типов: 1) реакции, информативные для описания АКФ топонима *Смоленщина* и языковой личности респондентов; 2) реакции, характеризующие только коллективный речевой портрет испытуемых. Ко второму типу

принадлежат индивидуальные реакции и реакции с неопределенной мотивационной основой, а также оценочные, формальные, ошибочные и «пустые» реакции.

Информативные для описания АКФ топонима *Смоленщина* реакции называют имена, объекты, реалии и характеристики, непосредственно или опосредованно связанные со Смоленским краем и позволяющие эксплицировать большой объем историко-культурной информации, обогащающей состав АКФ исследуемого имени. Ввиду необходимости соблюдения объема публикации и требований к жанру научной статьи эта многоплановая информация представлена в тексте настоящей работы в качестве примеров только для наиболее частотных реакций. В перспективе для всего выявленного в результате эксперимента ассоциативного поля необходимая историко-культурная информация может найти отражение в различных антропоориентированных словарях (краеведческих, лингвокультурологических, ассоциативных).

Представленная в работе методика может быть использована для выявления АКФ других заглавных региональных онимов с целью последующего объективного описания национального ономастикона.

Литература

Бубнова Н.В. Смоленские ономастические единицы в Большом лингвострановедческом словаре «Россия» // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2011. № 3.

Бубнова Н.В. «Смоленские» имена России // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 1.

Бубнова Н.В. Региональные ономастические фоновые знания современных смолян. Смоленск, 2013.

Бубнова Н.В. Оним Смоленск в составе общенациональных фоновых знаний (на материале Национального корпуса русского языка) // Язык и культура. 2014. № 3.

Бубнова Н.В. Особенности содержания ассоциативно-культурного фона онима Смоленщина в Национальном корпусе русского языка // Сибирский филологический журнал. 2015. № 3.

Будаев Д.И. Смоленск // Смоленская область: Энциклопедия. В 2-х тт. Смоленск, 2003. Т. 2.

Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь. В 2-х тт. М., 2002. Т. 1.

Лейдерман Н.Л. Открытие Родины (К. Симонов «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...») // Филологический класс. 2010. № 23.

Максимчук Н.А. Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении. Смоленск, 2002.

- Махотин Б.А. К живым истокам: Смоленщина в географических названиях. М., 1989.
- Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М., 1966.
- Писарев С.П. Памятная книга г. Смоленска. Смоленск, 1898.
- Потиха З.А. Современное русское словообразование. М., 1970.
- Томахин Г.Д. Лингвистические аспекты лингвострановедения // Вопросы языкознания. 1986. № 6.
- Трубачев О.Н. Смоленские мотивы // В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси. М., 2005.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х тт. М., 1987. Т. 3.

ИДЕЙНО-ТЕМАТИЧЕСКОЕ И ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РАССКАЗА «ЛЮБОВЬ КОММУНИСТА ИВАНА ГОМЗИНА» Д. КАИНЧИНА

У.Н. Текенова

Ключевые слова: триптих, рассказ-коллаж, письмо, любовь, психологизм.

Keywords: triptych, story collage, letter, love, psychology.

Предназначение литературной критики заключается в оценке опубликованных произведений с точки зрения духовной полезности и актуальности художественной формы. Анализ художественных достоинств прозы Дибаша Каинчина (1938-2012), выявление существующих закономерностей в его произведениях, их идейной значимости для современников является основной целью исследователей алтайской литературы. В настоящее время продолжается активное осмысление литературного наследия писателя З. Казагачевой [Казагачева, 2002], Р. Палкиной [Палкина, 2004], Н. Киндиковой [Киндикова, 1992], Т. Шастиной [Шастина, 2006], Э. Чининой [Чинина, 2004], У. Текеновой [Текенова, 2012] и др.

Алтайская литература начала XXI века открыла для читателей новые страницы трагических судеб людей в 1920-х годах прошлого века. Наиболее ярко обозначенные проблемы отражены в рассказах Дибаша Каинчина, изданных в сборнике рассказов «Лунная соната» (2004). Книга вышла на русском языке в переводе автора и его дочери К. Каинчиной. В ее предисловии дается краткая информация об истории создания анализируемых произведений. Эта книга

«вызревала» более тридцати лет. «Созданию триптиха предшествовали поиски в государственных архивах, «начиная с районных, кончая Центральным Архивом Советской Армии в Москве ...» (Д. Каинчин, 2004)¹.

Кропотливая работа с документами, где в «*пожелтевших листах*» миллионы сломанных людских судеб и погубленных душ и вот в результате раздумий и «*прикосновения*» к тому переломному суровому времени и родились эти рассказы. «Времени, да, поистине судьбоносному, мирового значения времени в истории народов и государств, последствия которого «расхлебывать и расхлебывать» не только нам, возможно, и не одному поколению наших потомков ...» (Д. Каинчин, 2004).

Книга значима для читателей не только в аспекте фактографическом, но и в аспекте эстетическом. «... Автор не отрывается от документа, но и не считает его власть абсолютной. Толки и слухи для него реальность, весьма представительная, потому что в их разноречье, порой фантастическом, он улавливает прихотливые пути общих смятений и упований.

То мерцание письма, струящееся и рассеивающееся, которое много-много лет назад поражало в рассказах начинавшего тогда из горно-алтайского села, сегодня обнаруживает себя как стиль, как дыхание, в котором клубится жизнь, названная Толстым роевой жизнью» [Борисова, 2003, с. 126].

Целью данной статьи является исследование соотношения исторического факта и художественного вымысла в рассказе-коллаже «Любовь коммуниста Ивана Гомзина» (2003) и определение специфики развития документально-художественной прозы в алтайской литературе начала XXI века. При этом нами использованы культурно-исторический (И.-А. Тэн, А.Н. Пыпин), психологический (Л.И. Гинзбург, Н.В. Осьмаков), рецептивный (В. Изер, Х.Р. Яусс) методы анализа художественных текстов.

Сборник «Лунная соната» состоит из двух глав – «В те годы юростные, переломные...» и «Родины зов. Сказы». В первую главу вошли два рассказа и триптих «ВЕРА. ЛЮБОВЬ. НАДЕЖДА: «Лунная соната» (декабрь, 2002), «Любовь коммуниста Ивана Гомзина» (февраль, 2003) и «Последняя надежда ссыльного Евсея Боровикова» (май, 2003). Анализируя первый рассказ триптиха, И. Борисова говорит о том, что «в фокусе рассказа не

¹ Здесь и далее в круглых скобках приводится ссылка на повесть Каинчина Д.Б. *Любовь коммуниста Ивана Гомзина // Лунная соната. Горно-Алтайск, 2004.*

Сыромятников, ...не Кайгородов, ...и не богатей Тобоков..., а сам автор рассказа – сам повествователь, сам исследователь и расследователь перепутавшихся событий, и еще чекист-рассказчик, который действительно знал Сыромятникова...» [Борисова, 2003].

Исследованию этого произведения посвящена статья «Человек на сломе истории в рассказе Дибаша Каинчина “Лунная соната”» (2006) Т. Шастиной [Шастина, 2006].

В основу второго рассказа «Любовь коммуниста Ивана Гомзина» положены подлинные события. Это документально-художественное произведение, которое можно отнести к ретроспективной эпистолярной прозе, написанной на основе архивных материалов. Частный факт из жизни одной семьи превратился в факт художественный. Главные герои произведения общаются между собой через письма, заявления, обращения. Повествование начинается письмом Ивана Гомзина, адресованном жене от 25 апреля 1920 года из села Катанда. Далее, как ответ на письмо, заявление уже в бюро ГКП от Полины (18 мая 1920 года) и Ивана (от 6 мая 1921 года с приложением справки от 5 мая 1920 года) и коротенького послания отца Полины мая месяца 6 дня 1921 года (возможно, было приложено к письму Ивана, так как даты совпадают). Данную переписку замыкает обращение инструктора С. Тарковских от 30 мая 1921 года из Усть-Коксы.

Эпилог состоит из размышления Дибаша Каинчина над дальнейшей судьбой авторов писем и источника их появления в личном архиве писателя. Эпилог начинается с обращения: *«Первым делом, прошу прощения у душ усопших, – если они есть на самом деле, – успокоившихся давным-давно и позабывших наши земные проблемы-мучения, что, может быть, нарушил-потревожил их покой, оживил их боль ...»* (Д. Каинчин, 2004, с. 57).

Известно, что оттого, насколько правдиво и достоверно автор изобразит человеческие чувства, будет зависеть судьба произведения, так как читателю необходима достоверность психологическая. Дибаш Каинчин предложил достаточно реалистическое изображение действительности: его интуиция не обманула – эти резко выделявшиеся среди прочих документов «пожелтевшие несколько, с ладонь, листы» действительно были «живыми».

Это подтверждает высказывание Л. Гинзбург о том, что «своеобразное соотношение существует между жизнетворчеством и документальной литературой. Документальная литература, переводя жизнь на свой язык, в то же время как бы берет

обязательство сохранить природу жизненных фактов. Если, таким образом, житнетворчество строит жизнь по законам искусства, то здесь принцип обратный: документальная литература стремится показать связи жизни, не опосредованные фабульным вымыслом художника. Но отсутствие вымысла не означает отсутствия организации. Построение личности в документальной литературе подчинено эпохальным представлениям о человеке и закономерностям господствующих стилей. В самой этой зависимости сохраняется, однако, специфика документального отношения между действительностью и словесным искусством» [Гинзбург, 1970, с. 8].

Письма, введенные в сюжет рассказа, являются подлинными свидетельствами о фактах прошедшей жизни и хранителями образов «героев своего времени»: *«На эти письма я наткнулся в республиканском архиве, переписал их. Они долго лежали у меня в столе. Среди многотомных канцелярских инструкций, циркуляров, протоколов, докладных, деловых переписок, трагических жалоб, заявлений, среди бесчисленных чиновничьих «ввиду этого, на основании чего, в силу вышеуказанных, настоящим напоминаю, требую выводов и заключений и прочее», в которых все же заключалась и решалась наша судьба. ...И почему они попали туда же, видимо, тоже «приобщали к делу»* (Д. Каинчин, 2004, с. 57–58) (выделено нами. – У.Т.).

В основу рассказа легли материалы, собранные лично самим Дибашем Каинчиным. Но автор приводит не сами записи, а результат их литературной обработки. Группируются они согласно принципам художественного освоения писателем вводимых «документов» (которых никто, кроме автора не видел) и его представлениям функции «монтажа». Термин «монтаж», перекочевав из киноискусства «в литературоведение, ...несколько изменил свое значение. Им нередко обозначается способ построения литературного произведения, при котором преобладает прерывность (дискретность) изображения, его «разбитость» на фрагменты» [Хализев, 2004, с. 290]. По мнению ученого, функция монтажа понимается «как констатация случайности связей между фактами, обыгрывание диссонансов, интеллектуализация произведения, отказ от катарсиса, «фрагментация» мира и непризнание естественных связей между людьми» [Хализев, 2004, с.290].

О себе писатель ничего не сообщает, только из эпилога становится известно о его отношении к изображенным событиям. В

итоге получился подлинный и очень искренний рассказ о молодой крестьянской семье из кержаков-староверов начала XX века.

Дибаш Каинчин расположил переписку Гомзиных в хронологическом порядке. Из общего содержания словно рвутся письма и заявления Ивана, главного и ключевого персонажа произведения. Так становится ясной основная интрига рассказа-коллага: Иван Гомзин – сельский мужик, активный строитель социализма, коммунист, председатель волостного комитета «комячейки», не может повлиять на свою жену, которая бросила детей, хозяйство и уехала в село Алтайское учиться, не хочет больше возвращаться домой, в Катанду. Именно с разрушением индивидуального хозяйства, как основы традиционной крестьянской семьи, происходило преобразование всего уклада жизни жителей деревень. Из содержания писем можно сделать вывод, как «вмешательство» в семейную жизнь со стороны советской власти, давшей женщине-домохозяйке «свободу» на самоопределение, повлияло на героиню (уход из семьи и от воспитания детей). Возможно, Поля (Пелагея) хотела доказать декларируемое в то время равенство женщины с мужчиной, способность самостоятельно принимать решения. Она отказывается быть домохозяйкой, женой, матерью. Разлад в семье они (Иван и Поля) пытаются разрешить через третье лицо – бюро РКП Горно-Алтайского уезда. Судя по датам, «деловая переписка» длилась год (от 25 апреля 1920 года до 30 мая 1921 года) и неизвестно, чем закончилась.

История любви главного героя небольшого по объему рассказа обогащает произведение особой трогательностью. В письмах Ивана, адресованных жене, раскрывается внутренний мир горячо любящего, измучившегося человека, отца детей. Он молил, просил, умолял Полину не совершать необдуманных поступков, а вернуться к детям, семье: *«Дорогая Поля, еще раз прошу тебя и молю, приезжай домой, пожалей детей. Митька прямо высох, тоскует по тебе. Раньше какой был веселый, а теперь ни к кому нейдет. «Мама, мама!» - ночами соскакивает. Неужели у тебя настоль каменное сердце, что не жаль своих детей... Поля, неужели ты не мать им, пожалей, дорогая, не делай их сиротами, чтобы они тебя вечно укоряли...»*

Приезжай, Поля, молю тебя богом. ... (Д. Каинчин, 2004, с. 54).

Иван просил, убеждал, обещал сдержать слово, оставить их жить отдельно в доме, а самому уйти. Нашел ей работу, даже в

очередном письме отправил справку о том, что она (Поля) принята переписчиком. И все же пишет, что в случае отказа жены возвращаться домой отправит народному судье *«договор, по которому виновная сторона должна отвечать за нарушение брака»* и категорично заявляет, что *«ребятишек не надейся получить», «сам приеду в Алтайск, к тебе, и буду там жить»*.

Несмотря на испытания, которые жизнь поставила перед Иваном, в письме чувствуется волнение пишущего, искренность, чистота намерений и вера в свою жену и ее материнские чувства: *«я не верю тебе, что у тебя не болит сердце о детях, они твои и тебя к себе тянут, как еще притянут, но только, Поля, не опоздай»*. Он в первом письме семь раз повторяет слово *«приезжай»*, обращается к жене *«дорогая Поля», «пожалей, дорогая», «прошу тебя и молю», «молю тебя богом», «еще раз молю богом и заклинаю детьми», «мой ангел», «приезжай дорогой»*.

Автор не скрывает симпатии к своему герою, выделяя его душевную чистоту, благородство, милосердие, преданность в любви и дружбе, душевную щедрость и готовность к самопожертвованию: *«Помни, Поля, что я умру у твоих ног. Это вырешено, так и будет. Ты знаешь меня, я нисколько собой не дорожу, но пропаду вблизи тебя и через тебя»*. К письму Иван делает приписку, что *«Товар весь я берегу для тебя. Только ребятникам сшили по рубашке»* (Д. Каинчин, 2004).

Но в ответ лишь холодное заявление (датированное 18 мая 1920 года), адресованное Предбюро ГКП от кандидата РКП Палаген Гомзиной, которая просит *«оградить ... от преследований мужа Ивана Гомзина»* и обвиняет его в вымогательстве (разговор идет о деньгах, одежде, вещах), пишет об угрозах со стороны отца своих сыновей. О детях лишь одно предложение: *«Помимо этого он меня привлекает через милицию за нежелание содержать детей, которых сам же не отдает»* (Д. Каинчин, 2004).

Отчаявшийся мужчина обращается в Горно-Алтайское уездное бюро РКП уже с заявлением: *«С уходом от меня жены, у меня на руках осталось двое детей. Хозяйство без присмотра окончательно падает. Товарищи бросают упрек, что отпустил жену на курсы, которая не вернулась, захватив у меня некоторые вещи. И не у кого-либо другого ...»* (Д. Каинчин, 2004).

Иван сетует на ослабшее здоровье, на невозможность *«часто посещать комячейки, через это дисциплина в последних падает, появилось обратное желание выйти из партии»*. Он считал себя *«недостойным коммуниста»* и просил снять его с должности секретаря вол парткома или (не теряя надежды) *«прошу более*

требовательнее содействовать выезду в вол партком переписчика Гомзину Полину Филаретовну» (Д. Каинчин, 2004).

С первых же строк обращения видно, что оно уже не первое. Иван Гомзин мечется между личным и общественным. Ничто человеческое не чуждо положительному герою, но он не умеет управлять своими чувствами и не может дать возобладать личным мотивам в общественных делах. Из-за этого Иван считает себя «недостойным коммуниста» и пишет в заявлении: *«... Ввиду этого убедительно прошу уволить от должности секретаря вол парткома и назначить более достойного и энергичного человека»* (Д. Каинчин, 2004). Любовный мотив в произведении приобретает особую аксиологическую выразительность. Именно с этой точки зрения конфликтные ситуации между супругами, между Гомзиным и комячейкой значительно заострены. При этом внешние факторы раскрытия жизненной ориентации Ивана выступают как моменты самосознания. Ценности и антиценности не утверждаются, а рождаются и опровергаются в диалогическом общении.

Очень трогательно письмо отца Полины, полное родительской любви и нежности. Он обращается к дочери с просьбой вернуться домой: *«Дорогая доченька Полина, вертайся домой. Мама твоя болеет через тебя, слегла. Брата твоего Терентия через тебя могут выслать, грозятся. Я скатал тебе валенки, они ждут тебя, я не даю никому, чтобы ты носила на здоровье»* (Д. Каинчин, 2004).

Интересно обращение в Убюро РКП тов. Правда, номер 2560 и 2612, под заголовком «О физическом и душевнобольном состоянии секретаря Катандинского волкома РК Гомзина Ивана» от 30 мая 1921 года инструктора С. Тарковских. В нем открыто говорится про заявление о выходе Ивана Гомзина из партии, который трактуется как *«очень нежелательный пример столь темным и несознательным членам всей волостной организации»*. Поэтому Ивану дают отпуск на 2 месяца (перевести детей в Алтайское и самому подлечиться). Далее С. Тарковский сообщает, что из личной беседы с Иваном Гомзиным он убедился, что болезнь его от того, что любит. Приведем текстовое подтверждение: *«Он через силу влюблен в нее (Полину – пояснение наше), а потому не считается ни с чем. ... Если ранее в прежние года, были с его стороны против ее убегая приняты разные карательные меры, то именно потому, чтобы угрожать ей от дальнейших убегов, но любить-то он ее любил. Религиозности и суеверия у него несколько нету, это он только выражает на страх жены, к возвращению какой-либо он примет всевозможные меры. Он в полном сознании и*

всесторонне соответствует коммунисту. Только же инстинкт любви к жене сильнее его» (Д. Каинчин, 2004) (выделено нами. – У.Т.).

Именно любовь, как самое непредсказуемое и противоречивое человеческое чувство, становится в произведении «материализацией» интимно-личностного начала, чего так не хватало в алтайской прозе о событиях 1920-х годов. В заявлении Поли звучат более жесткие, сухие слова и фразы, незаметны материнские чувства к двум малым детям и нет любви к мужу: *«принять меры», «оградить», «угрожал убить, грозит занести на черную доску»*. Она твердо убеждена, что *«высылка под конвоем к мужу ... в Советской республике недопустимо»* (Д. Каинчин, 2004). Из письма же Ивана мы читаем, как он пытается убедить ее: *«... Приезжай, работа тебе найдется здесь. Будешь заведовать клубом, библиотекой. Союз молодежи восстановили снова. Все тебя примут, вспомни, как тобой дорожили. Неужели тебе охота на черную доску?»* (Д. Каинчин, 2004).

Рушилась «основа ячейки общества» – семья. Иван изо всех сил пытается сохранить домашний очаг. В 20-е годы прошлого столетия в авангарде советского феминистического движения находились женотделы, целью которых был подъем политического сознания женщин. Возможно, учеба на курсах дала бы Полине возможность сделать и политическую карьеру (из заявления читаем, что она – «кандидат РКП»). Слишком дорогой ценой досталась для Полины свобода, которую дала ей советская власть. Свобода стала для нее дороже детей и семьи. Нравственный уровень Поли сомнителен и может вызвать у читателей только осуждение. Показ противоборствующих начал в психологии героев «переходного времени», неоднозначность, дисгармония человеческого естества – именно это привлекало Дибаша Каинчина и раскрыто им в произведении с большой художественной силой.

Писатель не ставит цели показывать внешние портреты, действия и поступки своих героев, раскрывающие характер и неповторимое своеобразие личности. Внутреннюю жизнь, переживания, думы и заботы Ивана Гомзина автор не комментирует, оставляя это право за читателями. Здесь на первый план выдвинулось душевное состояние, большое человеческое чувство автора главного письма, вокруг которого завертелись все события, о которых мы узнаем из писем и обращений.

Взаимодействие эпистолярного жанра с прозой многофункционально. Здесь письма, содержащие описания прошедших событий, участвуют в создании основного сюжета рассказа. Включение их позволило автору избежать резко

субъективных оценок поступков главных персонажей, о которых читатель узнает из писем, и способствует более глубокому осмыслению психологического портрета Ивана Гомзина, вызывая прежде всего симпатию и сострадание. Из названия произведения видно, что Иван Гомзин – яркий представитель советов, коммунист.

В рассказе отсутствуют бытовые подробности, картины природы, художественные детали. Но все же из письма Ивана и отца Поли мы можем сделать вывод, что семья не бедная. Иван имеет «хозяйство», «посеял хлеба две десятины», собирается «переправлять» избу. Дети одеты-обуты. Отец «скатал ... валенки» для дочери. До Октябрьской революции село Катанда было богатым, люди жили в достатке.

Придерживаясь законов документального жанра, Дибаш Каинчин интересовался (скорее всего, подсознательно) тем, что невозможно придумать историю души, а не сам факт. Его заинтриговала история чувств Ивана. В чувствах в этом мире все равны. Как известно, «событие, рассказанное одним человеком, – его судьба, многими людьми – это уже история» [Алексиевич, 1998, с. 5]. Мотивы, подтолкнувшие Ивана написать письмо жене – вера, любовь, и надежда. Дибаш Каинчин очень точно подметил в содержании письма Гомзина речевые детали, раскрывающие глубинную сущность психологического состояния автора письма и драматизм ситуации. Показывая трагедию одного человека, его психологию, внутренний мир, писатель одновременно дает знак задуматься о несостоятельности строящегося в то время социалистического мира. Через душу человека мы видим душу времени. Из писем Ивана Гомзина читатели узнают личные и общественные отношения, семью, быт и естественное течение жизни на примере трагедии одной семьи в двадцатые годы XX века.

Это произведение на редкость драматично. Автор выстраивает полученные документы так, что из них встает историческое время: на примере одной семьи создается картина строительства социализма и появления под его влиянием крестьянки нового типа – крестьянки-активистки, женщины-коммунистки. В центре – события эпического масштаба. Писатель поднимает проблему, идущую с 1920-х годов – подъем политического сознания женщин и феминистического движения в стране советов и его отражение на семейных устоях. Поставленная и реализованная в рассказе цель наложила отпечаток на выбор жанровой формы произведения.

Рассказ, как и роман, – неканонический жанр [Тамарченко, Тюпа, Бройтман, 2004, с. 387]. Документально-художественный рассказ-

коллаж «Любовь Коммуниста Ивана Гомзина» Дибаша Каинчина – это проза, созданная благодаря искусству отбора и монтажа материала. Через письма, заявления, обращения «писатель соединяет голоса в хор, создает ораторию», в которой все «соединено с ... авторской речью, интонацией, его, писателя, замыслом...» [Гранин, 1988, с. 26]. В них звучит множество голосов, что-то дополняя и высвечивая друг в друге и что-то убирая. Искренность рассказа-коллажа подкупает. В переписке изложены события из личной жизни Ивана и Полины Гомзиных на фоне современной им действительности, история падения, метаний и заблуждений. Это документы, и в то же время – не само время, а образ времени, образ эпохи перемен. Автор собирал детали, подробности, чувства и откладывал в свой личный архив. Задумав показать всю сложность явлений строительства молодой страны советов, писатель не вступает в полемику со своим адресатом, но в эпилоге делится с читателями своими рассуждениями.

Автор выбирает для своего повествования единственно возможный жанр – рассказ-коллаж. Дибаш Каинчин реконструирует событийную канву 1920-х годов. Выводов он не делает. Коллаж отрицает понятие целого, так как является фрагментом и состоит из фрагментов, которые могут получать только оперативные определения через свой контекст взаимодействия. Особенность мышления мастера художественного слова в том, что оно способно создать целостный образ и впоследствии расщепить его на частицы, соединить несоединимое, видеть смысл и глубину в обычных вещах. «Ситуация рассказывания», начатая в первом рассказе триптиха «Лунная соната», продолжилась во втором [Тамарченко, Тюпа, Бройтман, 2004, с. 303].

Финал рассказа-коллажа «Любовь коммуниста Ивана Гомзина» остается открытым. Как сложилась дальнейшая судьба Ивана и Полины *«можно фантазировать бесконечно. Да, неисповедимы повороты судеб человеческих»* (Д. Каинчин, 2004, с. 58).

Таким образом, художественный прием, выбранный писателем, стал наиболее подходящим для рассказа «Любовь коммуниста Ивана Гомзина». Коллаж, отрицая изолированность своего внутреннего пространства, преодолевает ограничения художественных границ, что позволяет нам вести его обсуждение не по традиционным правилам имманентного анализа, а с обязательным учетом взаимодействия между коллажем и контекстом его представления. Форма коллажа оказалась удобной именно благодаря новым представлениям о свойствах художественной формы: ее подвижности, свободы, ее метафоричности, ассоциативной емкости.

Дибаш Каинчин, используя принцип полярного размежевания характеров, создал произведение с исторической тематикой, отличающееся полнотой реалистического жизнеописания и яркой художественной колоритностью. Переписка в рассказе-коллаже «Любовь коммуниста Ивана Гомзина» воспроизводит особенности типологического конфликта эпохи: противопоставление прошлого и новой жизни. В центре повествования – судьбы людей удаляющейся эпохи существенной ломки общественных, нравственных жизненных устоев, переоценки ценностных ориентиров.

Литература

- Белянин В.П. Психологическое литературоведение. М., 2006.
Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. Л., 1977.
Гинзбург Л.Я. О документальной литературе и принципах построения характера // Вопросы литературы. 1970. № 7.
Гранин Д.А. Милосердие. М., 1988.
Изер В. К антропологии художественной литературы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.polit.ru/research/2009/02/27/izer.html>.
Казагачева З.С. Опыт прочтения прозы Д. Каинчина в ракурсе эпических произведений // Художник слова. Горно-Алтайск, 2002.
Киндикова Н.М. Ыбаш Каинчиннин телекейи. Горно-Алтайск, 1992.
Осьмаков Н.В. Психологическое направление в русском литературоведении. М., 1981.
Палкина Р.А. Каинчин Д.Б. Литературный портрет // История алтайской литературы. Горно-Алтайск, 2004.
Пыпин А.Н. История русской литературы в 4-х тт. СПб., 1898-1899.
Тамарченко Н.Д., Тюпа В.И., Бройтман С.Н. Теория литературы. М., 2004. Т. 1.
Текенова У.Н. Художественный мир Дибаша Каинчина. Горно-Алтайск, 2012.
Тэн И. История английской литературы. Введение // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв. Трактаты. Статьи. Эссе. М., 1987.
Хализов В.Е. Теория литературы. М., 2004.
Чинина Э.П., Анатпаева Н. Ой ло телкем. Д. Каинчиннин куучындарында // Алтай тилдин курч сурактары. Горно-Алтайск, 2004.
Шастина Т.П. Человек на сломе истории в рассказе Дибаша Каинчина «Лунная соната» // Художественный текст: варианты интерпретации. Бийск. 2006.
Яусс Х.Р. История литературы как провокация литературоведения // Новое литературное обозрение. М., 1995. № 12.

Список источников

- Алексиевич С. У каждого – своя тайна: Монолог о времени и о себе // Литературная газета. 1998. 11.03.
Борисова И. От кого и где слышал. Реальный документ и авторские фантазии Дибаша Каинчина // Первое сентября. М., 2003. № 61.
Каинчин Д.Б. Любовь коммуниста Ивана Гомзина // Лунная соната. Горно-Алтайск, 2004.

**ТЕХНОЛОГИЯ ПАРАЛЛЕЛИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
КАК ИНСТРУМЕНТ КРОССКУЛЬТУРНОЙ
ЛИНГВОФОЛЬКЛОРИСТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ФОРМУЛЫ
ОТСЫЛКИ БОЛЕЗНИ В РУССКИХ
И БОЛГАРСКИХ ЗАГОВОРАХ)**

С.И. Доброва

Ключевые слова: кросскультурная лингвофольклористика, параллелизм макро- и микрокосма, технология параллелистического анализа, заговор, формула отсылки болезни.

Keywords: cross-cultural linguistic study of folklore, the parallelism of macro- and microcosm, parallelistic analysis technology, the spell, the formula of sending a disease.

Фольклорная формула есть «манифестант этнической ментальности», поэтому кросскультурный аспект ее исследования выявляет «специфику этнической культуры и определяющей ее этнической ментальности», при этом четкая направленность кросскультурной лингвофольклористики на «модернизацию своего исследовательского инструментария» и разработку «эффективного инструментария для выявления культурных смыслов в единицах языка» [Хроленко, Бобунова, Завалишина, 2004, с. 47, 49] обуславливает поиск новых исследовательских технологий. В качестве инструмента для определения кросскультурного аспекта фольклорных формул эффективным видится применение **технологии параллелистического анализа** – пошагового, компонентного, спектрального изучения параллелизма как ментального и лингвистического механизма формирования фольклорной формулы.

Термином **параллелистический анализ** предлагаем обозначить метод расчленения формульных явлений на параллельно организованные составные части (компоненты), репрезентирующие кванты культурного смысла; совокупность приемов и операций исследования параллелистической формульной организации фольклорного текста в ее ментальном и лингвистическом воплощении с целью выявления эволюции художественных форм фольклора в свете динамики народного мировосприятия. Кросскультурной спецификой отмечены количественные, качественные и синтагматические характеристики параллельно организованных компонентов фольклорной формулы.

В настоящей статье технология параллелистического анализа как инструмент кросскультурной лингвофольклористики применена для изучения формул отсылки болезни на материале двух славянских традиций – русской и болгарской.

Формула отсылки / отгона / ссылаяния болезни представляет собой древний индоевропейский образец ритуально-поэтической формулы, неизменный научный интерес к исследованию которой на материале различных заговорных традиций обоснован тем фактом, что она играет основополагающую роль в реализации целей и задач лечебного заговора [Познанский, 1917; Амроян, 2005; Свешникова, 1993; Небжеговская-Бартминская, 2005; Вельмезова, 1999; Олупе, 1993; Панина, 2012; Квилинкова, 2010 и др.]. Мнение И.Ф. Амроян о том, что формула изгнания болезни особенно характерна для русских и болгарских заговоров [Амроян, 2005, с. 117] актуализирует обращение к двум славянским заговорным традициям. При этом в фокус исследовательского внимания до сих пор не был включен вопрос о роли параллелизма макро- и микрокосма в организации исследуемой формулы в его кросскультурной проекции. Между тем исследование под указанным углом зрения значимых культурных смыслов, аккумулированных в формуле отсылки болезни, способствует разработке морфологии параллелизма, в значительной степени расширяет представления об организации и функционировании формулы в различных этнических традициях, выявляет общее и специфичное в фольклорно-языковой картине мира этносов, что и обуславливает актуальность настоящей работы.

Материалом исследования послужили авторитетные в научном отношении собрания русских и болгарских заговорных текстов одного хронологического периода в записях середины XIX-XX веков¹. Обработка 5000 лечебных заговоров двух традиций в отношении сбора данных по формуле отсылки болезни, которая содержит параллельно

¹ Амроян И.Ф. Сборник болгарских народных заговоров. Тольятти, 2005 (Амроян, № текста); Иванова А.А. Вятский фольклор. Заговорное искусство. Котельнич, 1994 (Вятский фольклор, № текста); Иванова А.А. Заговоры и заклинания Пинежья. Карпогоры, 1994 (Пинежье, № текста); Ефименко П.С. Заклинания, наговоры, обереги // Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. М., 1878. Ч. 2. Народная словесность (Ефименко, страница, № текста); Майков Л.Н. Великорусские заклинания. СПб., 1869 (Майков, № текста); Мансика В.Н. Заговоры Шенкурского уезда // Живая старина. 1912. XXI. Вып. 1; Проценко Б.Н. Заговоры, обереги, поверья, приметы: духовная культура донских казаков. Ростов-на-Дону, 2010 (Проценко, № текста); Савушкина Н.И. Русские заговоры. М., 1993; Аникин В.П. Русские заговоры и заклинания: Материалы фольклорных экспедиций 1953 – 1993 гг. М., 1998 (Аникин, № текста).

организованные компоненты, продемонстрировала значимую кросскультурную специфику: в болгарских заговорах показатель формульной частотности в текстах в 14 раз выше, чем в русских.

В русских и болгарских заговорах инвариантная модель формулы отсылки болезни включает в себя пять компонентов (**субъект, функция, объект, локус и его характеристика**) и реализуется в двух сценариях.

В первом сценарии в качестве субъекта представлена болезнь, объектом воздействия становится человек или животное, из которых изгоняется недуг.

«Идите вы, болезни, в темные леса, глубокие болота, где солнце не всходит, где человек не проходит» (Аникин, № 2259). *«Уроки, бурюки, уходите в пустой лес, где птички не поют, где человек не ходит»* (Амроян, № 14).

Во втором сценарии субъектом является чудесный помощник-целитель или заклинатель, а в качестве объекта воздействия выступает болезнь.

«... топи, Господи, все болезни в болоте, где птицы не летают, где скот не ходит» (Проценко, № 83). *«... пусть унесут ее (болезнь) в леса зеленые, пустыри пустынные, где человек не ходит, где топор не рубит, где овца не блеет, где петух не поет, где собака не лает»* (Амроян, № 273).

Наличие двух сценариев позволяет выделить в инвариантной модели константные и переменные компоненты формулы. *Константными* (тождественными в обоих сценариях) являются функциональный компонент, локус и характеристика локуса. *Переменными* (различающимися два сценария) являются субъект и объект. В обеих традициях каждый из пяти компонентов инвариантной модели может быть организован на основе параллелизма.

Кросскультурная специфика русской и болгарской традиций ссылаясь болезни на уровне параллельно организованных константных компонентов – **функция, локус и его характеристики** – проявляется в их частотности, особенностях репрезентации, функционирования и синтагматики.

В формуле отсылки болезни **параллелизм функциональных компонентов** – глагольных императивов, в которых выражен приказ, требование, желание, просьба больного, врачавателя или других исполнителей обряда, – в обеих традициях носит имплицитный характер. Основу исследования механизмов формирования параллелистических формул составила категориальная классификация глаголов (семь базовых компонентов глагольных рядов (ГР)),

представленная в трудах Е.Б. Артеменко и ориентированная автором на другие цели [Артеменко, 1988, с. 26-31].

В русских и болгарских заговорах существует четкая дифференциация ГР в зависимости от реализуемого сценария. Идея изгнания в широком смысле воплощается в разных, но однотипных функциональных компонентах.

В первом сценарии функциональный компонент представлен лексемами ГР-1 – глаголами движения, положения и изменения положения в пространстве, бытия (*иди, исчезни, уйди, выйди*): «**Идите** вы, болезни, в темные леса, глубокие болота, где солнце не всходит, где человек не проходит» (Аникин, № 2259); «Я (болезнь) **иду** в горы, где петух не поет, где собака не лает, где стан не ткет» (Амроян, № 204).

Во втором сценарии функциональный компонент отличается большим разнообразием, но с абсолютным численным преобладанием представлен лексемами ГР-2 – глаголами со значением «каузировать перемещение или определенное положение предмета в пространстве» (*понеси, унеси, возьмите, отнесите*): «**Снеси** боль рабы твоей Пелагеи туда, куда птицы не залетают, люди не заходят, звери не забегают» (Аникин, № 2271); «... пусть **унесут** ее (болезнь) в леса зеленые, пустыри пустынные, где человек не ходит, где топор не рубит, где овца не блеет, где петух не поет, где собака не лает» (Амроян, № 273). Значительно реже лексемами ГР-4 – акциональными глаголами со значением физического действия и воздействия, репрезентирующими обрядовое действие (*топи, отбивайте, отстреливайте, выливайте* (*испуг*)) и лексемами ГР-7 – глаголами с общим значением или семей речевой деятельности (*вызывайте, посылайте, заговаривайте*).

Воплощение единой идеи изгнания болезни в двух сценариях создает основу для имплицитного параллелизма функциональных компонентов формулы отсылки болезни, который формируется на уровне сопоставления лексем ГР в двух сценариях. Императив является идеологическим стержнем и во всех конкретных воплощениях на уровне глубинного смысла восходит к единому концепту отсыла, отгона, ссыла, в конечном счете уничтожения болезни.

Отличительной чертой русских заговоров является реализация в пределах формулы одного сценария с использованием лексем одного ГР. Амплификация функциональных компонентов отмечена в единичных примерах и осуществляется в пределах лексем одного ГР.

ГР-2: *«Вазьмити эту таску с раба божыва ..., атнясити эту таску за горы крутмы, за ляса высокии, где люди ня ходють, пяхухи ня пяхуть ...»* (Проценко, № 250).

В болгарских заговорах амплификация функциональных компонентов доминирует и осуществляется с привлечением лексем различных ГР.

ГР-7,4: *«Так будет заговаривать, отправит их в пустой лес, где молодых не венчают, где детей не крестят, где собака не лает, где петух не поет, где коза не верещит, где овца не блеет, где бык не мычит»* (Амроян, № 171).

Амплификация функциональных компонентов на материале лексем различных ГР приводит в болгарских текстах к реализации в одной формуле двух сценариев и расширению функций болезни в первом сценарии, которое выражается в использовании в качестве функционального компонента несвойственных первому сценарию глагольных лексем со значение физического действия и взаимодействия (*найти*): [второй сценарий] *«... ее (болезнь) повела да завела (чудесный помощник) в густые леса тилилейские: [первый сценарий] пусть (болезнь) идет туда, где петухи не поют, пусть найдет, где юноша на свирели не играет, где девка на станке не ткет»* (Амроян, № 174).

Анализ параллелизмов локусов и их характеристик в двух славянских традициях свидетельствует о том, что человек не знает, где живет и откуда пришла болезнь. Она представляется порождением параллельного, сосуществующего с человеком, но при этом чуждого и непонятного ему мира. Незведанность, денотативная неопределенность локализации болезни иконически представлена в структуре параллелизма особыми знаками. География мест отсылки разнообразна и фактически охватывает вертикаль и горизонталь мира, непосредственный маршрут движения не представляется очевидным и обозначен в максимально условном и обобщенном виде: по горизонтали – в самое отдаленное место, по вертикали – вглубь или ввысь, локальные компоненты потенциально неоднословны, имеют перечневое воплощение с указанием вариативного спектра мест, в которые ссылается недуг, или исключены из состава формулы.

Концепт места отсылки в обеих традициях – **особое место, имеющее особое предназначение**. Родовое обозначение в русских заговорах – *«пустое, темное место: и поиди, грыжа, на пустое место, въ темное место, где солнце не огревает, где люди не ходять»* (Майков, № 128), в болгарской традиции – *«пустое, пустынное место: пусть идет зло туда, где петухи не поют, где*

собаки не лают, где кур не разводят, где деревья не растут, где вода не течет, туда, где солнце и месяц не греют, в пустые леса, в пустые места, в пустые каменистые места» (Амроян, № 1).

Видовые обозначения в обеих традициях находят свое воплощение в образах параллельных миров: в русских заговорах – мира природы, мира человека, перевернутого мира и мира мертвых, в болгарских – отсутствует мир мертвых.

В русских заговорах в качестве мест отсылки болезни доминируют природные объекты (более 30 репрезентантов). Локальные компоненты, представляющие «перевернутый мир» как недоступное человеку пространство, вводятся в заговорный текст с помощью особых знаков: мир преисподней находится **за (под) объектом мира природы**. Мир человека в качестве места отсылки болезни используется в единичных примерах: *на злого супостата, к старому хозяину в пяту; артефакты (баня, труба)*. Отсылка болезни к миру мертвых встречается крайне редко: *кладбище (могилки)*.

В исследуемом корпусе болгарских текстов обнаружено меньшее количество миров и их репрезентантов. В качестве локусов отгона также доминируют природные объекты, но они не отличаются многообразием. Доминантным является фитонимический образ *лес*. Мир человека в качестве локуса отгона также используется в единичных примерах: *царская дочь, артефакт труба*. Существенно отличается болгарская традиция в представлении мира преисподней без использования в качестве пространственных координат природных образов, болезнь ссылается на *дьяволов*. Отсылка болезни к миру мертвых отсутствует. В болгарских текстах доминируют формулы, в которых место отсылки обозначается одним локальным компонентом в сочетании с эпитетом *пустой (пустой лес)*, что исключает детальную маршрутизацию процесса изгнания.

Столь распространенным в русской традиции разнообразным перечням вариативных мест отсылки болезни («*И подите под пень, под колоду, ...в болота седучи, в болота зыбучи, где на конях не ездят, пешеходы не ходят, за ручьи, за реки быстры, за темные леса*» (Пинежье, № 132) в болгарской традиции противостоят многочисленные повторы эпитета *пустой* в обозначении локуса отгона: «*в пустой лес пустынный, где петух не поет, где курица не клюет, где конь не ходит, где осел не топчется, где собака не лает. В пустой лес пустынный*» (Амроян, № 24).

Параллелистическая основа формулы выявляет **принципиальный отказ от конкретизации локуса отсылки болезни**. В связи с этим в русской традиции «ясно вырисовывается

параллелизм ...противоположных пар с признаком движения – антидвижения» [Олупе, 1993, с. 130]: *ручей, быстрая вода – болото, стоячая вода*. Первая часть параллелизма, воплощающая движение, ответственна за репрезентацию процесса изгнания, а вторая часть, связанная с антидвижением, подготавливает и предопределяет результат этого процесса – уничтожение болезни. В болгарских заговорах отсутствует указанный параллелизм, доминирует антидвижение (*пустой лес*). В обеих традициях используются объекты, являющиеся маркерами пограничного пространства (*камень, остров, труба*).

В плане **маршрутизации процесса** отмечены горизонтальные и вертикальные (нисходящие и восходящие) перечни мест отсылки болезни, которые в большей мере свойственны русским заговорам.

Многочисленность организации заговорного пространства иконически проявляется в организации пути, по которому болезнь отсылается в иной мир. Реализация маршрута отсылки болезни по горизонтали и вертикали дифференцируется соотношением миров. В русских и болгарских заговорах мир природы реализует движение по горизонтали в отдаленное место. Движение по вертикали имеет национальную специфику. В русских заговорах мир природы реализует движение по вертикали вниз и соотносится с миром преисподней (за / под объектом природы), а мир человека отражает движение по вертикали вверх и соотносится с миром православным. В болгарской традиции движение по вертикали вниз реализуется непосредственно с помощью образов мира преисподней (*дьяволы*), а мир природы (*звезды, горы*) и мир человека (*труба*) реализуют движение по вертикали вверх и соотносятся с миром православным.

В обеих славянских традициях выявлен параллелизм локусов (отсылка болезни на объекты мира природы и мира человека): **«В теплой бане, над белым паром, в темном лесе, в синем море, над сырым камнем тут тебе (болезнь) и спокой, где собаки не лают, петухи не певают»** (Вятский фольклор, № 393); **«пусть растают уроки, ... пусть вылетят в эту трубу, пусть уйдут в густой лес, где птица не поет и где солнце не светит»** (Амроян, № 85). В болгарских заговорах отмечен пример параллелизма локусов на материале сопоставления мира природы и мира преисподней с единовременной отсылкой болезни по вертикали вверх (*камни – звезды*) и вниз (*камни – дьяволы*): **«Мать Божья его ... разбросает по дьяволам, по камням, по звездам, где человек не ходит, птица не сидит и дикие звери не живут»** (Амроян, № 184).

В семантической сфере локальных компонентов в обеих традициях формируется особый имплицитный «параллелизм внутри слова» [Хроленко, 2010, с. 48], который наблюдается как на уровне родового обозначения места отсылки болезни, так и в его видовых воплощениях.

Родовое обозначение места отсылки болезни *пустое место* понимается информатором не только как *пустырь*, заброшенное место, но и как *проклятие, проклятое место*: «*идите вы, исполохуполоха, ... в чистое поле, за синее море, где пешком не ходят, на конях не ездят, в темный лес, под синий мох, под гнидую колоду. Там вам, проклятым, место*» (Пинежье, № 128).

Видовое воплощение места отсылки болезни *трясина* в русских заговорах обозначает не только зыбкое, болотистое место, но и в переносном значении, которое также актуализируется на уровне ассоциаций, – среду, отличающуюся «отсутствием живой деятельности» [Ефремова, 2000].

Частотное в болгарских заговорах видовое воплощение места отсылки болезни – *лес Галилеи (галилейский, телелейский, тилилейский)* – обозначено именем собственным, восходящим к библейским традициям [Амроян, 2005, с. 13]. Оно связано с исторической областью на севере современного Израиля, граничащей с Ливаном, и в актуализируемом на уровне ассоциаций переносном значении репрезентирует свойства пустынности, удаленности и непроходимости особого локуса. Горный район Верхней Галилеи труднодоступен и поэтому служит укрытием для преследуемых, кроме того, по одной из версий, само название происходит от слова *гоlá* – *удаление, рассеяние*, так как там были рассеяны многие народы.

Неопределенность денотата обуславливает его воплощение как некоей отвлеченной сущности, требующей объективации, поэтому «пространство, приписываемое болезни, не только локализуется, но и имеет свои характеристики» [Небжеговская-Бартминская, 2005, с. 321].

Развернутая характеристика места отсылки представлена с привлечением образов различных миров в «особом клише, заговорной параллелистической формуле типа “где... не...”» [Свешникова, 1993, с. 147–149].

«*Идите вы, болезни, в темные леса, в глубокие болота, где солнце не всходит, где человек не проходит*» (Аникин, № 2260). «*Уроки, бурюки, уходите в пустой лес, где птички не поют, где человек не ходит*» (Амроян, № 14).

Основу параллелизма составляют актантные и функциональные компоненты, характеризующие место изгнания болезни. Стремление

заговаривающего изгнать болезни, подчинить их своей воле и обезвредить получает в исследуемых конструкциях иконическое отражение: образы различных миров, характеризующие место изгнания, размещены в синтаксически зависимых частях конструкции. В обеих традициях характеристика может быть оформлена также на основе классического параллелизма: «*тамъ люди не ходять, птицы не летаютъ*» (Майков, № 57); «*Там добрый молодец на вороном коне, на синем седле, в парчовой шапке, в венке зеленом; Там и Матерь Божья свадьбу играет*» (Амроян, № 234). Однако из двух содержательно сходных формул доминантной (наиболее частотной и разнообразно представленной) является та, в которой образы, характеризующие место отгона, репрезентированы в синтаксически зависимых частях конструкции.

Для характеристики локуса изгнания как другого, противоположного мира используются маркеры различных миров, что и составляет основу параллелистической формулы «где... не...».

В функции **субъекта** выступают персонажи нескольких миров: в русской традиции – мира природы, мира человека, православного мира и перевернутого мира преисподней, в болгарской – отсутствует мир преисподней. В обеих традициях доминантным является мир природы. В болгарской традиции, в отличие от русских заговоров, в мире природы более разнообразно представлена группа домашних животных (*петух, куры, цыпленок, собака, овца, коза, бык, осел, ягнята*), в мире человека детализированы домашние занятия (*кур не разводят, топор не рубит, хлеб, пресную лепешку не месят, клепало не бьет, молот не стучит, квашни не скрипят, скребки не скребут, стан не ткет*), земледельческие работы (*соха не пашет*), православные обряды (*в церковь не ходят, детей не крестят, молодых не венчают*). В мире православных реалий в русской традиции присутствует *Бог*, в болгарских текстах представлен сонм святых (*Матерь Божья, Святой Целитель, семьдесят апостолов*). В русских заговорах, в отличие от болгарских, репрезентирован мир преисподней (*черт и чертиха*).

Частотность глагольных лексем в **типологии функциональных компонентов** выявляет полевую модель их организации. Ядерные и периферийные компоненты неодинаково соотносятся с разными мирами.

В обеих традициях **на ядерном уровне** в представлении всех миров доминируют глаголы движения и бытия в сочетании с отрицательной частицей *не* (реже – слово *нет*): «*где люди не ходят и*

скот не бродит» (Проценко, № 168); *«где людей нет, где цыплят нет»* (Амроян, № 21).

На периферийном уровне глагольные компоненты различных миров в обеих традициях дифференцируются. В русских заговорах для мира природы также характерны глаголы речевой деятельности: *«пятухи ня пають»* (Проценко, № 250), для мира человека – глаголы восприятия: *где глаз человеческий не доходит* (Проценко, № 51), физического действия и взаимодействия: *человек топором не рубит* (Проценко, № 101), для православного мира – глаголы восприятия: *Бог един призирает* (Ефименко, 209, № 46), для перевернутого мира – безглагольные конструкции: *где кум с кумой (черт с чертихой), где брат с сестрой* (Проценко, № 3). В болгарских заговорах для мира человека характерна значительная по сравнению с русской традицией детализация глаголов физического действия и взаимодействия в части домашних занятий, земледелия и исполнения православных обрядов, отсутствуют глаголы восприятия, для характеристики православного мира, как и для мира человека, используются глаголы физического действия и взаимодействия, поскольку его представители находятся, в отличие от русской традиции, в месте отсылки болезни и производят там ритуальные действия: *Там семьдесят апостолов, которые прислуживать будут* (Амроян, № 204), также отмечены безглагольные конструкции: *Там Святой Целитель и Кузьма Дамиан* (Амроян, № 13).

Национальная специфика **синтагматических связей** функциональных и локальных компонентов, локальных компонентов и их характеристик отражает определенный баланс репрезентации компонентов в формуле: регламентация одного компонента компенсируется распространением другого и наоборот. В русских заговорах в параллелистической формуле акциональный компонент представлен, как правило, без амплификации, в то время как локусы, напротив, репрезентированы в своем максимально множественном, перерастающем в перечни воплощении. В болгарской традиции наблюдается диаметрально противоположная закономерность: глагольный императив регулярно подвергается амплификации, а локальные компоненты имеют конкретное, регламентированное воплощение без использования перечней. В русской заговорной традиции акцент делается на локальных параметрах, в болгарской – на акциональном компоненте. При этом если в русских заговорах разнообразие локусов сочетается с достаточно компактным комплектом их характеристик, реализующих единую цель уничтожить недуг, то в болгарской традиции единообразные

локальные компоненты наделяются разнообразными амбивалентными характеристиками, детализированными в части домашних занятий человека, его работы на земле, совершения обрядовых действий и отражающими вариативность цели магического воздействия уничтожить или умиловать болезнь.

В обеих традициях параллелистический анализ выявил значимую для лечебных заговоров **корреляцию компонентов** формулы отсылки болезни с концептами движения (отгона) и антидвижения (уничтожения), которая системно реализуется в следующей культурно маркированной смысловой цепи.

В русской традиции **функциональный компонент** на уровне глубинного смысла восходит к единому концепту ссылая, в конечном счете уничтожения болезни, воплощает динамику процесса изгнания; **локальные компоненты**, которые в формуле занимают медиальное положение, указывают на параллелизм динамики и антидинамики, пограничный статус процесса отгона; **характеристика места отсылки**, занимающая в формуле финальную позицию, актуализирует антидинамический аспект как результат уничтожения болезни. Формула демонстрирует эволюцию движения к антидвижению: динамичную борьбу с существующей болезнью, границу ее бытия и небытия, небытие болезни как итог усилий заговора. В болгарской традиции процесс отгона и уничтожения представлен скорее революционно, нежели эволюционно: амплификация функциональных компонентов манифестирует динамику и разнообразие процесса изгнания, который уже на уровне локальных компонентов фиксирует антидинамику, характеристики локусов дифференцируются в силу амбивалентности исхода (небытие или инобытие болезни). Указанные процессы отгона и уничтожения (как вариант – бытие в ином виде) совершаются с различной скоростью: в русской традиции движение осуществляется с меньшей скоростью и большей детализацией на различных его этапах, возможностью прорисовать маршрут и наблюдать эволюцию движения к антидвижению; в болгарской – с большей скоростью и меньшей детализацией, с максимальной редукцией маршрута.

Отношение к болезни в русской традиции категорично и направлено на ее уничтожение под присмотром высших сил, в болгарской традиции отношения с болезнью носят дипломатический характер, допускающий установление определенных договоренностей при условии ее благополучного существования вне основного базового мироустройства.

Литература

Амроян И.Ф. Повтор в структуре фольклорного текста (на материале русских, болгарских и чешских сказочных и заговорных текстов). М., 2005.

Артеменко Е.Б. Принципы народно-песенного текстообразования. Воронеж, 1988.

Вельмезова Е.В. Семантика пространства лечебного заговора: к типологии формул отсылки болезни (на примере восточнославянских, чешских и французских текстов) // Вестник МГУ. 1999. № 4.

Ефремова Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. М., 2000.

Квилликова Е.Н. Заговоры, магия и обереги в народной медицине гагаузов. Кишинев, 2010.

Небжеговская-Бартминская С. Шла болячка с болентина... Концептуализация болезни в польском языке и в польских народных заговорах // Заговорный текст. Генезис и структура. М., 2005.

Олупе Э. Формула уничтожения в латышских заговорах // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. М., 1993.

Панина Т.И. Магия слова в народной медицине удмуртов: автореф. дис. ...канд. филол. наук. Ульяновск, 2012.

Познанский Н. Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. Петроград, 1917.

Свешникова Т.Н. Структура восточнороманского заговора в сопоставлении с восточнославянским (формула отсылки болезни) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. М., 1993.

Хроленко А.Т. Введение в лингвофольклористику. М., 2010.

Хроленко А.Т., Бобунова М.А., Завалишина К.Г. Сопоставительная и кросскультурная лингвофольклористика // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. М., 2004. № 2.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ: ЕДИНИЦЫ ВЕРБАЛИЗАЦИИ

Л.В. Топка

Ключевые слова: эмоциональная нестабильность, уверенность / неуверенность, категоричное высказывание, эмоции, чувства.

Keywords: emotional instability, certainty / uncertainty, categorical statement, emotions, feelings.

Характерным атрибутом человека уверенного является его категоричное речевое поведение. В рамках социологических исследований феномен категоричности рассматривается как высокая степень уверенности, обусловленная высоким социальным статусом индивида. Изыскания в области психологии, напротив, определяют данное явление как уверенность в собственной правоте, отсутствие сомнений по поводу сказанного, несдержанность в оценке чего-либо, проистекающую из глубинной неуверенности в себе говорящего субъекта и демонстрирующую его ограниченность и низкий уровень культуры (см. подробнее: [Топка, 2015a]).

В исследованиях, посвященных эмоциональной стабильности индивида, указываются разные значения фактора категоричности вербального и невербального поведения. Низкое значение этого фактора связывается с неуверенностью в себе, неумением или нежеланием однозначно высказываться, с неспособностью принимать конкретные решения, высокое значение – с отсутствием гибкости, дипломатичности, неспособностью видеть полутона и находить разумные компромиссы, «часто у людей истеричных и бросающихся из крайности в крайность» (см. подробнее: [Толкачева, URL]). И в том и

другом случае очевидно, что категоричное речевое поведение является маркером эмоциональной нестабильности говорящего субъекта.

Эмоциональная нестабильность или неустойчивость – сильная, непредсказуемая и нерелевантная данной ситуации эмоциональность, проявляется резким изменением эмоционального статуса индивида. Она может быть кратковременной, являющей аффект или приступ истерии – истерику как чрезвычайно сильное, быстро возникающее и бурно протекающее эмоциональное состояние субъекта, которое маркируется беспорядочностью движений, сумбурностью речевого поведения либо, напротив, напряженной скованностью движений и сопровождается смехом, криками, слезами (см., например: [Понятие о чувствах, эмоциях и их видах, URL; Ребер, 2000]). Эмоциональная нестабильность может быть и долговременной, репрезентирующей психическое расстройство личности при тяжелых формах ментальных заболеваний.

Эмоциональная нестабильность (истероидные проявления, агрессивная реакция индивида) обладает специфическими параметрами и способами репрезентации, поскольку имеет выраженный ситуативный характер, показывая оценочно-личностное отношение говорящего субъекта к реальной или гипотетической ситуации. Данный феномен коррелирует как с положительными, так и отрицательными эмоциями, показывая перепад, скачок с одного эмоционального полюса на другой, возникающий в результате снижения способности индивида контролировать свое вербальное и невербальное поведение.

Провоцирующими факторами эмоциональной нестабильности являются: сильный стресс, влекущий за собой эмоциональное потрясение; внешняя угроза или психологическое давление, вызывающие страх и потерю внутреннего самоконтроля (паника, ступор); высокая чувствительность индивида при низком уровне внутреннего самоконтроля, приводящая к агрессии или истерике; а также психофизиологическая незрелость личности, проявляющаяся, например, в ситуации бурного выражения радости или восторга.

Ощущения, эмоции и чувства являются субъективными по своей природе, поэтому о их наличии, причине и интенсивности может судить лишь сам индивид, будучи непосредственным наблюдателем своего внутреннего состояния, «проживающим» скрытые от адресата и / или третьего лица ощущения непосредственно в момент изменения эмоционального статуса:

«He wasn't coming back; she knew it. Her father put down his paper. "Is anything wrong, Jane?" – "Wrong?" Something had just kicked the

breath out of her body but no, nothing was wrong. She needed to weep, but there was a pain in her throat and it was stopping the tears, so she laughed instead. She stood there and laughed until she shook. There wasn't anything else to do but laugh. She heard her mother say, "Stop her, Richard. She's hysterical", and her father shouted "Jane!" and took hold of her shoulders, but she went on laughing. His hand on her cheek hurt. He slapped her hard and it made her head jerk back. She stopped in the middle of a scream and the breath left her body with a groan. It was the first time her father had hit her and he looked upset, but suddenly she was very calm and her voice was steady as she said, "I'm sorry"» [Elgin, URL].

В отличие от наблюдателя, анализирующего речевое и неречевое поведение субъекта непосредственно в момент изменения эмоционального состояния, сам индивид получает возможность критически оценивать и определять свои действия лишь спустя некоторое время:

«And I called her mom right back and I'm like – I was just in hysterics, crying. I'm like, There's blood on the pillow» [The Night Briana Vanished, URL].

Являясь объективным, сторонним наблюдателем своих действий в прошлом, говорящий репрезентирует феномен ретроспекции своего эмоционального состояния (см. подробнее: [Топка, 2016, с. 82]) через его обозначение или дескрипцию.

Для ситуации эмоциональной нестабильности характерно описание «внутренней борьбы», стремления к стабилизации эмоционального статуса. При деструктивном коммуникативном взаимодействии, в ситуации конфронтации, после успешной попытки индивида взять под контроль эмоцию страха, гнева или стыда и вернуться к стабильному эмоциональному состоянию, как правило, появляется чувство уверенности. Если попытка оказывается неуспешной, то в состоянии острой эмоциональной нестабильности у говорящего субъекта может возникнуть чувство самоуверенности, агрессивность и, как следствие, категоричное речевое, а зачастую и неречевое поведение – вплоть до физического воздействия на коммуникативного партнера.

Вызванное страхом или фрустрацией агрессивное речевое поведение может быть выражено формально, например, посредством повышения тона речи, или содержательно, через угрозу, что характерно для индивида в состоянии чрезвычайного эмоционального возбуждения, например, гнева. Возникая после неуспешной попытки взять под контроль эмоцию страха, гнев может провоцировать эскалацию эмоциональной нестабильности, а именно приступ истерии:

«She leapt at him hysterically, tearing at his face. “What have you done to me?” She slumped backwards limply, staring in confusion at her hands» [Roberts, URL].

Страх – это, пожалуй, самая частотная эмоция, способная изменить эмоциональный статус говорящего субъекта:

«“I was nearly killed”, she said frantically. “I nearly stepped off into space. I mean, I was nearly killed”. “Darling”, Mercer said calmly, “what has exactly happened?” “You don’t understand”, she was screaming, trembling, hysterical. “I nearly stepped into space because our private car isn’t there”. It brought both of the Lorrिमores to their feet in an incredulous rush, but they had only to look at the faces crowding behind her to know it was true. “And they say, all those people say...” she was gasping, half unable to get the words out, terribly frightened» [Francis, URL].

Однако изменение эмоционального состояния может быть вызвано не только отрицательными эмоциями, такими, как страх или гнев, но и положительными, например, восторгом:

«He and Diana attended the gala opening of Barry Humphries’ show “Back With A Vengeance”, in aid of the Royal Marsden Hospital, and both were in hysterics. ... Prince Charles kept slapping his knees with merriment and rocking with laughter. ... His humour was just not working. Suddenly, great guffaws of laughter that went on and on broke the silence, so much so that people began to stretch forward to see who they were coming from. It was none other than the heir to the throne, blissfully unaware, and convulsed with mirth» [Junor, URL].

Состояние эмоциональной нестабильности может быть не только зафиксировано наблюдателем, внутренним или внешним, но и непосредственно маркировано адресатом через прямое указание на его изменение:

«Kate’s shoulders were heaving under great sobs that racked her body. “This house is yours...”, he told her, but she was past taking in his words. “For heaven’s sake calm down, Kate, you’re getting hysterical!” But his voice, even the meaning behind what he was saying, was beyond her. She spun round to face him. For a long moment their eyes remained locked in a fierce battle, until Ace’s image began to shimmer in a sort of haze in front of her, then, quite without warning, Kate passed out; a great wave of blackness overwhelmed her, pushing all hurt and troubled feelings aside» [McCallum, URL].

Языковая репрезентация состояния эмоциональной неустойчивости неразрывно связана с экстралингвистическими и паралингвистическими факторами, его номинация или дескрипция

осуществляется через систему языковых и неязыковых средств непосредственно самим говорящим субъектом, через категоричное высказывание, или третьим лицом, наблюдателем, при помощи конструкций с эмотивным предикатом и лексем-маркеров определенного эмоционального статуса. Таким образом, тот или иной эмоциональный статус характеризуется совокупностью лексем, связанных между собой единицами своей конкретной семантики. Например, для лексического выражения состояния истерики характерны лексемы-маркеры с основой *hyster-* (*hysteria, hysterics, hysterical*), однако в репрезентации также участвуют единицы и с нейтральным лексическим значением, приобретающие эмотивность в определенном контексте.

Нельзя не согласиться с утверждением исследователей о том, что «большинство языковых единиц приобретает способность выражать эмоции лишь в речи, обладая в системе языка лишь потенциальной эмотивностью» [Коростова, 2015, с. 121], тем самым подтверждая, на наш взгляд, и когнитивный характер языковой категоризации эмоций, и ее коммуникативно-семантическую локализацию. «Языковая категоризация эмоций – эмотивность, наряду с когнитивностью и коммуникативностью, является базовой характеристикой языка, представляя собой имманентно присущее ему “семантическое свойство выражать системой своих единиц эмоциональность как факт психики, отраженные в семантике языковых единиц социальные и индивидуальные эмоции” [Шаховский, 1987, с. 24], которое формируется в языковом знаке на основе эмоционального аспекта когнитивно-коммуникативной деятельности субъекта» (см. подробнее: [Топка, 2015б, с. 212-213]).

Категоричное речевое поведение, вызванное негативным психическим состоянием, обладает сложной системой языкового выражения, одной из единиц которой является императив, маркирующий категоричную просьбу, приказ или требование. Требование вообще и грубое требование как один из способов репрезентации вербальной агрессии используется для побуждения адресата к определенному действию, через воздействие на его разум, волю и чувства: «в ситуации требования очевиден непререкаемый авторитет говорящего субъекта и его право на категоричные речевые действия» [Топка, 2015а, с. 175]. Однако в состоянии аффекта или приступа истерии говорящий ведет себя безапелляционно в отношении адресата, оспаривая его социальный статус, требуя или приказывая, не имея на это ни морального, ни фактического права, то есть необходимой над ним степени власти:

«*“Stop prevaricating!” she demanded. “Answer me, Lucenzo! Answer me honestly for once, will you?” She watched him search helplessly for a reply, the hysteria rising within her ...*» [Wood, URL].

Эмоциональная реакция говорящего субъекта на окружающую действительность может быть представлена неоднократным использованием междометий в оформлении категоричного высказывания, поскольку они являются непосредственным эмоциональным отражением его переживаний, ощущений, волевых изъявлений, выражающих разные эмоции-компоненты эмоциональной нестабильности, например гнев:

«*“Oh, hell! I must speak to him – I’ve got to see him – ... oh, just get him for me! It’s urgent!” There were distinct signs of hysteria developing ...*» [Grey, URL].

Повтор значимых языковых элементов указывает на категоричность говорящего субъекта в оценке, желании, утверждении чего-либо, однако он также может выражать и его неуверенность, обусловленную состоянием страха:

«*No... I can’t go back to bed, because I’ve got to get to London. I’ve got to get... to London. I’ve got to get to London*» [Brett, URL].

Являясь формальным маркером эмоциональной нестабильности индивида, данный феномен может репрезентировать и упрек как мягкую форму вербальной агрессии:

«*“Don’t make me laugh”, Mum said to me. “Why are you doing this to her? Why don’t you do something useful like clearing out the kitchen? Why don’t you go and read a school book? Why don’t you do something that will get you somewhere, Karim?” “Don’t get hysterical”, I said to Mum. “Why not?” she replied*» [Kureishi, URL].

В ситуациях такого рода адресат, выступающий одновременно в роли наблюдателя, зачастую игнорирует содержательную, смысловую сторону высказывания (упрек), реагируя лишь на его формальную репрезентацию (повтор), номинируя речевое поведение говорящего субъекта истерикой: «*Don’t get hysterical*», I said to Mum. На то, что это формальная репрезентация приступа истерии, также указывает и ответная реакция коммуникативного партнера: «*Why not?*» she replied, контролирующего свое эмоциональное состояние.

Смысловая основа значения высказывания, по мнению И.Ю. Колесова, интерпретируется в языковых значениях при помощи определенных семантических и структурных приемов организации единиц языка, «что дает возможность выявлять особенности концептуализации ситуации в определенном ракурсе, с какой-либо из возможных точек зрения» [Колесов, 2007, с. 34].

В процессе коммуникации вербальные средства репрезентации эмоций соотносятся с невербальными, паралингвистическими способами выражения – фонационными (тембр, громкость, мелодика речи, особенности артикуляции говорящего), а также кинетическими (жесты, мимика, позы), которые выполняют функции дополнения и замещения речи, передавая эмоциональные состояния коммуникативных партнеров. Все паралингвистические способы репрезентации эмоциональной нестабильности говорящего субъекта отражены в описании при помощи авторской ремарки, характеризующей голос говорящего, темп его речи, тон, интонацию, а также паузы, выражаемые графически посредством различных пунктуационных знаков.

Введение в предложение добавочных сообщений, замечаний относительно действий и мыслей участников общения посредством авторской ремарки отражает отношение говорящего субъекта к происходящему, к своим словам, а также высказываниям коммуникативного партнера. В авторских ремарках используются конструкции с эмотивными предикатами, указывающими на «характер речевых поступков» [Шахнарович, 1991, с. 106]. Будучи показателем скрытых индивидуально-психологических и социально-психологических составляющих личности, эмотивный предикат как паралингвистическое средство описания невербальных коммуникативных действий чаще всего репрезентируется имплицитно, указывая на действия или намерения индивида, а также на особенности его поведения или психического состояния в определенной ситуации общения (см. подробнее: [Топка, 2015б, с. 213]). Являясь лексическим средством репрезентации эмоциональной нестабильности, данный феномен может содержать в себе не только описание участников коммуникативного взаимодействия, их социальных характеристик, психологической дистанции между ними, но также и дескрипцию самой ситуации общения, обуславливающей их речевое и неречевое поведение.

Одна и та же эмоция выражается разными индивидами по-разному в зависимости от множества факторов, в том числе и паралингвистических, и поскольку эмоции всегда ситуативны, выбор единиц их вербализации также ситуативен. Неустойчивое эмоциональное состояние репрезентируется категоричным высказыванием говорящего субъекта, номинируется адресатом, а также описывается третьим лицом. Выражение, номинирование или обозначение и описание представляют собой три аспекта вербализации эмоциональной нестабильности индивида. Деструктивное речевое взаимодействие коммуникативных партнеров характеризуется категоричностью, а отсутствие речевой деятельности одного из них в

ситуации изменения эмоционального статуса компенсируется детальным описанием внутренних и внешних проявлений его эмоционального состояния. Таким образом, обозначение эмоциональной нестабильности говорящего субъекта адресатом определяется присутствующими в дескрипции паралингвистическими показателями данного состояния, детализируемыми третьим лицом.

Литература

- Колесов И.Ю. О значимости некоторых когнитивных моделей в языке // Филология и человек. Барнаул, 2007. № 2.
- Коростова С.В. К вопросу об эмотивности и эмоциогенности русского художественного текста // Филология и человек. Барнаул, 2015. №3.
- Понятие о чувствах, эмоциях и их видах. Эмоциональные состояния. [Электронный ресурс]. URL: <http://refrend.ru/732701.html>.
- Ребер А. Большой толковый психологический словарь: в 2-х тт. М., 2000. Т. 1.
- Толкачева В.К. Категоричность. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psy-test.ru/terms>.
- Топка Л.В., Конева В.Ф. Социальная обусловленность категоричного речевого поведения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2015а. № 7, 2 (49): в 2-х частях. Ч. II.
- Топка Л.В. Эмотивный предикат как средство репрезентации константы внутреннего мира человека // Вестник ЛГУ им. Пушкина Серия Филология. Санкт-Петербург, 2015б. № 3. Т. 1.
- Топка Л.В. Языковая репрезентация нестабильного эмоционального состояния // Psycho-pedagogical problems of a personality and social. Prague, 2016.
- Шахнарович А.М., Графова Т.А. Экспериментальное исследование реализации эмотивности в речевой деятельности // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. М., 1991.
- Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987.
- Brett S. Cast in order of disappearance. [Электронный ресурс]. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc>.
- Elgin E. All the sweet promises. [Электронный ресурс]. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc>.
- Francis D. The edge. [Электронный ресурс]. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc>.
- Grey A. Hearts in hiding. [Электронный ресурс]. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc>.
- Junor P. Charles and Diana. [Электронный ресурс]. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc>.
- Kureishi H. The Buddha of suburbia. [Электронный ресурс]. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc>.
- McCallum K. Driven by love. [Электронный ресурс]. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc>.
- Roberts G. The highest science. [Электронный ресурс]. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc>.
- The Night Briana Vanished; search for the kidnapper and killer of a young woman in Reno, Dateline NBC 9:00 PM EST NBC. [Электронный ресурс]. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc>.
- Wood S. Mask of deception. [Электронный ресурс]. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc>.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ ПЕРЦЕПТИВНОЙ СЕМАНТИКИ С УЧАСТИЕМ НЕЛИЧНЫХ ФОРМ ВО ФРАНЦУЗСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Г.Ф. Лутфуллина

Ключевые слова: перцептивность, причастие, неличная форма глагола, синтаксическая конструкция.

Keywords: perception, participle, verbal, syntactic construction.

Изучение категории эвиденциальности приобрело актуальность в последние десятилетия. Эвиденциальность является биполярной категорией, так как различают косвенную эвиденциальность или получение информации от третьих лиц и «прямую» эвиденциальность как непосредственное восприятие ситуаций. В последнем случае предполагается синхронность ситуации восприятия и воспринимаемой ситуации как условие реализации категории восприятия. Семантическая структура высказываний с реализацией категории перцептивности предполагает наличие **воспринимающей части**. Ситуация восприятия выражена предикатом перцептивного действия, имеющим воплощенную в метаглаголе «воспринимать» семантическую составляющую [Лутфуллина, 2011, с. 21], и актантом субъектного типа Агенсом, перцептором, являющимся производителем / контролером физического и ментального действия. Объектом восприятия является динамическая, глагольно выраженная ситуация. Она соответствует **воспринимаемой части** высказывания, в которой представлены предикат, выражающий действие субъекта воспринимаемой ситуации, и активный Агенс, на которого направлен процесс восприятия.

Отношения сложноподчиненного предложения и зависимого предложения в его составе определяются как реализация зависимой предикативности. Понятие зависимой предикативности используется главным образом в исследованиях, посвященных неиндоевропейским языкам. В отечественной и зарубежной лингвистике функциональная классификация придаточных основана на аналогии, функциональном тождестве членов высказывания и придаточных предложений. Данная классификация основывается на наличии валентностных свойств предложения, при котором происходит замещение валентностей придаточными в двухчленных сложноподчиненных предложениях. При общем условии подчинения последние характеризуются наличием

единицы свободной валентности, а придаточные предложения определяются наличием семантических и формальных свойств, необходимых для замещения валентностей [Левицкий, 2005, с. 198].

Во французском языке имеются две формы причастия: причастие настоящего времени / *participe présent* и причастие прошедшего времени / *participe passé*. Причастие прошедшего времени / *participe passé* французских переходных глаголов соответствует русскому причастию страдательного залога настоящего и прошедшего времени. Они переводятся в зависимости от контекста, например, правила, *изучаемые* или *изученные* студентами во фразе *Les règles étudiées par les élèves*. В предложении *participe passé* употребляется чаще всего в роли определения и ставится всегда после определяемого существительного. Причастие настоящего времени соответствует русскому причастию действительного залога настоящего времени. Во французском языке часто рассматриваются проблемы согласования причастий, в частности М. Файоль и С. Пактон исследуют причастия прошедшего времени [Файоль, Пактон, 2006, с. 59-73]. Причастия как компоненты номинальных конструкций рассматривает в своей статье С. Киндт [Киндт, 2003, с. 55-70].

В аспекте зависимой предикативности изучает причастия М. Херсланд в своей статье «Причастия настоящего времени как глаголы причастности / *Le participe présent comme co-verbe*» [Херсланд, 2000, с. 86-94]. В статье рассматриваются три случая реализации зависимой предикативности со строго определенным уровнем функционирования причастия в роли зависимого предиката, образующего нексус с основным предикатом (нексусом называется ситуация соответствия семантической и активной синтаксической валентности предикатного слова): 1) абсолютная конструкция имеет вторичную предикативность, которая выполняет функцию обстоятельства, но является относительно автономной *L'officier doit lui-même achever deux d'entre eux, le peloton montrant peu de zèle* [Miquel Guerre, 412]; 2) причастие образует нексус с субъектом основы, и можно говорить о «надстроенной / *greffée*» предикативности в добавок к главной *Entrant dans Grandson, ils découvrent les pendus du mercredi des Cendres* [Soisson Charles, 276]; 3) причастие выполняет функцию определения, образуя вторичную предикативность, связанную с основой предложения и включенную в нее *Le souffle s'engouffrant dans le wagon n'apportait aucune fraîcheur* [Makine Testament, 116] [Херсланд, 2000, с. 86-94] (перевод мой. – Г.Л.). По мнению И.Н. Кузнецова, *infinitive présent* обозначает одновременность или следование по

отношению к управляющему глаголу, а *infinitive passé* – предшествование по отношению к нему [Кузнецов, 2001, с. 146].

В русском языке проблема «смешанных» частей речи, таких как причастие, остается актуальной на настоящий момент. В.В. Виноградов считает, что причастия – это «поток форм», который идет непосредственно от глагола и внедряется в систему имен прилагательных. Он определяет причастия как «гибридные формы-слова», которые находятся в смешанной глагольно-именной зоне и, «входя в систему форм глагольного слова, они в той или иной мере тяготеют к отрыву от нее» [Виноградов, 1972, с. 59]. Наряду с проблемой частеречного статуса причастий, широко обсуждается их адъективация. Вместо современного варианта В.В. Виноградов предпочитал термин «окачествление». В причастии усиливается семантика качественности в результате ослабления его глагольной сущности. Причастие, по мнению И.В. Замятиной, сохраняет свою двойную семантическую и морфологическую сущность в любом контексте [Замятина, 2010, с. 12]. Говоря о синтаксических функциях причастий в русском языке, современные авторы отмечают, что, относясь к именам существительным, причастия являются в предложении определениями (согласуются с существительным в роде, числе, падеже).

Причастия считаются особыми глагольными формами, которые составляют периферийную часть глагольной системы. Их сущность заключается в непредикативной репрезентации, то есть в представлении значения действия при участии дополнительных (неглагольных) сем, в более ограниченном, по сравнению с личными формами, наборе грамматических (только непредикативных) категорий и в наличии неспецифических для глагола синтаксических функций (также непредикативных).

А.В. Бондарко, рассматривая структуру функционально-семантической категории темпоральности, утверждает: «Относительно периферийное положение данной подсистемы форм по отношению к центру поля обусловлено особыми, специализированными и более узкими синтаксическими функциями причастий – функциями, в которых совмещаются признаки второстепенного предиката и атрибута. По сравнению с предикатами, выраженными спрягаемыми глагольными формами, функциональная сфера зависимого компонента в составе полипредикативно-атрибутивного комплекса является более ограниченной» [Бондарко, 1999, с. 74]. Причастие всегда выступает в предложении как форма зависимой, вторичной предикации. Время, выражаемое причастием, так или иначе соотносится с временем, выражаемым личной формой, и в этом плане является относительным.

Временная локализация в причастиях координируется с временем, выражаемым сказуемым.

Парадигма относительного времени (зависимый таксис) причастий ограничена двумя компонентами – формами прошедшего и настоящего времен при отсутствии причастий будущего времени [Бондарко, 1999, с. 75].

По мнению С.А. Кузнецова, причастие обладает категорией зависимого таксиса, которая выражается в причастии морфологически – суффиксами причастий (при этом суффиксы выражают и другие грамматические значения). Причастие является в русском языке морфологизованным средством выражения относительного времени [Кузнецов, 2001].

В.С. Храковский рассматривает типы комбинаций финитных и нефинитных форм Ситуации, которые прототипически представлены глагольными формами и образуют таксисную пару. Одна из форм таксисной пары – зависимая – обозначает ситуацию, которая ориентирована относительно другой ситуации, другая форма – опорная (протипически независимая) – обозначает ситуацию, которая служит временным ориентиром для первой ситуации [Храковский, 2009, с. 56].

Следующая комбинация форм «нефинитная форма – финитная форма» используется для репрезентации воспринимаемой ситуации и ситуации восприятия. В приведенных примерах рассматривается только базовая реализация категории перцептивности, наличие которой признается только в случае глагольной репрезентации воспринимаемой ситуации, включая нефинитные формы предикации. Функционирование двух равнозначных предикатов для выражения категории перцептивности ограничено сложноподчиненными предложениями, в остальных случаях воспринимаемая ситуация представлена безличными формами глагола.

Одновременность двух ситуаций

1) *Danielle regardait des pêcheurs préparant leurs lignes et leurs filets* [Alexievitch, 2013, с. 34].

Даниель разглядывал рыбаков, готовящих свои сети и удочки [Алексиевич, 2013, с. 32].

2) *А когда на трибуну выходит Сахаров и я вижу его страдающие глаза, мне передается его боль и мне делаются понятны и близки его мысли и чувства* (НКРЯ. В. Гинзбург, Н. Крейтнер. Как недавно и, ах, как давно...).

3) *Я вижу его поющее лицо* (НКРЯ. С.И. Фудель. Воспоминания)¹.

¹ Здесь и далее в круглых скобках приводится ссылка на Национальный корпус русского языка (НКРЯ). Далее указывается источник цитирования.

4) ... я вижу его нахмуренные брови (НКРЯ. И.С. Шмелев. Лето Господне).

5) Я вижу его унылое лицо, жалкую улыбку, дрожащие руки (НКРЯ. М.М. Зощенко. Перед восходом солнца).

В примере (1) ситуация восприятия синхронна воспринимаемой ситуации, выраженной причастием настоящего времени. В примерах 2 – 5 представлена одновременность двух ситуаций благодаря использованию формы настоящего времени причастия и основного предиката. Синхронность ситуации восприятия и воспринимаемой ситуации морфологически выражена финитной и нефинитной формами настоящего времени.

Наблюдаемая ситуация выражается экспликацией предшествующей

6) *Je me retourne, et je vois derrière moi deux hommes éméchés* [Beigbeder, 2000, с. 94].

Оборачиваюсь – за спиной у меня два подвыпивших мужика [Алексиевич, 2013, с. 92].

7) *Я вижу его выглаженный белый халат* [В. Замкин. Тополиный пух] (НКРЯ).

8) *Но часто, думая о нем, я вижу его грузным, признанным* (НКРЯ. И.Г. Эренбург. Люди, годы, жизнь).

Причастие прошедшего времени в примере 6 выражает предшествовавшую ситуацию, тогда как под наблюдаемой ситуацией подразумевается результирующая ситуация. В примерах 7 и 8 объектом восприятия становится результирующее состояние, так как причастие прошедшего времени выражает предшествующую ситуацию. Диахронность двух ситуаций имплицитно указывает на наличие результирующей ситуации на момент восприятия.

Одновременность в будущем плане

9) *Et je ne parle pas des dépenses ni du préjudice moral subi par le spectateur quand il voit, traités à faux sur la scène, le meurtre, l'adultère ou la calomnie* (НКРЯ. А. Chekhov. Une banale histoire (Éd. Parayre)).

Не говорю уж о денежных затратах и о тех нравственных потерях, какие несет зритель, когда видит на сцене неправильно трактуемые убийство, прелюбодеяние или клевету (НКРЯ. А.П. Чехов. Скучная история (1889)).

10) *Этот подход наделал в свое время немало вреда у нас, и я вижу его процветающим на вашей планете* (НКРЯ. И.А. Ефремов. Час быка).

11) *Я вижу его входящим в редакционную комнату «Последних новостей»* (НКРЯ. Н.Н. Берберова. Курсив мой).

Последние примеры можно также трактовать как выражение синхронности в будущем плане. Осуществляется мысленный перенос воспринимающего ситуацию перцептора в будущее, в котором ему представляется воображаемая ситуация. Совпадение форм настоящего и у причастия, и у основного предиката предполагает их одновременность, но с ментальной трансформацией временного плана.

Инфинитивное придаточное предложение во французском языке – это конструкция, состоящая из неопределенной формы глагола, которая является дополнением к сказуемому главного предложения. Инфинитивное придаточное предложение служит дополнением к сказуемому, выражающему чувственное восприятие *voir, entendre, écouter, sentir, regarder* или выраженному глаголами *laisser, envoyer*, а также словам *voici, voilà*. Данный вид предложения употребляется без союзов, а глагол стоит в неопределенной форме. Подлежащее инфинитива одновременно является дополнением сказуемого главного предложения, как это можно наблюдать в примерах 12 и 15. По мнению И.Н. Кузнецовой, конструкции, называемые *propositions infinitives*, с глаголами чувственного восприятия могут быть трансформированы в сложноподчиненные предложения с придаточными изъяснительными. При отсутствии у инфинитива прямого дополнения возможны два порядка слов – препозиция и постпозиция: *J'entends Pierre jouer. = J'entends jouer Pierre* [Кузнецов, 2001, с. 146]. В.Г. Гак в качестве первичной функции инфинитива указывает «обозначение сопутствующего действия, которое показывает ... содержание процесса: *Je l'entends chanter une chanson*» [Гак, 2000, с. 390]. На русский язык придаточное инфинитивное предложение обычно переводится придаточным предложением.

12) *Je vois passer les secrétaires qui se remettent du rimmel* [Beigbeder, 2000, с. 46].

Повсюду секретариши-магдалины наводят торопливо красоту [Бегбедер, 2002, с. 45].

13) *Avant-hier dans la soirée, peu après huit heures, – le jour et l'heure, tu saisis? – je vois accourir un ouvrier peintre...* (НКРЯ. F. Dostoïevski. Crime et châtement (Él. Guertik)).

Прибежал-де ко мне повечеру, третьего дня, примерно в начале девятого, – день и час! вникаешь? – работник красильщик ... (НКРЯ. Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание).

14) *Or, ce matin, à huit heures, – c'est-à-dire le surlendemain, tu comprends? – je vois entrer Nicolas, pas à jeun mais pas très souï non plus et capable de comprendre une conversation* (НКРЯ F. Dostoïevski. Crime et châtement (Él. Guertik)).

А сегодня поутру, в восемь часов, – то есть это на третий-то день, понимаешь? – вижу, входит ко мне Миколай, не тверезый, да и не то чтоб очень пьяный, а понимать разговор может (НКРЯ. Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание).

15) *«Qu'est-ce qu'il croit, que je suis trop faible pour tender le bras?» pense Ivan Ilitch; il oublie de compter les atouts, coupe à tort ses cartes maîtresses et manqué le chelem de trois levées; et le pire, c'est qu'il voit souffrir Mikhaïl Mikhaïlovitch et que cela ne lui fait rien* (НКРЯ. L. Tolstoï. La Mort d'Ivan Ilitch (Fr. Flamant)).

«Что ж он думает, что я так слаб, что не могу протянуть далеко руку», – думает Иван Ильич, забывает козырей и козыряет лишний раз по своим и проигрывает шлем без трех, и что ужаснее всего – это то, что он видит, как страдает Михаил Михайлович, а ему все равно (НКРЯ. Л.Н. Толстой. Смерть Ивана Ильича).

В причастном обороте в русском языке предикативность выражается обособлением второстепенного члена предложения и является добавочной к основному высказыванию. Причастные обороты в русском языке обладают добавочной предикативностью и выражают относительное время. Пропозициональное содержание причастного оборота рассматривает С.Х. Захрай, разграничивая предикат основной пропозиции и предикат дополнительной, сопутствующей, или включенной пропозиции. Постпозитивность обычно предполагает смысловое и интонационное обособление оборота, что говорит о меньшей степени включенности выраженной причастным оборотом пропозиции в основную смысловую структуру данного предложения [Захрай, 1996, с. 11].

Синтаксическую синонимичность причастного оборота и сложноподчиненного предложения исследует Е.В. Шарина. Она пишет, что учет категориальных особенностей причастных оборотов помогает установить соответствие между причастием и синонимичным ему придаточным предложением, а именно глаголом-сказуемым, которому, в свою очередь, также присущи категории вида / способа глагольного действия, времени, залога (12, 17). Обособленные причастные обороты в постпозиции выражают одновременность в примерах 16 и 17 и результативное состояние – в примере.

16) *И через забор я вижу их, играющих в волейбол* (НКРЯ. В. Катаян. Прикосновение к идолам).

17) *...Когда я вспоминаю о нем теперь, я вижу его стоящим передо мной с большим букетом цветов ...* (НКРЯ. М. Толоконникова. Я тебя найду).

18) *Я вижу его лицо, ставшее вдруг таким белым, и стиснутые крепкие зубы* (НКРЯ. В. Некрасов. В окопах Сталинграда).

Таким образом, можно утверждать, что в обоих языках обязательное условие синхронности ситуации восприятия и воспринимаемой ситуации предполагает использование причастий и причастного оборота для временной актуализации тремя способами: 1) синхронность на актуальный момент времени; 2) синхронность в будущем временном плане; 3) диахронность при участии причастия прошедшего времени подразумевает восприятие результативной ситуации. Специфика французского языка состоит в наличии инфинитивных предложений.

Литература

Бондарко А.В. Основы функциональной грамматики. Языковая интерпретация идеи времени. СПб., 1999.

Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972.

Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. М., 2000.

Замятина И.В. Грамматика русского причастия: автореф. дис. ... докт. филол. наук М., 2010.

Захрай С.Х. Причастный оборот как знак пропозиции: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996.

Костюшкина Г.М. Систематика сложноподчиненного предложения во французском языке: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1991.

Кузнецов С.А. О категории репрезентации русского глагола // Исследования по славянским языкам. 2001. № 6.

Кузнецова И.Н. Сопоставительная грамматика французского и русского языков. М., 2009.

Левицкий Ю.А. Основы теории синтаксиса. М., 2005.

Лутфуллина Г.Ф. Сопоставительное исследование категории квантификационно-детерминированной полиситуативности в неродственных языках (на материале французского и татарского языков): автореф. дис. ... докт. филол. наук. Казань, 2011.

Храковский В.С. Типология таксисных конструкций. М., 2009.

Шарина Е.В. Причастные обороты и их синонимы в немецком языке в сопоставлении с русским языком: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2004.

Herslund Michael. Le participe présent comme co-verbe. [Электронный ресурс]. URL: http://www.persee.fr/doc/lfr_0023-8368_2000_num_127_1_1000.

Fayol Michel, Pacton Sébastien. L'accord du participe passé: entre compétition de procédures et récupération en mémoire. [Электронный ресурс]. URL: http://www.persee.fr/doc/lfr_0023-8368_2006_num_151_3_6774.

Kindt Saskia. Le participe présent en emploi adnominal comme prétendu équivalent de la relative en qui. [Электронный ресурс]. URL: http://www.persee.fr/doc/lgge_0458-726x_2003_num_37_149_2432.

Список источников

Алексиевич С.В. Время секунд хэнд. М., 2013.

Бегбедер Фр. 99 франков (пер. И. Волевич). М., 2002.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.

Alexievitch S.V. La fin de l'homme rouge ou le temps du désenchantement. Sophie Benech, 2013.

Beigbeder Fr. 99 francs. Paris, 2000.

О КОММУНИКАТИВНОМ СТАТУСЕ ОБРАЩЕНИЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ПРОЗЫ)

Н.С. Сухорукова

Ключевые слова: обращение, речевой акт, коммуникативная ситуация, дискурс, прагматическое содержание.

Keywords: vocative, speech act, communicative situation, discourse, pragmatic content.

Подход к языку как к средству коммуникации привел к тому, что в лингвистические исследования был включен прагматический аспект, который отражает коммуникативное предназначение языковой единицы, ее применение адресантом как средством действия, влияния и взаимодействия, а также ее сопоставимость с образом действий говорящего и адресата в определенной коммуникативной ситуации.

В последние десятилетия в рамках развивающейся антропоцентрической научной парадигмы обращение рассматривается как коммуникативный акт, речевое действие, единица речевого этикета. В исследовании обращения наметилось движение от системно-грамматического подхода к деятельностно-прагматическому.

Новое в трактовку обращения было внесено из теории речевых актов. В теории речевых актов основной единицей языковой коммуникации является речевое действие, вследствие этого речевые акты рассматриваются как акты целенаправленной деятельности.

В работе Н.И. Формановской обращение трактуется как речь, которая равна действию: «называя, зову адресата для того, чтобы спросить о чем-то, или побудить к чему-то, или сообщить о чем-то» [Формановская, 2004, с. 116]. Обращение – не слово, не лексическая единица языка, это обращенная к адресату коммуникативная единица, «то есть своеобразное речевое действие (речевой акт)» [Формановская, 2004, с. 138].

В классификации коммуникативно-интенциональных типов высказываний, разработанной Д. Вундерлихом, обращение выделяется в самостоятельный тип высказывания – вокативный. Д. Вундерлих считает именно вокатив первичным речевым актом в силу того, что такое высказывание управляет вниманием действующих лиц [Wunderlich, 1976]. Д. Вундерлих определяет интенцию говорящего как желание привлечь или поддержать внимание слушающего или побудить его к действию, тем самым он подчеркивает зависимость вокатива от текста в целом и отводит речевым актам вокативного типа особое место. Он считает, что они в своей основе инициативны. Их единственная цель в том, чтобы привлекать или поддерживать внимание адресата [Wunderlich, 1976]. На этом основании обращение анализируется не только как номинативный, но и как коммуникативный элемент языковой системы. В процессе общения основной функцией обращений является интенциональная функция – вокативная, ее коммуникативная сущность заключается в установлении или поддержании контакта с адресатом [Wunderlich, 1976], например:

1. «... *Denn seht, Kinder, das Christentum will erfahren sein, das ist die Hauptsache*» (Fontane Theodor, 24)¹.

В данном примере, разговаривая с детьми о библии, пастор поддерживает с ними контакт тем, что в одно и то же время называет и зовет адресата (Kinder), привлекая внимание детей обращением к ним.

Как упоминалось выше, обращения обладают общей семантической функцией – называть адресата речи, благодаря чему они маркируют социальные отношения, устанавливаемые в рамках коммуникативного акта, и их употребление свидетельствует об определенной ситуации общения и об определенных социальных отношениях в ней [Рыжова, 1981].

Для исследования обращения на элементе дейктического поля значимым является анализ окружения, в котором проявляются сущностные свойства обращения. Данная задача может быть решена в анализе обращения как элемента текста (дискурса) [Дорофеева, 2005]. Выбор обращения подчиняется принципам развертывания дискурса. Учитываются общепринятые правила этикета и коммуникативные максимы. Успешность выбора обращения связана с прагматической уместностью выбранной формы обращения. Если форма обращения

¹ Здесь и далее в круглых скобках дана ссылка на анализируемые источники с указанием страниц цитирования.

соответствует коммуникативной ситуации, социальному статусу адресата и его интенции, то речевой акт будет успешным, например:

2. «*Vielleicht wäre es da am besten, gnädige Frau, ich nehme eine allgemeine Untersuchung vor...*» (Zweig Stefan, 45).

В роли обращения в примере 2 используется общепринятое обращение к женщине с учетом социального и возрастного признака. Здесь обращение используется в обычной функции, то есть служит для привлечения внимания к объекту обращения и по форме является устойчивым шаблонным выражением, принятым в обществе.

Речевой акт всегда выступает частью дискурса, то есть речи, которая погружена в жизнь и включен в процесс живого общения индивидов [Дорофеева, 2005]. Обращение всегда целенаправленно и соотносено с конкретной социальной обстановкой. Дискурс ведут субъекты коммуникативной деятельности, они принимают на себя те или иные коммуникативные роли. Следовательно, от субъектов-говорящих зависит выбор формы обращения и реализация определенной речевой стратегии для достижения своих интенций. Реализуя себя как элемент дискурса, обращение напрямую связано с темой, регистром, принципами ведения диалога, вежливостью, иронией и другими параметрами дискурса.

Язык и дискурс – это, по сути, две ипостаси одного и того же объекта. Язык виртуален, дискурс актуален. Язык воспроизводит себя в дискурсе. Реальный модус существования языка – его манифестация в речевых произведениях. Следовательно, именно в дискурсе реализуются прагматический потенциал обращения и все его функции.

В речи обращения получают дополнительную индивидуализацию потому, что наполняются содержанием, которое включает в себя знание коммуникантов об объекте, который они называют, в том числе и субъективное отношение к нему. Это происходит потому, что «связано с индивидуальными свойствами коммуникантов, их личными качествами и системой связей и отношений с обозначаемым объектом» [Шенкнехт, 2007, с. 12]. Но несмотря на индивидуальные различия, у коммуникантов «возникает образ с более или менее общими характеристиками, что позволяет идентифицировать объект, в противном случае акт коммуникации был бы бессмысленным» [Шенкнехт, 2007, с. 12].

Говорящему нужно постоянно вести отбор языковых средств «в соответствии с избранной стилистической тональностью текста, ориентируясь не только на адресата, но и на ситуацию общения в целом, на официальность или неофициальность обстановки» [Формановская, 2004, с. 30]. К языковым средствам, которые

ориентированы на коммуникативно-прагматические рамки общения, мы относим обращение. Обращение обозначает того, кому направлена речь, в силу своей основной, фатической, функции, однако при этом в назывании отражаются и социальные признаки адресата, и оценка говорящим того, кто назван обращением. Анализ фактического материала дает основания говорить о том, что адресант не всегда выбирает номинации в соответствии со стилистической тональностью текста.

В примерах 3, 4 происходит разговор родителей с сыном, что подразумевает неофициальность обстановки, но говорящие используют официальную номинацию, чтобы выделить особым образом свое недовольство сыном при помощи переключения речевых регистров.

3. «*“Wo hast du eigentlich geangelt” – “Im – im See” – “Im See? Sag mal, bist du von allen guten Geistern verlassen? Du weißt, dass es da jetzt verboten ist. Mein Gott, wenn dich einer gesehen hätte. Ich darf nicht dran denken. ...Halt die Klappe. Noch einmal, mein Herr Sohn, dann knallt’s. Mehr brauch ich dir wohl nicht zu sagen”*» (Grün Max von der, 19).

4. «*Lodemanns waren nicht erstaunt, die Kinder im Garten zu finden. Frau Lodemann sah nur einmal prüfend über den Frühstückstisch und sagte dann: “Verehrter Herr Sohn, wenn du demnächst wieder vor uns aus dem Haus gehen solltest, dann möchte ich am Abend vorher Bescheid wissen”*» (Grün Max von der, 44).

Два близких человека могут называть друг друга ласково, но в зависимости от ситуации подтекст может не совпадать с поверхностной семантикой обращения.

5. «*“Auerbach”, meldete sich Albert, ganz der Herr Doktor. “Ach du bist es”, sagte er. Ich wollte gerade in die Küche, als ich Albert sagen hörte: “Woher hast du meine Telefonnummer?” ... Interessant. Interessant. “Wer war das?” fragte ich. “Kennst du nicht”, Albert grinste unverschämt. Dann sagte er: “Wann kriegst du dich wieder ein, mein Zuckerlämmchen?”*» (Heller Eva, 27).

В данном примере ласковое обращение *Zuckerlämmchen* (дословно «сахарный ягненок») употреблено с иронией и не указывает на любовное отношение к собеседнику. Основанием такой интерпретации является контекст, где Альберт спрашивает девушку, с которой он прожил несколько лет: «*Wann kriegst du dich wieder ein?*» (когда же ты придешь в себя?), при этом нагло ухмыляется (*Albert grinste unverschämt*).

Лингвистический принцип асимметричных отношений между формой и содержанием языковых знаков восходит к С.О. Карцевскому,

который писал, что «знак и значение не покрывают друг друга полностью» [Карцевский, 1965, с. 85]. Один и тот же знак может иметь несколько функций, а одно и то же значение может выражаться несколькими знаками. Как мы знаем, язык должен быть средством общения всех людей, но и для каждого человека он должен быть средством выражения самого себя, своей индивидуальности, ведь «индивидуальное не может быть сведено к социальному» [Карцевский, 1965, с. 85].

Несоответствие формы и содержания обнаруживаются в коммуникативных ситуациях, в которых отношение говорящего к адресату идет вразрез с социальными ролями участников общения. В примере 6 мужчина обращается к незнакомой пожилой женщине *mein Kind*, но ни местоимение *mein*, ни существительное *Kind* не отражают прямого значения, а указывают на субъективное отношение автора речи – доброжелательность по отношению к адресату.

6. *«Nein, geh nach Hause, mein Kind, gib dir keine Mühe und vertu nicht dein Geld»* (Zweig Stefan, 193).

Распространитель *mein* при обращении является свидетельством субъективного отношения.

7. *«Endlich war sie mit Zählen und Verteilen fertig. Sie sah Friedrich herausfordernd an und sagte: "So wirts gemacht, mein Held, nicht anders. Nicht wie ein Muttersöhnchen nach Hause laufen und sagen: Nehmt mir das Geld ab, es brennt, es brennt..."»* (Grün Max von der, 84).

В примере 7 героиня посчитала и разделила найденные деньги, взглянула вызывающе на Фридриха и сообщила, что именно так нужно делать, назвав его героем (*mein Held*). В роли обращения данное существительное получает оценочную коннотацию, указывающую на субъективное отношение говорящего к адресату.

М.А. Кронгауз предлагает рассматривать обращение в двух аспектах: как точку взаимодействия людей, которые участвуют в общении, и как своего рода инструмент воздействия на адресата, что иногда является более сильным и эффективным, чем само сообщение [Кронгауз, 1999]. В связи с этим особый интерес представляют обращения, которые нарушают стандартные условия их употребления, и порождают различные прагматические эффекты. Об этом свидетельствуют вышеприведенные примеры.

В речи регулярно возникают окказиональные именованья. Они появляются в определенных ситуациях при определенных обстоятельствах. Человек совершает какие-либо поступки, которые в данной ситуации могут быть причиной употребления того или иного обращения. Так, в примерах 8, 9 Фридриха использует обращения *du*

Naturereignis и du Neunmalkluger в соответствии с поведением Фридриха.

8. «*Was soll ich machen, ich kann nichts dagegen tun, Rike, ich liebe dich nun mal. Das ist wie ein Naturereignis*».

Da war es plötzlich so still, als wehe selbst der Wind nicht mehr. Endlich sagte Friederike leise: "Wenn du das noch einmal sagst, werde ich bestimmt kein Wort mehr mit dir sprechen. Dann ist es aus zwischen uns, du Naturereignis"» (Grün Max von der, 78).

9. «*Als er saß, stand sie auf und zog den Karton aus dem Sack.*

"So, und jetzt paß mal auf, du Neunmalkluger. Du hast doch hoffentlich nicht im Ernst daran geglaubt, dass ich das schöne Geld unseren lieben Mammis und Pappis in den Schoß werfe..."» (Grün Max von der, 83).

Исследовательский языковой материал позволяет сделать заключение о том, что семантическая структура обращения как коммуникативной единицы может быть раскрыта лишь с учетом речевой (коммуникативной) ситуации – совокупности социальных, психологических и лингвистических условий общения, которые определяют прагматические правила выбора и употребления обращений. По сути, речевая ситуация является позицией, в которой актуализируются или нейтрализуются те или иные признаки обращения. Обращение не только обозначает того, кому оно адресовано, в нем отражаются социальные признаки адресата и оценка адресанта. Регулярная воспроизводимость обращения в коммуникативной ситуации приводит к тому, что такие компоненты ситуации, как тип адресанта и адресата, обстановка общения, способ общения, тональность, цель и мотив общения закрепляются ассоциативными связями в семантической структуре обращения, формируя, тем самым, прагматическое содержание, которое обращение вносит в речевой акт.

Литература

Дорофеева И.В. Английское обращение в системе языка и в дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2005.

Карцевский С.О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // История языкознания 19 века в очерках и извлечениях. Ч. 2. М., 1965.

Кронгауз М.А. Обращения как способ моделирования коммуникативного пространства // Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке. М., 1999.

Рыжова Л.П. Коммуникативно-функциональная лингвистика. Лингводидактика. Лингвострановедение // Лингвострановедение: методы анализа, техника обучения. М., 2010.

Рыжова Л.П. Коммуникативные функции обращения // Семантика и прагматика синтаксических единств. Калинин, 1981.

Формановская Н.И. Культура общения и речевой этикет. М., 2004.

Шенкнехт Т.В. Прагматический потенциал антропонимических номинаций. Барнаул, 2007.

Список источников

Fontane Theodor. Ellernklipp. [Электронный ресурс].
URL: <http://artefact.lib.ru/library/fontane.htm>.

Grün Max von der. Friedrich und Friederike oder ist das schon die Liebe? Reinbek bei Hamburg, 1985.

Heller Eva. Beim nächsten Mann wird alles anders. Frankfurt am Main, 1987.

Korschunow Irina. Die Sache mit Christoph. München, 1995.

Wunderlich D. Studien zur Sprechakttheorie. Frankfurt am Main, 1976.

Zweig Stefan. Brief einer Unbekannten. Moskau, 2004.

ФРАКТАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ САМООРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТОВОГО ПРОСТРАНСТВА СИНТАКСИЧЕСКОЙ КОНВЕРГЕНЦИИ

Г.Ф. Коваленко

Ключевые слова: синтаксическая конвергенция, параллелизм, лингвосинергетика, фракталы, фрактальная модель самоорганизации «цветок», текстовое пространство.

Keywords: syntactical convergence, parallelism, linguo-synergetics, fractals, the “flower” self-organization model, textual space.

Группу из нескольких совпадающих по функции элементов, объединенных одинаковым синтаксическим отношением к подчиняющему их слову или предложению, называют синтаксической конвергенцией [Арнольд, 2002, с. 256]. Синтаксическую конвергенцию могут образовывать однородные определения, обстоятельства, подлежащие, сказуемые и т.д., при этом они могут без изменения грамматического смысла соединяться союзами или просто следовать друг за другом. Конвергенция может быть создана и единицами другого уровня, например, придаточными предложениями в составе сложноподчиненного предложения. К синтаксической конвергенции следует отнести и

перечислительные предложения, то есть бессоюзные сложные предложения, состоящие из ряда однородных сочиненных предложений [Арнольд, 2002, с. 257]. И.В. Арнольд рассматривает синтаксическую конвергенцию как один из видов повтора. Поскольку синтаксическая конвергенция нередко осложняется другими стилистическими приемами: повтором, параллельными конструкциями, многосоюзием, анафорой, аллитерацией и т.д., она нередко дает стилистическую конвергенцию [Арнольд, 2002, с. 257].

Целью данного исследования является рассмотреть синтаксическую конвергенцию в лингвосинергетическом аспекте и выявить модели самоорганизации фракталов в текстовом пространстве синтаксической конвергенции.

Фрактальность дискурсивного пространства исследуется в работах С.Н. Плотниковой [Плотникова, 2011, с. 126–135], синергетические механизмы реализации интердискурсивных отношений рассмотрены в работах Н.С. Олизько [Олизько, 2010, с. 66–79], возможности применения дискретной фрактальной парадигмы в исследованиях по метафоре проанализированы С.А. Хахаловой [Хахалова, 2008, с. 96–101].

Синтаксическую конвергенцию следует отнести к композиционно-речевым способам организации языкового материала, таким, как прием контраста, прием градации, прием параллелизма и т.д. [Крылова, 2006, с. 234–129]. Эти приемы часто совмещаются, взаимодействуют друг с другом. Их можно охарактеризовать как единицу текста, в которой происходит слияние плана языкового выражения и плана содержания [Крылова, 2006, с. 240].

С точки зрения лингвосинергетики синтаксическую конвергенцию мы позиционируем как диссипативную структуру (диссипация – рассеивание). Процесс возникновения диссипативных структур исследователи объясняют следующим образом. Когда система находится в состоянии равновесия, ее элементы ведут себя независимо друг от друга. Но если под воздействием окружающей среды система переходит в неравновесное, «возбужденное» состояние, элементы такой системы начинают действовать согласованно. Между ними возникают корреляции, когерентное взаимодействие, результатом которого является диссипативная структура. Именно «совместное действие» элементов диссипативных структур характеризует процессы самоорганизации, рождения новых смыслов [Муратова, 2012, с. 17].

Понятие фрактала и фрактальности вошли в науку благодаря открытию Б. Мандельброта, который ввел термин «фрактал» (от лат. *frangere* – «разрывать», «дробить» и *fractus* – «неровный», «прерывистый»). Отсюда фрактал (*fractal*) – «нерегулярный фрагмент» и фрактальность – «способность распадаться на нерегулярные фрагменты» [Mandelbrot, 1982, p. 4]. «Фракталом называется структура, состоящая из частей, которые в каком-то смысле подобны целому» [Хахалова, 2008, с. 96]. По определению С.Н. Плотниковой, фрактал, – «это такая часть целого, которая структурно подобна каждой другой части и всему целому. В свою очередь, фрактальность – это рекуррентно-итерационный алгоритм, благодаря которому образуется фрактальное множество – множество самоподобных структур» [Плотникова, 2011, с. 127]. В основе фрактала лежит понятие самоподобия – подобия элемента множества самому множеству. Фрактальная парадигма из естественных наук стала проникать в гуманитарные науки.

Исходя из теории фрактальности дискурса, можно предположить, что текстовое пространство, являясь его частью, организуется по принципу итерации и рекуррентности, следовательно, визуальное заполнение текстового пространства синтаксической конвергенции можно представить в виде определенной фрактальной модели. Понятие «фрактал» используется для обозначения нерегулярных, но самоподобных структур. Согласно теории о бесконечной вложенности материи (фрактальной геометрии), фрактал является одним из способов представления сложных неевклидовых объектов, образы которых весьма похожи на природные [Хахалова, 2008, с. 96]. Исследователями описаны такие модели фрактальной самоорганизации, как «концентрические круги», «ризома», «спираль», «дерево» [Олизько 2010; Хахалова, 2008]. В основе организации фрактальных структур лежит динамическая симметрия, характеризующая рост и развитие [Олизько, 2010, с. 68].

Обратимся к материалу исследования, в качестве которого выбран очерк американского писателя И. Стоуна «California». Рассмотрим контекст, в котором автор перечисляет известных людей, когда-то прибывших в штат Калифорния и их маршруты:

1) *«How would you like to enter California? From what direction, in what area of time? By Spanish ship with Cabrillo in 1542, around the Horn in an English ship with Drake in 1579, on foot from lower California in 1769 with Padre Junipero Serra, by foot and horseback with Captain Juan Bautista de Anza from Mexico in spring of 1774; down from the Bering Strait in a Russian ship to found Fort Ross in 1812, to remain*

untill1841 and then sell out just the discovery of gold; into the harbor of San Diego with Richard Henry Dana (Two years Before the Mast) in 1834, or in the hundreds of ships that sailed through the Golden Gate Strait into San Francisco Bay, true womb of California, with the thousands of gold miners in 1850?» (Stone, p. 157)¹.

Данное текстовое пространство синтаксической конвергенции состоит из параллельных конструкций – фракталов, структурно и семантически подобных друг другу и всему целому. И.Р. Гальперин рассматривал параллельность синтаксических конструкций как прием интеграции отдельных высказываний, где обязательная взаимосвязь смысловых отношений между частями параллелизма (обобщенная информация) находится вне зависимости от их конкретного наполнения [Гальперин, 2005, с. 168–169]. Параллельные конструкции в данном контексте выделяют цепочку семантически близких словосочетаний (*by ship ...with ... in ...; on foot ...with ... in ...; by foot and horseback ... with ... in ...; in a Russian ship ...with ... in...; in the ships ... with ... in ...*), репрезентирующих средства передвижения, имена известных людей и даты. При этом каждый элемент синтаксической конвергенции, вызывая у читателя определенные ассоциации, связанные с историей штата Калифорния, становится точкой бифуркации, под которой понимают «смысловое ветвление» [Муратова, 2012, с. 18]. Они имплицитно несут важную историческую и эмоциональную информацию. Такие дискурсивные включения, отражающие реалии жизни, являются источником глубинных смыслов, которые могут быть интерпретированы следующим образом: *California can boast its history; California is proud of the people who contributed to its history, Californians remember their history and people who opened new lands.*

Пространство конвергированного текста в данном примере можно образно представить в виде фрактальной модели «цветок», где каждый лепесток структурно и семантически подобен другому, все они формируются вокруг семантического аттрактора *people who once came to California*. Такая локализация параллельных конструкций в пространстве стилистической конвергенции отмечает нагнетаемое развитие речи. Визуальное описание структуры пространства стилистической конвергенции облегчает представление о достаточно сложном содержательном целом, поскольку помогает представить повторяющиеся самоподобные элементы (семантические фракталы),

¹ Здесь и далее в круглых скобках дана ссылка на анализируемый источник – очерк американского писателя И. Стоуна «California» с указанием страницы цитирования.

увидеть принцип подобия частей, удерживающих инвариантный смысл *people who once came to California to leave their traces* в рамках текстового пространства синтаксической конвергенции.

Рассмотрим следующий пример пространства синтаксической конвергенции, которое можно образно представить фрактальной моделью «цветок», где каждый «лепесток» является симметричным отображением других:

2) *«The Californian offers equally astonishing contrasts: he came during the gold rush in a flash flood of humanity representing almost every race on earth: the Italians in the Sonoma and Napa valleys, the Americans around Fresno, the Chinese of San Francisco and Sacramento Valley, the Germans around Sunland, the Scandinavians in the lumber towns and around Twin Peaks, the Japanese wherever flowers and vegetables will grow, the Portuguese and Finns of the northern fishing villages, so like the rugged coast of Wales; as well as the thousands of New Englanders, New Yorkers, Pennsylvanians, Southerners»* (Stone, p. 156).

Текстовое пространство заполнено параллельными конструкциями, в которых можно выделить одинаковые синтаксические отношения между компонентами и одинаковое расположение компонентов синтаксических конструкций (словосочетаний). Синтаксические фракталы самоподобны, их объединяет общность строения, одинаковые синтаксические отношения и единая усилительно-выделительная функция.

Визуально такое заполнение пространства конвергенции фракталами (контактным синтаксическим параллелизмом) также можно представить в виде модели «цветок», где каждый лепесток (фрактал) репрезентирует «растиражированный» смысл *the Californian offers equally astonishing contrasts*. Обращает на себя внимание и нестандартная сочетаемость лексем: *the Italians in the Sonoma and Napa valleys; the Chinese of San Francisco and Sacramento Valley; the Germans around Sunland; the Scandinavians in the lumber towns and around Twin Peaks*), актуализирующих смысл *astonishing contrasts*. Семантические фракталы, репрезентированные параллельными конструкциями, группируются вокруг данного семантического аттрактора.

Появление новых смыслов в текстовом пространстве синтаксической конвергенции происходит по схеме, описанной Е.Ю. Муратовой [Муратова, 2012, с. 26]: в результате наложения двух фракталей: «жизненная реалья, отраженная в тексте» и «позиция автора по отношению к описываемой реальности». И. Стоун ситуацию,

когда калифорнийцами считают себя и китайцы, и итальянцы, и португальцы, и немцы, называет *amazing contrasts*. В сочетаниях: *the Italians in the Sonoma and Napa valleys, the Chinese of San Francisco and Sacramento Valley, the Germans around Sunland, the Scandinavians in the lumber towns and around Twin Peaks* мы наблюдаем семантически несогласованные элементы, это происходит за счет нарушения узуса. С точки зрения логики, китайцы, итальянцы, немцы и т.д. не должны называть себя «калифорнийцами», отсюда следует, что представленные сочетания воспринимаются как оксюморон, раскрывающий противоречивость описываемого.

Параллелизм взаимодействует с асиндетоном, намеренным опущением союзов при перечислении, в результате чего создается ощущение «большой гармонии ритмомелодической и архитектурной» [Сковородников, 2005, с. 68].

Обратимся к следующему примеру текстового пространства синтаксической конвергенции, которую образует ряд сочиненных предложений:

(3) «*One measure of people is how much they dare, and Californians have dared greatly: Isadora Duncan revolutionized the dance; Frank Norris (we consider any man who has lived here for five years as a true Californian, though of course not with all of the privileges pertaining to the native) liberated the American novel from sentimentality to realism; Jack London blueprinted the coming world of authoritarianism; Gertrude Stein released the American language from its outmoded word-forms; Luther Burbank created edible cactus, plumcots, stoneless prunes; John Muir, the naturalist, saved Yosemite and some hundred million acres of forest reserves for the nation; Upton Sinclair, at sixty, began an eleven-volume historical novel*» (Stone, p. 156-157).

Контактный синтаксический параллелизм, в котором элементами выступают предложения с бессоюзной связью, выступает в качестве доминантного конститутивного принципа, который подчинен смысловому содержанию. Динамичное перечисление известных людей, которые внесли вклад в историю штата, создает впечатление быстро следующих одно за другим действий, при этом все эти действия равноценны и в совокупности интенсивно актуализируют смысл *Californians have dared greatly (dare – be brave enough to do something difficult or dangerous* [Hornby, 1988]).

Метафоры и перифразы с глаголами *revolutionize, liberate, blueprint, release* семантически связаны общим смыслом *to produce a great change (revolutionize – to produce a very great change or complete change in something; liberate – to release from control, duties, limits;*

release – to give freedom to someone [CDAE, 2000]). Рождение новых смыслов проявляется на синтаксическом уровне, в результате нестандартной сочетаемости лексем: *revolutionized the dance; liberated the American novel; released the American language from its outmoded word-forms*. Взаимодействие лексем рождает новые смыслы: *there are many people who revolutionized the culture of the state; Californians are proud of people who showed no fear of dangerous or difficult things*.

Далее проанализируем фрактальную структуру текстуального пространства синтаксической конвергенции в следующем примере, где автор поясняет, почему жить в Южной Калифорнии приятно:

4) «*What is the effect of living in Southern California, through whose communities are spread the thousands of people engaged in the motion-picture industry? It is a pleasant one: the man going past you on the Freeway in an open convertible is Robert Taylor; the little fellow sitting next to you at the Coliseum, watching the Rams football game in a weird sweater and snow cap, is Mickey Rooney; the attractive woman with the bold streak of gray, putting her child on the train in Glendale for summer camp, is Joan Crawford; the girl at the next table at Wil Wright's having an ice cream soda is Marilyn Monroe*» (Stone, p. 166).

Синтаксический параллелизм образован элементами, удерживающими в рамках целого пространства конвергенции смысл *It is pleasant to live here because you can meet a lot of famous actors*. На основе словарно-лексической структуры параллельных конструкций возникают следующие смыслы: *it is pleasant to meet a celebrity by chance; there are many chances to meet celebrities in the Southern California; the life of celebrities has much in common with yours*. Рождение этих смыслов проявляется в результате нестандартной сочетаемости лексем. Более привычно видеть звезд на экранах, на кинофестивалях, на красных дорожках. Автор перечисляет обычные места и ситуации, где вы часто можете повстречаться со звездами, если вы находитесь в Южной Калифорнии (*on the Freeway in an open convertible; sitting next to you at the Coliseum; watching the Rams football game in a weird sweater and snow cap; putting her child on the train in Glendale for summer camp; at the next table at Wil Wright's having an ice cream soda*).

Важное значение для образования глубинных смыслов в пространстве синтаксической конвергенции имеют дискурсивные включения, каждое предложение отражает культурные реалии - имена звезд Голливуда (*Robert Taylor, Mickey Rooney, Joan Crawford; Marilyn Monroe*).

Фрактальная модель самоорганизации «цветок» репрезентирует не только самоподобные друг другу фракталы (листочки), но и ту часть,

которая дает семена, символизирующие дальнейший путь развития. Речь идет о возможности привлекать к интерпретации текстового пространства практически неограниченное число смысловых элементов как вариантов интерпретации текста. В связи с этим уместно привести слова Ф. Хоанга о том, что «имплицитное содержание высказывания, как и содержание мысли, практически не имеет пределов и ничем не ограничено. В поисках имплицитного содержания высказывания каждый слушатель может проводить внутренний диалог каким-то своим, отличным от других способом, но всегда с учетом эксплицитного содержания, контекста и коммуникативной ситуации» [Хоанг, 1985, с. 399-400].

Таким образом, рассмотренные текстовые пространства синтаксической конвергенции заполнены фракталами (параллельными конструкциями), с помощью которых «тиражируется» один и тот же смысл: развивается первоначальная идея или сближаются различные смыслы с целью выявления их общности. Фрактальная самоорганизация синтаксической конвергенции, основанной на синтаксическом параллелизме, может быть визуально репрезентирована в виде модели «цветок». В очерке контекст реальной жизни является значимым элементом непосредственного создания и восприятия смыслов, одним из источников бифуркации.

Литература

- Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. М., 2002.
Гальперин И.Р. Избранные труды. М., 2005.
Крылова О.А. Лингвистическая стилистика. М., 2006.
Муратова Е.Ю. Лингвосинергетика поэтического текста. М., 2012.
Олишко Н.С. Синергетические механизмы реализации интердискурсивных отношений // Вопр. когнитивной лингвистики. 2010. №1.
Плотникова С.Н. Фрактальность дискурса как новое лингвистическое понятие // Вестник ИГЛУ. 2011. №3 (15).
Сковородников А.П. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты. М., 2005.
Хахалова С.А. Возможности применения дискретной фрактальной парадигмы в исследованиях по метафоре // Вестник ИГЛУ. 2008. №4.
Хоанг Фэ. Семиотика высказывания // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16.
CDAE – Cambridge Dictionary of American English. New York, 2000.
Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford, 1988.
Mandelbrot B. The Fractal Geometry of Nature. San Francisco, 1982.

Список источников

Stone I. California // The Irving Stone Reader. New York, 1963.

ЗАМЕТКИ ОБ ИНТЕРНЕТ-РЕЦЕНЗИИ КАК ОБЪЕКТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

С.А. Медведев

Ключевые слова: интернет-рецензия, интернет-коммуникация, развитие жанра.

Keywords: Internet-critique, Internet-communication, development of the genre.

С появлением в Интернете рецензия, как и многие традиционные жанры, преобразилась, став более вариативной.

Своеобразным наследником классической (профессиональной, качественной) рецензии служит вариант жанра, который функционирует в электронных СМИ (в том числе и имеющих печатный аналог) и на просветительских ресурсах. Такую рецензию часто называют «толстожурнальной» (по аналогии с рецензиями, публикуемыми и публиковавшимися в специализированных печатных изданиях). Номинация отражает и основную форму существования рецензии ранее, и среду, в которой проходило формирование ее как жанра.

«Толстожурнальную» рецензию сложно представить без «критика», который, в самой общей формулировке, является квалифицированным специалистом, на профессиональной основе занимающимся написанием аналитических материалов относительно произведений искусства. Фигура рецензента (критика) как персонафицированного непредвзятого профессионала – неотъемлемая часть данного типа рецензии.

Следующий обязательный элемент профессиональной рецензии – наличие издательства, заботящегося о своей репутации, осуществляющего активную редакторскую политику и т.д. Если в начале массового распространения Интернета высказывались мнения, что многие традиционные жанры могут прекратить существование, то на данный момент исследователи склонны считать, что жанры преимущественно трансформируются под действием новой коммуникативной среды. Подобное явление можно наблюдать в том числе и на примере рецензии как жанра критики, существенно расширившего возможности для взаимодействия с аудиторией. Сокращение тиражей, наряду со многими печатными СМИ, коснулось и изданий, публикующих профессиональные рецензии. Однако рецензия продолжает

функционировать на традиционных бумажных носителях, пусть и в меньшем объеме, что, как нам кажется, было компенсировано широким распространением жанра в интернет-коммуникации.

Отметим еще один важный аспект – дистанцию между рецензентом и автором рецензируемого текста. Так как рецензии, по большей части, призваны освещать актуальный литературный процесс, чаще всего авторами текстов, относительно которых пишутся рецензии, являются современники критиков и читателей. При этом сегодня можно говорить об изменении самого характера коммуникации между автором, читателем и рецензентом: «вне Интернета ... направление этой коммуникации в литературе было практически односторонним: Автор художественного текста знакомился с реакцией на текст только посредством “читательской” почты ... или рецензий, написанных профессиональными критиками» [Медведев, 2015, с. 125]. В Интернете дистанция между коммуникантами по-прежнему присутствует, но автор текста зачастую может ознакомиться с рецензией, критик же может адресовать автору конкретные вопросы и получить на них ответы.

Итак, первый вариант рецензии (рецензия «толстожурнальная», профессиональная, традиционная) является эволюционировавшей формой критического жанра, сохранившей в разной степени свою каноничность, качественность и требовательность к квалификации рецензента.

Большее распространение в Интернете получил другой вариант рецензии, лучше отражающий особенности жанров интернет-коммуникации (см.: [Чувакин, Шмаков, 2010]). В результате трансформации рецензии, «менее требовательные к высказыванию о литературе, сетевые издания называют рецензией не только объемные аналитические тексты, но и малые формы критики, близкие к отзыву и комментарию. ... Синтетическая природа жанра допускает смешение функциональных стилей, стилистическая раскованность авторов – произвольность оценок и словотворчество» [Молитвинова, 2016, с. 110]. Подобная «сетевая» критика соотносится с понятием «газетной» рецензии, представленной преимущественно в неспециализированных изданиях.

«Газетные» рецензии отличаются меньшим объемом, вследствие чего ее можно соотнести с предложенным Тертычным [Тертычный, 2000] определением мини-рецензии, основанной прежде всего на оценке, отзыве. Главная ее задача – дать читателю представление о том, стоит ли знакомиться с объектом рецензирования. Для рецензии характерно усиление оценивающей составляющей, на которую

указывают многие исследователи (см.: [Башкатова, 2012; Зинова, 2013]), вследствие чего возникают рецензии-отзывы, мини-рецензии, рецензии-рекомендации и рекламные рецензии.

Одна из реализаций «газетной» рецензии имеет место на тематических сайтах, где рецензентами становятся пользователи независимо от степени профессионализма, что существенно расширяет понятие «критик». На подобных сайтах пользователи могут стать рецензентами, высказывающими свое мнение как относительно произведений современников (что характерно для «толстожурнальной» критики), так и относительно произведений авторов прошлых эпох. Если в последнем случае автора и читателя разделяет еще и время, то при анализе текстов современников автор может ознакомиться с читательским мнением, получив «отклик» на свое творчество. Пример сетевых ресурсов, на которых реализуется функция оценки текстов разных эпох – сетевые библиотеки, где пользователь может, во-первых, поставить «оценку» произведению, а во-вторых, конкретизировать ее с помощью текстового сообщения.

В несколько измененном виде такой вариант рецензии представлен в интернет-магазинах. Отметим, что объектом оценки здесь может быть не книга как художественное целое, а, например, качество издания, скорость доставки, стоимость и так далее. Главная задача интернет-магазинов состоит не в адекватном и полноценном освещении произведения (что в целом характерно для «толстожурнальной» рецензии), а в том, чтобы заинтересовать читателя (в данном случае – как потенциального покупателя) в покупке. Сами издания зачастую приводятся в сопровождении не издательской аннотации, а очень краткой обзорной рецензии, цель которой – презентовать произведение читателю.

Итак, традиционная рецензия в Интернете может быть представлена в виде полноценной «толстожурнальной» рецензии, а также усеченной, «газетной» рецензии (естественно, также не монолитной), имеющей не только меньший функционал и объем, но и не предъявляющей на некоторых ресурсах никаких требований к рецензенту с точки зрения профессионализма. В результате мы можем согласиться с тем, что «в последнее время понятие интернет-критики стало значительно шире, так как это не просто вся литературная критика, которую можно найти в Сети, но и вся литературно-критическая рефлексия в Интернете в целом» [Гишков, 2014, с. 90].

Однако рецензия в Интернете не ограничивается двумя рассмотренными вариантами.

Самый «молодой» (на данный момент) вариант рецензии, который появился благодаря Интернету – рецензии на сайтах, где пользователь может публиковать свои произведения (быть автором), знакомиться с произведениями других авторов (быть читателем) и выражать свое мнение относительно их творчества (быть рецензентом в широком смысле слова, в некотором роде – критиком). Таким образом, данный вид интернет-рецензии (назовем ее «свободной» рецензией), не противореча принципам двух первых вариантов реализации жанра, существенно расширяет его границы. Автор художественного текста может быть не только читателем, но и рецензентом текстов других авторов, вступая с ними в коммуникацию, в том числе и представляя для оценки свои тексты. Как видим, развитие данного варианта рецензии соответствует особенностям интернет-текста, который диалогичен как «стимул для ответной реакции адресата ... и как рефлексия адресата, оставляющего свои комментарии после прочтения авторского текста» [Барышева и др., 2015, с. 121].

Дистанция между автором и читателем здесь не просто сокращается, она может фактически отсутствовать, ведь потенциально каждый пользователь совмещает роли автора, читателя и критика.

Такой вариант жанра не исключает возможности изменения изначального текста под воздействием читательского мнения: автор не только может, но зачастую целенаправленно знакомится с читательскими рецензиями, получая отклик на представленное произведение и при необходимости изменяя его.

Данная ситуация в очередной раз подтверждает тезис о бесконечности интернет-коммуникации, демонстрируя преимущества коммуникации в Сети в плане оперативности общения коммуникантов и его непринужденности, ведь автор практически всегда при необходимости получает читательскую реакцию на представленное творчество. Чтобы общаться с читателем, в Интернете автору не требуется издание своих трудов на физических носителях или в виде электронной книги. Для оценки могут быть представлены отдельные стихи, миниатюры и части произведений. Квалифицированность получаемых оценок зачастую оставляет желать лучшего: «читателю, в отличие от профессионального критика, поддерживающего свой авторитет, не обязательно тратить много времени и сил, чтобы перед публикацией отклика проверить факты, стиль изложения, наличие

грамматических и пунктуационных ошибок и т.д.» [Тишков, 2014, с. 96].

«Свободная» рецензия помогает автору в оперативном получении реакции на текст. При этом оценочная функция, возложенная на читателя, не является обязательной в большинстве случаев, а сама оценка в виде рецензии достаточно вариативна как в плане формальном, так и в плане содержательном. Применительно к одному и тому же рецензируемому тексту мы можем иметь дело как с односложными рецензиями-реакциями, так и с рецензиями, достаточно близкими по своим параметрам к традиционным «толстожурнальным» вариантам.

Номинация варианта жанра рецензии связана со спецификой и содержанием «свободной» рецензии. «Толстожурнальная» и «газетная» рецензии (в каком бы виде они ни были представлены) создаются и публикуются в соответствии с определенными правилами, установками, предпосылками. Относительно «свободной» рецензии сложно выделить подобные критерии. Так, например, в рамках литературного портала могут быть представлены рецензии, как сопоставимые по своим качествам с «толстожурнальными» и «газетными», так и не имеющие аналогов в этих вариантах. «Свободная» в определении типа жанра – это обозначение прежде всего отсутствия регламентированности: такая рецензия не имеет четких границ, обязательных содержательных и стиливых компонентов, она не предъявляет требований к квалификации автора (прежде всего – с точки зрения профессионализма, причем применительно как к профессиональным «толстожурнальным» критикам, так и к «газетным» любителям).

Единственный компонент, который должен присутствовать в «свободной» рецензии – обоснованная оценка. На основании ее наличия мы можем отнести опубликованный читателем ответный текст к жанру рецензии. Отсутствие обоснованной оценки говорит о том, что мы будем иметь дело с псевдорецензией. Как мы уже отмечали выше (и в [Медведев, 2014, с. 77]), ответное сообщение на представленный для оценки текст в Интернете формально является определенным рода рецензией: при необязательности оценки читатель мотивирован на высказывание мнения, пусть даже путем написания одного символа («+», «-», эмодзи и т.п.). Исключение составляют сообщения, являющиеся спамом и не имеющие отношения к представленному тексту, которые не относятся даже к псевдорецензиям.

«Свободная» рецензия может быть как односложной (содержащей только реакцию), так и представлять собой подобие рецензии профессиональной, но с определенного рода адаптациями с учетом специфики коммуникативного пространства Интернета. Можно утверждать, что любительская и профессиональная критика в Интернете не обособленные, а перекрывающиеся виды критики, причем если размещение рецензий, подобных профессиональным, допустимо в среде для любительского рецензирования, то обратная ситуация (когда в специализированном издании появляется любительская рецензия) возможна гораздо меньше.

Итак, на данном этапе развития жанра рецензия в Интернете представлена в таких трех неоднородных вариантах, как: «толстожурнальная», «газетная» и «свободная». Рецензия «свободная», с которой мы встречаемся гораздо чаще, чем с другими, имеет не только большую фактическую представительность, но и большую вариативность, что делает актуальным детальное рассмотрение данного вида рецензии. Составление типологии «свободной» рецензии поможет лучше понять специфику жанра рецензии в Интернете, характер его влияния на коммуникацию между автором и читателем, а также особенности формирования смыслов и оценок, что имеет особую значимость для филологических наук и ряда смежных дисциплин.

Литература

- Барышева С.Ф. и др. Жанровое своеобразие интернет-коммуникации // Филология и человек. Барнаул, 2015. № 4.
- Башкатова А.Г. Литературная рецензия в контексте современных тенденций развития культуры: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013.
- Зинова Е.А. Методика обучения студентов-журналистов рецензии как жанру современной медиасферы: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2012.
- Медведев С.А. Интернет-рецензия в аспекте эволюции жанра рецензии // Филология и лингвистика в современном обществе. М., 2014.
- Медведев С.А. Некоторые тенденции развития отношений Автор-Читатель в интернет-рецензии // Филология и человек. Барнаул, 2015. № 1.
- Молитвинова Н.Н. Литературная рецензия в современном медиадискурсе: жанрово-стилистический аспект: дис. ... канд. филол. наук. М., 2016.
- Тертычный А.А. Жанры периодической печати. [Электронный ресурс]. URL: http://evartist.narod.ru/text2/05.htm#z_11.
- Тишков А.А. Читательские интернет-отклики на произведения художественной литературы и публицистики (2009-2014 гг.): дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2014.
- Чувакин А.А., Шмаков А.А. Коммуникативная модель риторики: ее специфика в Интернет-среде (к постановке проблемы) // *Ars interpretationis*. Барнаул, 2010.

ГЕНДЕРНАЯ СЕМАНТИКА РЕКИ И КОЛОДЦА В ПРОЗЕ В.М. ШУКШИНА

Т.А. Воробьева

Ключевые слова: В. Шукшин, хронотоп, река, колодец, гендерная семантика.

Keywords: V. Shukshin, chronotop, river, well, gender semantics.

Образ реки в мировой культуре традиционно связан с «женской» семантикой. Примером тому служит распространенный в литературе прием олицетворения реки, «наделение» водного потока женским характером и волей. Этот мотив подпитывается фольклорными преданиями о русалках и утопленниках, в чем, на наш взгляд, отражено наличие исключительной связи между женщиной и рекой в народном понимании.

В художественном мире В.М. Шукшина следование традиции сохраняется далеко не всегда. Кроме того, художественные образы, создаваемые писателем, обнаруживают тенденцию к парности.

Например, в повести «Там, вдали» (1966) немаловажную роль играет оппозиция «река – колодец». Эти элементы хронотопа перестают быть лишь местом действия, но, метафорически сближаясь с образами главных героев, становятся инструментом выражения душевного состояния персонажей.

По сюжету отношения Петра и Ольги Ивлевых заканчиваются изменой женщины, что приносит страдания главному герою. Однако в полной мере драматизм переживаний персонажа раскрывается через образ колодца: *«Увидев колодец в конце улицы, Петр свернул к нему.*

Вал с визгом, долго раскручивался. Глубоко внизу гулко ударилась в воду кованая бадья, наполнившись, утонула. Забулькала, залопотала вода, заглатываемая железной утробой бадьи. Тихонько, расслабленно звенели колечки мокрой цепи. Потом цепь рывком натянулась – бадья, наполнившись, утонула. Вал надсадно, с подвывом застонал, как заплакал. Цепь с противным, трудным скрежетом наматывалась на вал. Срывались вниз капли, громко шлепались» (В.М. Шукшин, т. 3, с. 260)¹. Несмотря на то, что колодец в мифологии символизирует женское начало («Мотивы, представляющие колодец как символ женского детородного органа, встречаются в загадках и “заветных”

¹ Здесь и далее в круглых скобках дается ссылка на источник: Шукшин В.М. Собрание сочинений: в 9-и тт. Барнаул, 2014.

сказках» [Славянские древности, 1999, с. 540]), очевидно, что в представленном эпизоде он способствует наиболее полному изображению душевных терзаний молчаливого героя. Близость постоянного, надежного, до скрытности скромного Петра к образу статичного, хранящего свое наполнение колодца становится тем очевиднее, чем ярче прослеживается параллель между легким, взбалмошным характером непостоянной Ольги и вечнотекущими водами реки.

Природу контраста в поведении и мировоззрении героев легко объяснить, опираясь на классификацию, разработанную Ю.М. Лотманом. Ученый выделяет несколько типов персонажей, среди которых наибольший интерес для нас представляют «герой “пути”» и «герой “степи”». Первый «перемещается по определенной пространственно-этической траектории в линейном *spatium'e*. Присущее ему пространство подразумевает запрет на боковое движение. Пребывание в каждой точке пространства (и эквивалентное ему моральное состояние) мыслится как переход в другое, за ним последующее» [Лотман, 1992, с. 417]. Таким в повести является Петр, строго следующий собственным принципам. В отличие от него, Ольга принадлежит к типу герой «степи», который «не имеет запрета на движение в каком-либо боковом направлении. Более того, вместо движения по траектории здесь подразумевается свободная непредсказуемость направления движения. При этом перемещение героя в моральном пространстве связано не с тем, что он изменяется, а с реализацией внутренних потенций его личности» [Лотман, 1992, с. 417].

Горячему темпераменту героини вторят как поведение у реки, так и испытываемые ощущения: *«Ольга стояла над водой, глядя в нее, потом сразу ухнула с головой вниз... Вынырнула, охнула и поплыла от берега, загребая одной рукой. Крикнула:*

– Хорошо! Обожгло всю!..» (В.М. Шукшин, т. 3, с. 253). Вся суть характера героини как нельзя лучше раскрыта в приведенном эпизоде. Сочетание «ухнула с головой вниз» вызывает ассоциацию с фразеологизмом «броситься в омут с головой». Как и многие шукшинские герои «степи», Ольга идет на поводу у сиюминутных увлечений, не задумываясь о последствиях, и момент достижения желаемого «обжигает» героиню, как бы добавляя красок обыденной жизни. Именно из таких «ярких моментов» и острой потребности в них складывается судьба героини.

Кроме того, жажда жизни Ольги проявляет себя в эпизоде с физическим утолением жажды у реки: *«Подошли к речке, Ольга оперлась руками о берег, припала к воде.*

– *Охх!.. Сейчас всю выпью. – Еще раз припала»* (В.М. Шукшин, т. 3, с. 251). Примечательно, что в поисках питья Ольга уводит спутника из деревни, полной колодцев, таким образом отдавая предпочтение «дикому», природному источнику вместо «приспособленных» для питья, «безопасных» колодезных срубов. Значимо, что даже повторно «припадая» к реке, героиня фактически пьет уже другую воду, словно подтверждая известный фразеологизм «дважды в одну реку не войти», который станет программным в отношениях персонажей.

Иначе ведет себя Петр. Источником воды для героя служит непоколебимый, как и он сам, колодец: *«Петр подхватил тяжелую бадью, поставил на сруб, широко раскорячил ноги, склонился и стал жадно пить»* (В.М. Шукшин, т. 3, с. 260). Устойчивая поза Петра в очередной раз подтверждает предложенную нами аналогию с образом колодца. Герой мечтает о спокойной семейной жизни, что становится ясно не только из открытого текста повести, это буквально зашифровано в приведенных строках. Прежде всего, внимание привлекает форма «сруб», употребительная для обозначения дома или колодца, что рождает прочную ассоциативную связь и даже наложение двух образов. Вторым элементом служит описание питья персонажа: *жадность*, с которой Петр пьет из *сруба*. Предложенная интерпретация подтверждается при сопоставлении с картиной пьющей Ольги: избирая реку, героиня бессознательно указывает на жажду перемен, движения, которому противопоставлена вечная безмятежность Петрова источника. Таким образом, контрастируя, река и колодец в повести наполняют друг друга символическим смыслом.

Любопытна также оценка воды Петром: – *Мх, – простонал он, отрываясь от бадьи, – холодная, аж зубы ломит. Не хочешь?*

Ольга отказалась (В.М. Шукшин, т. 3, с. 260). Герои вновь обнаруживают противоположную реакцию: если темпераментную Ольгу вода «обжигает», то ощущения Петра направлены в обратную сторону. Однако боль в зубах не отталкивает героя, а становится признаком отличного качества питья, рождая в персонаже мысль поделиться с супругой. Отказ Ольги показателен. Героиня остается верна своей «стихии», и студеной колодезная вода отталкивает ее так же, как и тихая семейная жизнь, и буквальная фраза Петра «аж зубы ломит» обнаруживает фразеологическое значение крайнего отращения.

Как и Ольга, Петр пьет дважды: *Петр еще раз пристроился к бадье, долго пил. Потом торопясь вылил воду* (В.М. Шукшин, т. 3, с. 260). В обоих эпизодах с питьем важны глаголы действия. Ольга лишь «припадает» к реке. Возникает ассоциативная пара «припадать – падать», созвучная опрометчивым действиям и самой судьбе героини. Петр же «пристраивается». Обнаруживаем однокоренной ряд «пристроиться – пристроить – строить», что вторит, с одной стороны, приспособляемости героя к жизненным условиям, а с другой – созидательной натуре персонажа.

Символично завершение повести: *«Оба стояли и смотрели, как льется на грязную, затоптанную землю прозрачная вода.*

– Вот, Ольга... так и с любовью бывает, – сказал Петр, продолжая смотреть, как льется вода. – Черпанул человек целую бадёйку, глотнул пару раз, остальное – в грязь. А тут бы ее на всю жизнь хватило» (В.М. Шукшин, т. 3, с. 260–261). Рассматриваемый эпизод открывает очередное противоречие между героями. Облюбованная Ольгой река, подобно самой героине, находится в вечном стремлении и погибает взаперти. А смысл существования колодца – в неподвижном хранении содержимого, стабильности, которой так жаждет Петр. Выливая воду, герой бессознательно демонстрирует непригодность колодезных вод для жизни в движении.

Подобная пара персонажей встречается в рассказе «Сельские жители» (1962): *«Но характеры у них были вовсе несхожие. Бабка – энергичная, жилистая, крикливая, очень любознательная. Шурка тоже любознательный, но застенчивый до глупости, скромный и обидчивый»* (В.М. Шукшин, Том 1, с. 129). Женское и мужское здесь противопоставлены как «хаос» и «космос», «динамика» и «статика», что вторит идее Е. М. Мелетинского о связи женского начала «со стихией воды и с хаосом», а также его принадлежности к «природе», а не «культуре» [Мелетинский, 2000, с. 208]. Таким образом, как и не имеющие преград в движении реки, героини рассмотренных произведений свободны в выборе действий, в отличие от мужчин, заключенных в границы культуры, подобно обрамленным цивилизацией колодцам.

Любопытный пример содержится в рассказе «Два письма» (1967). Под влиянием ностальгии главный герой пишет два письма лучшему другу, приглашая встретиться. Однако если первое письмо имеет исповедальный оттенок, то текст второго – явно маскирует истинные чувства персонажа, прикрывая душевную тревогу наигранной веселостью. Однако, вопреки ожиданиям читателя, ни одно из писем не дожидается отправки.

На наш взгляд, ключ к пониманию странного решения героя содержится в начале рассказа: *«Человеку приснилась родная деревня. Идет будто он берегом реки... В том месте реки – затон. Тихо. Никого, ни одной живой души вокруг. Деревня рядом, и в деревне тоже как повымерло все. “Что же это такое – никого нет-то?” – удивился человек. Бросил камень в воду. Он беззвучно пошел ко дну. Человек еще бросил – большой. Камень без звука утонул»* (В.М. Шукшин, т. 3, с. 106). Приведенный фрагмент представляет собой метафорическое резюме фабулы произведения: внезапный сон о деревне провоцирует ностальгию и последующее создание писем. Река в данном случае символизирует течение жизни и ее рефлексии (персонаж смотрит с берега, со стороны), которая реализуется в содержании написанного. Однако река во сне персонажа теряет движение: герою снится неподвижный, беззвучный затон, приближающий реку к колодцу, что в реальной жизни заставляет героя скрывать, хранить свои чувства, подобно героям предыдущих рассказов.

Однако в системе шукшинской прозы строгая гендерная закреплённость символов отсутствует. Например, поведение Ольги Ивлевой созвучно с образом жизни Егора Прокудина, героя повести «Калина красная» (1973). Для полноценного понимания природы такого сходства необходимо обратиться к классификации персонажей, предложенной Ю.М. Лотманом. Оба персонажа – герои «степи»: их жизненный путь не имеет регламентированных «станций», «остановок» – лишь временные «ночлеги», спонтанные «привалы». Примечательно, что острую жажду движения эти персонажи ощущают в момент наибольшего покоя: Ольга рушит семейную идиллию с Петром, Егор – внезапно покидает Любу и уезжает в город. Однако, возвратившись, чтобы начать новую жизнь, Прокудин не утрачивает внутренних стремлений, которые напоминают о себе, как только герой останавливается, чтобы собраться с мыслями: *«Он вспоминал далекую свою деревеньку, березовый лес на берегу реки, саму реку... Легче не становилось, только глубоко жаль было всего этого и грустно, и по-иному щемило сердце – и дорого, и больно. И теперь, когда от пашни веяло таким покоем, когда голову грело солнышко и можно остановить свой постоянный бег по земле, Егор не понимал, как это будет – что он остановится, обретет покой. Разве это можно? Жило в душе предчувствие, что это будет, наверно, короткая пора»* (В.М. Шукшин, т. 6, с. 258). На наш взгляд, упоминание и акцентирование образа реки в приведенном фрагменте неслучайно. Выстраивается семантический ряд: течение реки – бег времени – «бег»

Егора по жизни. Конец движения для героя, как и для реки, равносильен смерти.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что Егор и Ольга как герои «степи» находятся в движении, цель которого «не-достижение» пункта назначения, преодоление лишь временных препятствий в вечном стремлении.

Таким образом, изученные произведения свидетельствуют о том, что В.М. Шукшин отходит от привычного толкования образа колодца как женского символа, делая его элементом бинарной системы, противопоставленным реке. Оба компонента соотносятся как «мужской» – «женский», «статичный» – «динамичный», «порядок» – «хаос» в зависимости от типа поведения героев в пространстве, становясь инструментом характеристики персонажей.

Литература

- Лотман Ю.М. Проблема художественного пространства в прозе Гоголя // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3-х тт. Таллин, 1992. Т. 1.
Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 2000.
Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5-и тт. М., 1999. Т. 2.

Список источников

- Шукшин В.М. Собрание сочинений: в 9-и тт. Барнаул, 2014.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВОДЕВИЛЬНОГО ЖАНРА В КИНОСЦЕНАРИИ Г. ГОРИНА И Э. РЯЗАНОВА «О БЕДНОМ ГУСАРЕ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО»

М.А. Шеленок

Ключевые слова: Г. Горин, Э. Рязанов, киносценарий, водевиль, трагикомедия.

Keywords: G. Gorin, E. Ryazanov, screenplay, vaudeville, tragicomedy.

В истории развития русского театрального искусства неоднократно возникали творческие союзы драматургов и режиссеров: В. Маяковский и Вс. Мейерхольд, Е. Шварц и Н. Акимов, Г. Горин и

М. Захаров. Постановки Захарова по пьесам и киносценариям Горина закрепили за ними статус неразрывного дуэта (отметим, киносценарий к фильму «Убить дракона» (1988) был написан ими в соавторстве). Факт совместной работы нового «драматурга-сказочника» с Э. Рязановым – режиссером иных эстетических взглядов – может, на первый взгляд, удивить. Однако тяга обоих художников к жанру трагикомедии стала связующим звеном, определившим их органическую связь при создании киносценария «О бедном гусаре замолвите слово» (1978–1980). Специалисты не обращались к данному произведению, хотя его проблематика и жанровая поэтика заслуживают специального рассмотрения. Особое значение для нас имеют очерки самих авторов, где рассказывается об истории создания киносценария и «тернистом» пути его реализации, даются авторское объяснение конфликта, жанра и характеристика отдельных персонажей [Горин, Рязанов, 1987; Рязанов, 1990]. Э. Рязанов отмечает сложную, синтетическую природу произведения: «Во всей ... сумятице чувств, конфликтов между людьми, противоречивых ситуаций мне необходимо было пронести и сохранить ... хорошее настроение, юмор, легкость, ибо в картине должно быть немало веселого» [Рязанов, 1990, с. 24].

Т. Шахматова, изучая традиции водевиля в русской драматургии XX века, отмечает: «Водевильное с трагическим подтекстом ярче всего проявилось в творчестве Г.И. Горина. Драматург создает свой альтернативный театральный мир, в котором дискредитируются мнимые ценности, реально укоренившиеся в современной жизни. В этих случаях водевильное мироощущение соединяется с драматическим и на столкновении внешней беззаботности и внутреннего напряжения рождается трагедийный эффект воздействия на читателя / зрителя» [Шахматова, 2009, с. 15]. Данное утверждение продуктивно и по отношению к обойденному исследовательским вниманием киносценарию «О бедном гусаре замолвите слово». Жанровой доминантой произведения является трагикомедия, в которой, на наш взгляд, важную роль играют приемы водевильной¹ поэтики на разных уровнях текста.

¹ Следует отметить, и Г. Горин, и Э. Рязанов в ранний период своего творчества обращались к водевильному жанру. Первый в соавторстве с А. Аркановым в 1960-е годы пишет сатирические водевили «Свадьба на всю Европу!» (1966), «Банкет» (1968) и др. Второй снимает фильмы «Карнавальная ночь» (1956), где при водевильной доминанте присутствуют сатирические включения, и «Гусарская баллада» (1962) – по водевиллю А. Гладкова «Давным-давно» (1940).

Цель данной статьи – проанализировать проблематику и поэтику киносценария Г. Горина и Э. Рязанова «О бедном гусаре замолвите слово», определить характер трансформации водевильного жанра в тексте.

В экспозиции авторы киносценария дают читателю/зрителю установку на восприятие жанровой природы текста, отмечая сложность его комедийного наполнения, лишенного пустой развлекательности за счет трагедийного подтекста: «... мы начинаем нашу комедию с эпизода несколько непривычного для веселого жанра. Дело в том, что узника, которого везут в ... карете, решили отправить на тот свет» (Г. Горин, Э. Рязанов, с. 170)¹. Балансирование на грани между трагедией и водевилем – главная особенность данного произведения.

Основное действие начинается с подставного расстрела – представления, разыгрываемого агентами тайной полиции для выявления инакомыслящих солдат и офицеров. О том, что расстрел – театральная мистификация, обман, бездарно сыгранная «комедь», читатель / зритель узнает лишь после того, как руководивший процессом штабс-капитан жандармерии Мерзляев, проводив расстреливающую группу и арестовав посочувствовавшего мнимому бунтовщику солдата, начинает критиковать недостоверность игры своего помощника, изображавшего заговорщика:

«Мерзляев тронул поводья, медленно подъехал к обрыву, глянул вниз. Убиенный лежал у края воды, широко раскинув руки...

– Вставай, карбонарий хренов! – брезгливо крикнул Мерзляев.

Расстрелянный ожил, стянул с глаз повязку, резко вскочил, но вдруг застонал, схватившись за колено ...

– Сегодня плохо играл, Артюхов! – сказал Мерзляев. – Кричал ненатурально. Жестикулировал скверно... Надрался, небось» (Г. Горин, Э. Рязанов, с. 172). Таким образом, авторы вводят главный прием организации текста – «театр в театре».

В основу действия киносценария «О бедном гусаре...» положены две истории, тесно переплетающиеся между собой: попытка Мерзляева с помощью нанятого актера проверить настроение в приехавшем гусарском полку и любовный треугольник: храбрый гусар Плетнев – красавица Настенька – холодный и расчетливый Мерзляев². Оба

¹ Здесь и далее в круглых скобках дается ссылка на издание: Горин Г., Рязанов Э. О бедном гусаре замолвите слово // Горин Г. Малое собрание сочинений. СПб., 2015.

² Авторы подчеркивают разницу в характере сценарного Мерзляева и его экранного воплощения. Если в литературном первоисточнике он искренне мечтал жениться на Настеньке, то в фильме «да еще в исполнении Олега Басилашвили, явно был не склонен к такому мезальянсу и ограничился легким флиртом» [Горин, Рязанов, 1987, с. 198].

конфликта развиваются по схеме «театрального» сюжета классического водевиля XIX века. Главными действующими лицами становятся традиционные маски-типы: герой-любовник (корнет Плетнев); его возлюбленная – молодая актриса (Настенька); ее отец, он же ведущий актер бродячего театра (Афанасий Бубенцов), которому не нравится ухажер дочери; злодей с говорящей фамилией Мерзляев (в финале она будет произноситься как «Мерзьяев») (Г. Горин, Э. Рязанов, с. 250). Первый, с кем знакомится читатель/зритель, – именно отрицательный персонаж, которому изначально дается соответствующая авторская характеристика: *«За всей этой церемонией наблюдал всадник – зловещая фигура в черном плаще. // Голос за кадром: // “Разрешите представить вам одного из главных и активно действующих лиц. ... в данном случае форма, как говорится, соответствует содержанию”»* (Г. Горин, Э. Рязанов, с. 170–171), усиливающаяся на протяжении всего текста: *«На углу главной улицы стояла черная запыленная карета, обляпанная грязью, из которой выглядывала физиономия Мерзляева»* (выделено нами. – М.Ш.) (Г. Горин, Э. Рязанов, с. 174), *«Профессией господина Мерзляева было наблюдать, надзирать, присматривать Он служил не за страх и не за совесть, поскольку он не имел ни того ни другого»* (Г. Горин, Э. Рязанов, с. 181) и т.д.

Внешнее описание Мерзляева контрастирует с уродливой внутренней сущностью, что способствует ложному восприятию его как благородного человека в глазах многих персонажей: *«... правильные черты лица, красивые серые глаза, годный орлиный нос, волнистые волосы, стройная фигура, – одним словом, он был весьма недурен собой, разрази его гром. Общеизвестная поговорка “Бог шельму метит” в данном случае не годилась»* [Горин, Рязанов, 2015, с. 198]. Его поведение всегда притворно, соавторы неоднократно повторяют последнюю характеристику при речевых партиях персонажа: например, *«... с притворным сочувствием произнес»* (Г. Горин, Э. Рязанов, с. 216). Именно он выступает как главный обманщик и интриган в произведении: устраивает спектакль-проверку, обвиняет в ложном преступлении любого беззащитного гражданина, клеветает на Плетнева Бубенцову, якобы тот обесчестил дочь последнего. При этом его следует рассматривать и как сатирический персонаж. Это карьерист и провокатор, готовый идти по головам ради того, чтобы выслужиться перед столичным начальством. Мерзляев и мерзляевцы (так авторы называют подчиненных штабс-капитана) являются сатирическими портретами представителей спецслужб, отравляющих жизнь простых граждан ради продвижения по службе (авторы

киносценария используют прием исторического остранения, чтобы не говорить открыто о советских карательных органах¹). Подчиненные Мерзляева в большинстве своем карикатурны, смешны. Мерзляев же страшен. Он играет надеждами, готов предать в любой момент. Причем окружающие не видят подвоха и лжи в его обещаниях и клятвах. Штабс-капитан обещает жениться на Настеньке: «... я прошу вашей руки ... Ради вас я отказываюсь от блестящей карьеры, от эполет полковника, я попаду в немилость...» (Г. Горин, Э. Рязанов, с. 243). Но актриса, успевшая понять сущность антагониста, отказывает ему. Мерзляев, подобно водевильному злодею, терпит крах на всех фронтах: Настенька не принимает его предложения, провокацию не удается организовать, начальство в Петербурге высказывает в его адрес «высочайшее недовольство» (Г. Горин, Э. Рязанов, с. 250). Его спектакль не просто сорван – он провален. В финале холодный и расчетливый мерзавец превращается в истеричку: «Штабс-капитан шел по лем, не разбирая дороги, и размазывал по лицу слезы...» (Г. Горин, Э. Рязанов, с. 248); «Мерзляев: ... из моей старинной дворянской фамилии <...> вдруг исчезла буква “л” <...> я сам и потомки мои стали именоваться в народе “Мерзя... я...” (Всплакнул.) Увольте, не могу произнести!» (Г. Горин, Э. Рязанов, с. 250). Таким образом, униженный и посрамленный негодяй получает заслуженное наказание.

На первый взгляд, может показаться, что злодею противопоставлен корнет Плетнев – конкурент Мерзляева в борьбе за руку Настеньки. Однако Плетнев становится участником чужих обманов либо причиной многочисленных бед. Он лишен творческого начала: начинает приставать к Настеньке во время ее игры на сцене и таким образом срывает спектакль бродячего театра; устраивает реальный побег при мнимом сопровождении Бубенцова к месту казни, создав тем самым ряд проблем в судьбах артиста, его дочери и многих других (Плетнев думает, что перед ним настоящий борец с режимом – человек, открывший ему правду). Настоящим же противником Мерзляева стал именно Бубенцов, одержавший в итоге творческую и

¹ Э. Рязанов отмечает: «Нам казалось, что хотя бы языком Эзопа, намеками, аллюзиями мы сможем коснуться болезненной общественной опухоли, насильственно загнанной внутрь» [Рязанов, 1990, с. 22]; «Наша злоба к тайным методам, к провокациям, к слежке и стукачеству вытирала из всех пор фильма. Наряженное для “проходимости” в песни, шутки, фарсовые эпизоды, содержание ленты ... представляло собой обвинение против всего того, на чем держалась и держится российская социальная система» [Рязанов, 1990, с. 25].

нравственную победу над ним ценой своей жизни¹. Первое представление героя – трагик: *«Трагик Бубенцов влез на повозку и простер руки в направлении города: // – О Губернск непросвещенный! – заорал он. – О кладбище талантов!»* (Г. Горин, Э. Рязанов, с. 175). Возможно, так авторы намекают на печальную развязку в судьбе актера.

Игра Бубенцова сложна и разнообразна. Ее природа и характер театрального разоблачения меняются в зависимости от ситуации. Например, чисто фарсовым является эпизод, когда Бубенцов во время игры в карты с тюремщиком-эзекутором инициирует пытку – кричит, будто его секут, а эзекутор в свою очередь принимает «игру в казнь»:

– Значит, так, – шепотом говорил Бубенцов, – снимаешь еще десять ударов, а я ставлю камзол... – И внезапно во весь голос заорал: – Ой, мамочка моя! Убьешь, мерзавец! – И снова перешел на шепот: – Согласен?

– Сдавай! – прохрипел эзекутор ...: – Девятнадцать!

– Мало! У меня – очко! – И Бубенцов открыл десятку тузом...

– Убью, сволочь! – с искренней ненавистью сказал эзекутор, схватил розгу и, со свистом рассекая воздух, стал колотить ею по пустой лежанке. ...

– Сатран! Живодер! Негодяй! – поставленным голосом вопил Бубенцов. – Мясник! Инквизитор!

На “инквизитора” Степан неожиданно обиделся ...!

– Извини! – шепотом сказал Бубенцов. – А “кровопийца” можно?

– Можно... (Г. Горин, Э. Рязанов, с. 187–188).

Игра прерывается внезапным появлением мерзляевского помощника Артюхова, восхитившегося артистизмом Бубенцова: *«– Ну, брат, – завистливо сказал Артюхов артисту, – ты – большой талант. Тебя, милый, к стенке поставить – лучше не придумаешь!...»* (Г. Горин, Э. Рязанов, с. 188).

В сцене обыска в театре возникает ряд путаниц с комическим разрешением ситуации: жандармы не могут понять, что мужчины исполняют женские роли, а женщины – мужские, а имя и фамилия актера-еврея принимаются за ролевой псевдоним:

«Римляне безмолвствовали.

¹ В фильме, по требованию цензоров, «сцена “расстрела” кончалась тем, что Бубенцову становилось плохо с сердцем. Самого мгновения смерти ... в кадре не было. Просто под скорбную музыку реквиема ... показывалась ... маленькая церковка, ... около храма кладбище» [Рязанов, 1990, с. 25]. В киносценарии Бубенцов стреляет себе в сердце после того, как произносит монолог об истинном благодетстве.

– Проведем поименное дознание! – сказал Артюхов, пережидая паузу. – Вы кто? – обратился он к толстому усатому патрицию.

– Марк Тулий Цицерон! – ответил тот.

– Я не в этом смысле! – отмахнулся Артюхов. – По пачпорту отвечать!

– По пачпорту – Анна Петровна Спешинева! ...

– Так... А вы, мадам, кто будете? – обратился он (Артюхов. – М.Ш.) к пышиноволодой гетере.

– Федор Спиридонович Степанов!

– Так! – свирепел на глазах Артюхов. – Разберемся... А вы кто есть? – спросил он рогатого козлоногого фавна с веночком на голове.

– Марк Юльевич Мовзон!

– По пачпорту отвечать! – заорал Артюхов.

– Я – Марк Юльевич по паспорту, – испуганно ответил фавн.

– Ну вот что, – принял решение Артюхов, – ... мужчины по пачпорту – налево, женщины – направо! ... Обнажайсь!» (Г. Горин, Э. Рязанов, с. 220–221).

Бубенцов, чтобы обмануть жандармов и незамеченным уйти из театра, переодевается в Ивана Сусанина, привлекая коллег по сцене к импровизации:

«Из-за кулис послышался могучий бас:

– Братья мои, дорогие плебеи и фавны! Если собрата своего им предать не хотите, то помогите ему добежать до пожарного люка! ...

Первым опомнился Марк Юльевич Мовзон.

– Что ж вы молчите, и ты, Цицерон, и другие? Или вам голос Божественный этот неведом?

– Будем последними тварями, если ему не поможем! – включилась гетера.

Празднично ударили колокола. ... на сцене появился ... бородатый мужик в лаптях, с портретом российского императора. ...

– Славься, сла-авься русский наш царь! – запел Бубенцов на известную музыку из оперы Глинки.

– Славься, сла-авься ты, наш государь! – дружно подхватили коленопреклоненные римляне.

Далее ... мужик перекрестил язычников портретом ... и скрылся по ту сторону кулис (Г. Горин, Э. Рязанов, с. 223).

Недалекий Артюхов принимает увиденное за репетицию нового спектакля, однако бегство Бубенцова срывается, поскольку один из тайных агентов перепутал его с продавцом попугая, обученного антиправительственным лозунгам: «– Господин Артюхов, – закричал

он, – я его поймал! ... того проклятого мужика, который продал мне птичку... Неблагоденственную. Помните, она выкрикивала такое, что я не решаюсь повторить...» (Г. Горин, Э. Рязанов, с. 224). Путаница разрешается тем, что Артюхов срывает накладную бороду с Бубенцова:

– Ой! – вздрогнул филер, увидев лицо Бубенцова. – Это не он!

– Это – он! – улыбнулся Артюхов (Г. Горин, Э. Рязанов, с. 225).

«Политический» же спектакль Бубенцова постепенно выходит за границы нарочитой театральности. Сначала артист увлечен предложенной постановкой. Он выбирает место для мнимой казни, репетирует: «Дать дуба хорошо у дуба! <...> Значит, здесь стою я, <...> партнеров ставим там... <...> выхожу, гордо оборачиваюсь, кричу... <...> Значит, они целятся, я кричу, они дают залп... <...> – Он вдруг сжал кулаки, побледнел и, с ненавистью глядя на стоявших у кареты служителей порядка, крикнул: – Палачи! Сатрапы! Душителю свободы! Гниды жандармские, мать вашу так! – и, неожиданно спрыгнув с пуфа, побежал через кустарник. <...> Жандарм и Артюхов сделали несколько выстрелов по убежавшему. Одна из пуль <...> достигла цели: Бубенцов <...> рухнул лицом в траву. <...> Когда они [Мерзляев и жандармы. – М.Ш.] приблизились к телу артиста, оно неожиданно село и, улыбаясь, спросило: // – Натурально получилось? А?» (Г. Горин, Э. Рязанов, с. 192–194). Советуется со штабс-капитаном, желая услышать от него похвалу своей игре: «Проходя мимо Мерзляева, Бубенцов подмигнул и тихо спросил:

– Как я ему врезал? Убедительно?

Мерзляев усмехнулся и кивнул головой.

– Разрешите продолжать в том же духе?

– Продолжайте, – тихо сказал Мерзляев.

Получив одобрение начальства, Бубенцов вскочил на ступеньку кареты и истошно завопил, обращаясь к самому Мерзляеву:

– Прощай, жандармская крыса! Когда-нибудь ты нам ответишь за все! – Бубенцов дал такой подзатыльник Мерзляеву, что у того слетела фуражка» (Г. Горин, Э. Рязанов, с. 206). Кланяется, услышав аплодисменты заключенных: «В окнах тюрьмы раздались аплодисменты. Бубенцов ответил тюрьме привычным актерским поклоном» (там же). При этом он под маской бунтаря начинает обличать на самом деле, не скрывая правды и смело давая опасные характеристики (в том числе и Мерзляеву): «На ваших штыках держится трон тирана! Кругом взяточничество, воровство, беззаконие. Вельможи утопают в роскоши и пьянстве, а народ бедствует, голодает... .. Аристократы из прихоти... губят все

живое!» (Г. Горин, Э. Рязанов, с. 207–208), *«А вы от имени отечества не выступайте: оно само разберется, кто ему враг, а кто друг!»*; *«Господа, ... не портите себе жизнь из-за моей смерти! Господин полковник, я ценю ваше мужество. Потому что в таких делах быть смелым труднее, чем в бою. И вы, ребята, ... не вздумайте бросать ружья. Этот жандарм только того и ждет»* (Г. Горин, Э. Рязанов, с. 246–247). Из-за незапланированного побега возникает путаница: не ясно, Бубенцов – настоящий заговорщик или нет? В итоге роль борца за социальную справедливость перестает быть маской актера. Когда попытку разоблачения игры Бубенцова делает Мерзляев, Плетнев ему не верит, то есть разоблачение не проходит. В глазах гусара Бубенцов даже в финале сохранит свой благородный, честный облик (сцена бубенцовского саморазоблачения и раскрытия обмана принимается как саботаж исключительно со стороны Мерзляева).

Настенька Бубенцова – героиня-актриса. Ее роль в тексте является не менее важной и разноплановой. Именно она придумывает спасительную версию-обман: *«Раннее утро, туман... Из-за леса на рысках выскочили пять благородных всадников... <...> Они были... в... черных костюмах и черных полумасках. ... Они напали на карету... схватили тебя и уволокли в поле. А там, разглядев тебя, вдруг крикнули: “О боже! Это не наш предводитель! Мы ошиблись!” ... Ведь натурально выходит!»* (Г. Горин, Э. Рязанов, с. 221–222). Ради спасения отца девушка готова идти на разные хитрости, в том числе и на мнимые отношения с гусаром (играет роль его невесты), которые потом перестают быть мнимыми. Любовные коллизии приводят к оптимистической развязке – Плетнев и Настенька становятся мужем и женой.

Мы уже говорили о том, что центральный любовный конфликт строится вокруг взаимоотношений Мерзляева, Плетнева и Настеньки Бубенцовой. Однако на протяжении всего произведения возникает множество историй-анекдотов про ухаживания гусаров за замужними дамами Губернска. Кроме того в эпизоде, когда Настенька навещает Плетнева в лазарете, чтобы сообщить ему версию побега для запутывания показаний, возникает мнимый любовный треугольник: актриса пришла в тот, момент, когда у Плетнева была проститутка Жужу. Настенька еще играет роль невесты, но при этом она уже искренне упрекает Плетнева:

– *Ах, чистая любовь? А эта самая... которую я здесь только что видела?*

– *Жужу, что ль? Это – мой товарищ!*

– *Товарищ? – Настенька зашла от возмущения. – Впрочем, мне плевать! – опомнилась она. – Меня это не волнует!* (Г. Горин, Э. Рязанов, с. 233).

Присутствующие в тексте куплеты преимущественно задают лирический тон произведению. Таковы романсы Плетнева «О бедном гусаре замолвите слово...», «Сердца томная забота...»; полковника Покровского: «Зима пронеслась, и весна началась...», «Я пережил и многое и многих...» (на стихи П. Вяземского); Настеньки: «Вы, чьи широкие шинели...» (на стихи М. Цветаевой). В редких случаях куплеты формируют снижено-ироническое восприятие любовных коллизий. Например, покидая публичный дом через окно, гусары поют: «*Не плачь, сударыня, пройдут дожди, // Гусар вернется, ты только жди*» (Г. Горин, Э. Рязанов, с. 192) (пародируются строки известной советской песни В. Шаинского на слова В. Харитонова).

Итак, Г. Горин и Э. Рязанов в киносценарии «О бедном гусаре замолвите слово» активно используют традиционные водевильные ходы и ситуации, амплуа, вокально-танцевальные номера. За счет социально-нравственной проблематики, сатирического подтекста и трагического финала (смерть одного из главных героев за правду) классическая форма водевиля разрушается. Однако произведение не переходит в разряд мелодрамы благодаря игровой природе текста, его комического наполнения, выполненного в традиционном водевильном ключе, и сквозной театрализации, расширяющей границы жанра.

Литература

Шахматова Т. Традиции водевиля и мелодрамы в русской драматургии XX – начала XXI веков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2009.

Горин Г., Рязанов Э. От авторов // Телевидение вчера, сегодня, завтра. Вып. VII. Т. 31. М., 1987.

Рязанов Э. Как раз на жизнь свобода опоздала // Огонек. 1990. № 36.

Список источников

Горин Г., Рязанов Э. О бедном гусаре замолвите слово // Горин Г. Малое собрание сочинений. СПб., 2015.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНДИЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ФОЛЬКЛОРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Л.Г. Хабибуллина

Ключевые слова: тюркский фольклор, кондициональные отношения, каузальные отношения, временные отношения, кондиционально-темпоральная семантика.

Keywords: Turkic folklore, conditional relations, causal relations, temporal relations, condizionale-temporal semantics.

Кондициональность относится к числу языковых объектов, активно изучаемых не только лингвистикой, но также психологией, логикой и философией, то есть науками, которые исследуют язык и речевую деятельность человека с разных позиций и в разных целях. Причем и философия, и логика изучают условие как сложное явление, состоящее из двух компонентов, наличие одного из которых напрямую зависит от существования или несуществования другого. Кондициональность имеет непосредственную связь с психологией, так как в условных конструкциях выражается способность человеческого сознания предполагать, делать опирающиеся на какую-то информацию выводы. Поскольку «... современная лингвофольклористика теснейшим образом связана с когнитивной лингвистикой, лингвокультурологией, лингвоконцептологией, теорией текста, герменевтикой, теорией речевой коммуникации» [Сердюк, 2009, с. 43], целесообразным представляется исследование семантики и репрезентации смысловых отношений на материале фольклорных произведений.

Кондициональность составляет основу примет, поверий, т. е. они (приметы и поверья) строятся на условных отношениях. В таких паремиях сказуемое главного компонента сложного предложения, как правило, выражается инфинитивом. Например: тат. *Салават купере төнъягында чыкса, яңгыр булмаска* (Примета). «Если радуга взойдет на севере, не быть дождю»; *Ай чалкан туса, көннәр аязырга* (Примета). «Если месяц взойдет лицом вверх, день прояснится»; *Болыт кыйблага таба барса, көн аязырга* (Примета). «Если облака плывут к югу, день прояснится».

При кондициональных отношениях зависимый компонент обозначает условие, наличие которого, как следствие, вызывает действие, выраженное главным компонентом. С этой стороны они близки к причинно-следственным отношениям, компоненты условной

конструкции могут рассматриваться как основание и следствие. И в основе причинно-следственных, и в основе условных отношений лежит идея порождения. Условие, в отличие от причины, всегда бывает предположительным: взаимосвязь условия и обусловленного является возможной (предположительной). Иначе говоря, кондициональные отношения связывают мысленно допускаемые события.

По мнению некоторых исследователей, «как разновидность общей категории обусловленности, условность (кондициональность) является базовым слоем (субстратом) причинности, потому что соответствующие смысловые отношения тесно связаны с модальным смыслом» [Свеклова, 2010, с. 220].

Во многих тюркских языках встречается синкретизм кондициональных и каузальных отношений. Например, условная семантика в тюркских языках может быть выражена с помощью аффикса отрицательной формы глагола *-ма/-мә*. Подобные примеры очень часто встречаются в паремиях, однако в них, по нашим наблюдениям, кроме условной, можно усмотреть и каузальную семантику: тат. *Гаепсез дус эзләмә, ялгыз калырсың* (Поговорка). «Не ищи друга без греха, останешься один»; *Кешене каргама, үзеңә төшәр* (Поговорка). «Не проклинай людей, сам будешь проклят»; *Гайбәт сөйләмә, бәла ирешиң* (Поговорка). «Не сплетничай, не будет горя».

Во-первых, в таких примерах содержится кондициональность, это легко доказать при помощи субституции аффикса отрицательной формы глагола аффиксом условного наклонения, при этом основная семантика предложения останется неизменной: *Гаепсез дус эзләсәң, ялгыз калырсың*. «Если ищешь друга без греха, останешься один»; *Кешене каргасаң, үзеңә төшәр*. «Если проклинаешь людей, сам будешь проклят»; *Гайбәт сөйләсәң, бәла ирешер*. «Если будешь сплетничать, будет горе» (или же *Гайбәт сөйләмәсәң, бәла ирешиң*. «Если не будешь сплетничать, не будет горя»). Во-вторых, между компонентами этих паремий явно прослеживается причинно-следственная зависимость: не нужно искать друга без греха, потому что в результате можешь остаться одиноким; нельзя проклинать людей потому, что это может привести к тому, что ты сам будешь проклят; нельзя сплетничать потому, что сплетни – к беде. Синтаксическая трансформация бессоюзной конструкции в союзную не приведет к потере основного логического смысла всего предложения и не нарушит его структуру: *Гаепсез дус эзләмә, чонки ялгыз калырсың*. «Не ищи друга без греха, потому что останешься один»; *Кешене каргама, чонки үзеңә төшәр*. «Не проклинай людей, потому что сам будешь проклят»; *Гайбәт сөйләмә, чонки (гайбәт сөйләсәң) бәла ирешер*. «Не сплетничай, потому что будет горе».

Условная форма *-са/-сә* способна использоваться в конструкциях, выражающих причинно-следственные отношения. Как показал анализ собранных нами примеров, часто вместе с формой условного наклонения, репрезентируя каузальность, используются и другие средства. Например: тат. *Битең кызылса, димәк, сине яманлылар* (Поверье). «Если горит лицо, значит, тебя ругают»; *Колагың чыңласа, димәк, сине сөйлеләр* (Поверье). «Если у тебя звенит в ушах, значит, о тебе говорят».

Как видим, в вышеприведенных предложениях, подчеркивая значение вывода, следствия, употреблено слово *димәк* «значит», которое можно и опустить. Однако логически формальный показатель условного наклонения (аффикс *-са/-сә*) здесь не может выражать реальное условие, так как звон в ушах не является условием того, чтобы о тебе говорили.

Следует отметить, что слово *димәк* «значит» соотносится с таким условным предложением, которое обозначает действие как реальный факт. Слово *димәк* вносит в предложение новый семантический оттенок: подчеркивается значение вывода, который вытекает на основе высказанной в придаточной части причины.

Некоторые предложения содержат в себе и условную семантику, и каузальный оттенок, которые не выражаются эксплицитно. Например: тат. *Бер эшкә алындың – бар эшкә алындың* (Пословица). В данном примере нет каких-либо формальных показателей, указывающих на причинно-следственные и кондициональные отношения. Предложение можно понять двояко: *Бер эшкә алынсаң – бар эшкә алынасың*. «Если взялся один раз за дело, берешь на себя все дела» и *Бер эшкә алындың – димәк, бар эшкә алындың*. «Взялся один раз за дело, значит, взял на себя все дела» (Пословица).

В тюркских языках широко распространен синкретизм кондициональных и временных отношений.

В поговорках и в обобщенных высказываниях наблюдается абстрактно временной характер взаимоотношений компонентов кондициональной конструкции. Например: алт. *Ат киштезе, таньжар, кижи эрмектеше, таньжар* (Пословица). «Лошади узнают друг друга, когда ржут (если ржут), люди знакомятся, когда разговаривают (если заговорят друг с другом)»; караим. *Басмаса ат аякны, тартарс арабаны* (Пословица). «Когда (если) лошадь не тянет повозку, ты сам потянешь ее»; карач.-балк. *Агъач чирисе езегинден чирийди* (Пословица). «При гниении дерево гниет с сердцевины»; *Джангур джауса джерге джауар* (Пословица). «Если дождь идет, то падает на землю»; кирг. *Жылуу сөйлөсө, жылан ийинден чыгат* (Пословица). «Если ласково говорить, змея из норы вылезет»; кум. *Айрылган эл азар, къошулган эл*

озар (Пословица). букв. «Разъединенная страна худее, объединенная страна победит».

Как показал анализ собранных нами примеров, паремии имеют вневременной характер, несут вид общей закономерности и указывают на типичные явления.

Крайне редкое употребление форм прошедшего времени в паремиях объясняется тем, что формы прошедшего времени, как правило, соотносятся с фрагментом действительности, обладают индивидуализирующим свойством, тогда как для паремий характерно обобщение. Паремии с формой прошедшего времени встречаются не часто. Например: кум. *Яшыртгъын айтдым – билмединг, герюне айтдым – суймединг* (Поговорка). «Скрыто сказал – ты не понял, открыто сказал – тебе не понравилось».

В условно-временных конструкциях, как правило, альтернативная оппозиция нейтрализуется. Особенно это наблюдается в субъективных умозаключениях. Например: тат. *Кешене батырсалар, ул салама да ябыша* (Поговорка). «Когда человека топят, он хватается даже за солому».

Когда сказуемые сложного предложения выражают безотносительное к определенному времени действие или постоянное, вневременное действие, наблюдается осложнение временных отношений условными. В таких конструкциях часто употребляются союзы с временной семантикой, придаточное предложение имеет обобщенный смысл. Например: гаг. *Ачан бирлик йок достларда, ишләр гитмәз хич орада* (Пословица). «Когда в товарищах согласия нет, на лад их дело не пойдет».

Кондициональная семантика может передаваться при помощи предикативных слов в форме местно-временного падежа. Например: тат. *Югарыда урын барда, түбән утырма* (Пословица). «Если есть почетное место, не сиди у двери». Подобное средство выражения условных отношений не является продуктивным, в таких конструкциях прослеживается и слабовыраженная временная семантика.

В редких случаях значение условия может передавать причастная форма: Например: башк. *Буренән курккан – урманга бармаган* (Пословица). «Волков бояться – в лес не ходить»; карач.-балк. *Жаз ойнагъан къыш жилияр* (Пословица). «Кто летом играл, тот зимой будет плакать»; кирг. *Карышкырдан корккон токойга барбайт* (Пословица). «Волков бояться – в лес не ходить»; *Шашкан – ашка бышкан* (Пословица). «Поспешешь – людей насмешешь»; *Кош коенду кууган куру калат* (Пословица). «За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь»; кум. *Заманны зая этген озыон де зая этер* (Пословица).

букв. «Кто потеряет время, тот потеряет и самого себя»; *Талап этген – муратгъа этген* (Пословица). «Тот, кто постарался, добился своей цели»; *Язда ишлемеген кыишда тишлемес* (Пословица). «Кто весной не работает, тот зимой не ест»; тат. *Ижстиһат иткән – морадына житкән* (Пословица). «Тот, кто проявляет усердие, достигает своей цели».

Как показывают проанализированные примеры, условная семантика, репрезентированная причастием, не обладает яркой выраженностью.

Предложения тат. *Кулында китап булганның башында гыйлем булыр* (Поговорка). «У кого в руках книга, в голове – знания»; *Сүз хикмәтен белмәгән кешенең миһнәте күп* (Пословица). «У человека, который не знает премудрость слова, много страданий»; *Башына төшкән башмакчы булыр* (Пословица). «Если надо, будешь и башмачником» можно растолковать следующим образом: *Кулында китап булса, башында гыйлем булыр*. «Если в руках будет книга, в голове – знания»; *Кеше сүз хикмәтен белмәсә, миһнәте күп*. «Если человек не знает премудрость слова, у него много страданий»; *Башына төшсә, башмакчы булыр*. «Если надо, будешь и башмачником». Или же: *Кулында китап булганлыктан, башында гыйлем булыр*. «Оттого что в руках книга, в голове – знания»; *Сүз хикмәтен белмәгәнлектән, кешенең миһнәте күп*. «Оттого что не знает премудрость слова, у человека много страданий»; *Башына төшкәнлектән, башмакчы булыр*. «Оттого что надо, будешь и башмачником».

Причастие на *-ган* в форме местно-временного падежа обычно служит для выражения временных отношений. Однако в тюркских языках иногда между словами, связанными с помощью формы *-ганда/-гәндә (-канда/-кәндә)*, устанавливается условная семантика, хотя эта форма является основным квалификатором временных отношений. Таким образом, в подобных предложениях репрезентируется условная семантика с оттенком временного значения. Причем слабовыраженный темпоральный оттенок почти полностью вытесняется кондициональным. Например: тат. *Әйткәндә сүзеңчә эшлә, әйтмәгәндә уеңча эшлә* (Пословица). «Раз сказал, держи свое слово, если не говорил, делай, как думаешь»; *Гыйлем булмаганда, бар акыл да юк була* (Пословица). «Когда (если) нет знаний, и имевшийся ум исчезает».

Это же значение можно передать с помощью формы *-ган очракта* «в случае», которая более четко отражает семантику допущения альтернативной ситуации. Например: *Әйткән очракта сүзеңчә эшлә, әйтмәгән очракта уеңча эшлә; Гыйлем булмаган очракта, бар акыл да юк була*.

Как видим, форма на *-ганда* позволяет передавать отношения, которые возникают на стыке временной и условной семантик, в силу чего может считаться кондиционально-темпоральной. При этом кондициональность репрезентируется, когда сообщается не о единичном временном факте, а о повторяющихся, постоянно действующих явлениях и событиях. При замене формы *-ганда* на форму *-са* временная соотнесенность между содержанием частей утрачивается. Например: тат. *Гайләдә татулык булганда, эшләр уңай бара* (Поговорка). «Когда (если) в семье царит мир, дела идут хорошо». → *Гайләдә татулык булса, эшләр уңай бара*. «Если в семье царит мир, дела идут хорошо».

Как известно, бессоюзные конструкции способны репрезентировать многочисленные смысловые отношения. При анализе кондициональности репрезентация условной семантики с помощью бессоюзных сложносочиненных предложений часто остается вне поля зрения исследователей. Однако между компонентами таких конструкций могут устанавливаться и условные отношения, которые не оформляются формальными показателями той или иной семантики. В этом случае смысловое отношение выявляется соотношением содержания отдельных членов предложения. Подобные примеры встречаются, как правило, в пословицах и поговорках, содержание которых имеет обобщенный характер. Приведем примеры: азерб. *Инәк су ичәр, сүд олар. Илан су ичәр, зәһәр олар* (Пословица). «Когда (если) корова пьет воду, молоко бывает, когда (если) змея пьет воду, яд бывает»; ай. *догар күн динчаләр* (Пословица). «Когда (если) месяц восходит, солнце отдыхает»; гаг. *Дам чөкәр дирек истәр, кар йаар күрек истәр* (Пословица). «Хлев кренится – подпорку просит, снег идет – лопату просит»; тур. *At ölürlü nahı kalır, adam ölürlü namı kalır* (Пословица). «(Когда) околевае конь – подкова остается, (когда) умирает человек – имя остается»; узб. *Кўшиниң тинч – сен тинч* (Пословица). «Твой сосед спокоен – спокоен и ты».

Следует отметить, что в таких бессоюзных сложносочиненных предложениях наблюдается наложение условной семантики на временную.

Как видим, кондициональные отношения в тюркских языках могут выражаться как эксплицитно, так и имплицитно. В ходе проведенного анализа также были выявлены конструкции, находящиеся в точке пересечения нескольких смысловых отношений.

Таким образом, малые жанры фольклора, в особенности паремии, представляют собой сложную логическую систему. В их семантической структуре понятие «условие» занимает особое место, часто составляя их основу.

Литература

Свеклова О.В. Синонимия в условных смысловых отношениях (на материале русского и чувашского языков) // Вестник Чувашского университета. 2010. № 4.

Сердюк М.А. Актуальные проблемы изучения фольклорных текстов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 2 (70).

Сокращения

Азерб. – азербайджанский.
Алт. – алтайский.
Башк. – башкирский.
Гаг. – гагаузский.
Караим. – караимский.
Карач.-балк. – карачаево-балкарский.
Кирг. – киргизский.
Кум. – кумыкский.
Тат. – татарский.
Тур. – турецкий.
Узб. – узбекский.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ В ПИСЬМЕННЫХ РАБОТАХ ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО ЛИТЕРАТУРЕ

Е.А. Гингель

Ключевые слова: анализ литературного текста, историко-литературный, историко-культурный контекст, письменные работы.

Keywords: analysis of the literary text, historical-literary and historical-cultural contexts, written works.

В Примерной основной образовательной программе среднего общего образования (ПООП СОО), одобренной решением федерального учебно-методического объединения по общему образованию, в разделе предметных результатов сказано, что по итогам изучения учебного предмета «Литература» на углубленном уровне выпускник, наряду с другими умениями, научится ориентироваться в историко-литературном процессе XIX–XX веков и современном литературном процессе, опираясь на:

- понятие об основных литературных направлениях, течениях, ведущих литературных группах, знании о составе ведущих литературных групп, о литературной борьбе и взаимодействии между ними;
- знание имен и творческих биографий наиболее известных писателей, критиков, а также названий самых значительных произведений;
- представление о значимости и актуальности произведений в контексте эпохи их появления;
- знания об истории создания изучаемых произведений и об особенностях восприятия произведений читателями в исторической динамике [с. 33].

При формировании рабочей программы для углубленного изучения предмета «Литература» в ПООП СОО рекомендуется также расширить список тематических блоков за счет дополнительных историко-литературных или теоретико-литературных блоков [ПООП СОО, 2016, с. 247].

Углубленный уровень литературного образования предполагает восприятие и анализ художественных произведений в историко-литературном и историко-культурном контекстах с использованием аппарата литературоведения и литературной критики [там же, с. 229]. Осведомленность в этой области потребует обучающимся для создания письменных текстов различных жанров (сочинений-размышлений, эссе, научных сообщений), для выполнения проектных и исследовательских работ, в том числе носящих межпредметный характер.

В настоящее время результаты проверки итогового сочинения учреждениями высшего образования рассматриваются как индивидуальное достижение обучающегося, что дает возможность при поступлении получить за него дополнительные баллы. В критерии проверки работ выпускников «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) уже ввел критерий «Знание историко-литературного (историко-культурного) контекста». Данный критерий нацеливает на проверку умения рассуждать с опорой на историко-литературный и историко-культурный материал. С учетом этого критерия в работах выпускников, желающих продолжать обучение в НИУ ВШЭ, приветствуется опора не только на литературные произведения, но и на произведения других видов искусства (театра, кино, живописи и др.), а также на исторические документы, на факты (исторические, научные, биографические и т.д.), на

прокомментированные автором сочинения высказывания известных людей [Регламент учета итогового сочинения, 2017, с. 3].

Вот и задания Всероссийской олимпиады школьников (ВсОШ) по литературе для старшеклассников также предполагают знакомство с историко-литературным и теоретико-культурным контекстом и умение ориентироваться в них. В критериях проверки творческого тура на региональном и заключительном этапе обязательно учитывается способность участников олимпиады демонстрировать осведомленность в этой области [Литература, 2014, с. 18].

В связи с этим вполне закономерно, что составители контрольных измерительных материалов по литературе и творческих заданий для предметных олимпиад и конкурсов должны решать важную задачу – выявление знаний у обучающихся в области историко-культурного и теоретико-литературного контекста.

Задания могут обладать определенной дифференцирующей способностью и учитывать разные уровни подготовки школьников старшей ступени образования, они позволят адекватно оценить степень освоения учащимися программы по литературе на базовом или повышенном уровнях.

В результате выполнения таких заданий выявляется широта читательского кругозора, общая культура мышления, способность письменно выражать свои мысли и создавать работы, которые вступают в со-творческие отношения с историко-литературным, теоретико-культурным контекстом и с текстом литературного произведения.

Под контекстом (фр. *contexte* – «тесная связь, сплетение») понимается вся совокупность явлений, связанных с текстом художественного произведения, но в то же время внеположных ему.

В пособии «Принципы и приемы анализа литературного произведения» А.Б. Есин указывает на такие виды контекста, как биографический, литературный, исторический [Есин, 2015, с. 231].

Обучающиеся современной школы должны иметь представление о существующем разнообразии контекстов, их сущности и накапливать материал, который позволит им в дальнейшем выполнять задания, предполагающие либо требующие его использования в письменных работах.

Биографический контекст – это прежде всего факты биографии писателя, реалии бытового уклада, обстоятельства работы писателя над произведением, а также его внехудожественные высказывания или высказывания других писателей [Есин, 2015, с. 237]. Биографический способ прочтения и представления текста определяется установкой, выраженной также в книге А.А. Асояна «Прологомены», при которой

литературный быт, литературное окружение автора, его судьба становятся отправными моментами интерпретации произведения [Асоян, 1995, с. 93].

С целью формирования и / или проверки представлений о жизни и творчестве писателей может быть, например, предложено следующее задание: «Исправьте фактические ошибки в приведенных ниже утверждениях».

1) Роман Ивана Сергеевича Тургенева «Отцы и дети», увидевший свет после отмены крепостного права, вызвал горячие споры среди современников писателя; «Отцам и детям» были посвящены статьи Писарева, Белинского, Страхова и других авторов.

2) Федор Михайлович Достоевский родился в Петербурге в многодетной семье штаб-лекаря Мариинской больницы для бедных, учился будущий писатель в Инженерном училище, расположенном в Михайловском замке.

3) Федор Иванович Тютчев, поэт-философ, близкий по своим политическим взглядам революционерам-демократам, долгое время жил в Германии, где находился на дипломатической службе.

Задание «Скрытый адресат» сложнее, оно предполагает аргументированное объяснение выбора имени писателя/поэта с опорой на предложенный фрагмент текста. Формулировка данного задания выглядит так: «Прочитайте фрагменты литературно-критических статей. Определите, о каких писателях или поэтах идет речь в приведенных отрывках. По каким элементам текста вы пришли к ответу? Свой ответ обоснуйте, объяснив, что помогло вам узнать имя писателя или поэта».

В качестве примеров приведем несколько фрагментов, которые могут стать материалом для подобного задания [Задания творческого тура, 2016, с. 17].

Ю. Айхенвальд

Страшные сказки о жизни рассказал нам ... потому и жизнь сама страшна, как страшна показала «освященная церковь ночью с мертвым телом и без души людей», – церковь, дом незаселенный, площадь пустоты. И, быть может, пугает все пустое, которого недаром боится природа, и не оттого ли жутко на свете, что смешные люди, призраки, имеют душу, ничем не заполненную, душу мертвую? От смешного до страшного – один шаг.

М. Горький.

Никто не понимал так ясно и так тонко трагизм мелочей жизни, никто до него не умел так беспощадно правдиво нарисовать людям позорную и тоскливую картину их жизни в тусклом хаосе мещанской обыденщины. Его врагом была пошлость. И пошлость эта отомстила

ему скверной выходкой, положив его труп в вагон для перевозки «устриц».

Ю. Нагибин

Едва ли найдется другой пример подобного несоответствия человеческой сути и поэтического дарования. Воздушный, эльфический поэт был кряжистым, заземленным, деловитым, крайне бытовым по всем своим замашкам и привычкам человеком. Сама его внешность, особенно в старые годы, когда человек приобретает некое сглаживающее благообразие, была вызывающе антипоэтична: грузный, тяжелый, с грубым, прихмуренным, часто брюзгливым лицом. А в свою лучшую пору он был среднеарифметическим гусаром, без печати индивидуальности. А ведь он уже тогда писал замечательные и ни на кого не опирающиеся стихи. Конечно, ему доводилось и в молодые годы слышать добрые слова; так, Дружинин сказал об одном его стихотворении, что не удивился бы, увидев под ним подпись Пушкина; но куда больше было назойливого наставничества и журнально-газетной брани.

К. Чуковский

Она – бережливая наследница всех драгоценнейших богатств русской словесной культуры. У нее множество предков: и Пушкин, и Баратынский, и Анненский. В ней та душевная изысканность и прелесть, которые даются человеку веками культурных традиций. За нею многовековое великолепное прошлое. Для нее высшая святыня – Россия, родина, «наша земля». Она знает только местоимение «ты», обращенное к возлюбленному и еще – к Богу.

Она, как и подобает наследнице высокой и старой культуры, чутка ко всему еле слышному, к еле уловимым осязаниям и мыслям. Во всем у нее пушкинская мера. Ее коробит всякая гипербола.

К критериям оценки данного задания помимо верного определения имени писателя или поэта следует добавить аргументированное объяснение своего выбора с опорой на предложенный в задании текст, а также полноту и фактическую точность обоснований.

Другой вариант задания – поэтический. Задание было предложено для муниципального этапа ВсОШ и нацелено на проверку как литературной и историко-культурной эрудиции участников олимпиады, так и умения создавать фактически и стилистически точный научный комментарий к тексту [Методический сайт олимпиады, URL].

Основное требование к отбору текстов для такого задания – узнаваемость изображенного в нем поэта, наличие конкретных характеризующих его деталей. В задании предложены сонеты Леонида Гроссмана, можно также порекомендовать медальоны Игоря Северянина

либо тексты других поэтов о своих собратьях по перу [Задания творческого тура, 2016, с. 28].

Задание представлено следующим образом: «Прочитайте сонет Леонида Гроссмана. Определите, кому он посвящен. По каким элементам текста вы пришли к своему ответу? Составьте комментарии к следующим историко-культурным реалиям: песенник Ундины, офорт, капуцины, гомункулы, сын турчанки, арабески, Рустем, Дамаянти».

*Светит месяц, дол сребрится,
Мертвый с девицею мчится...
В дворцовой келье песенник Ундины
Вычерчивал таинственный офорт,
Где ужас лунным призраком простерт
Над башнями готической руины.
Он видел мир, где бродят капуцины,
Гомункулы рождаются из реторт,
И вьется ураган бесовских орд
У виселиц закланной котловины.
Но сын турчанки полюбил Восток,
Реченья мудрых в арабесках строк,
Слова любви в персидском фолианте
И вкрадчивые шелесты поэм,
Где брачной лаской тешится Рустем
И в пламени блуждает Дамаянти.*

При оценке комментариев / ссылок рекомендовано особое внимание уделить не количеству, а уместности отобранных обучающимся понятий и явлений и обоснованности, фактической точности их трактовки.

В «Пролегоменах» А.А. Асояна рассматривается **историко-культурный метод** анализа произведений в его обусловленности внешними факторами, в его связях с исторической действительностью, развитием общественной мысли, творческим методом поэта, литературной и биографической ситуацией. Историко-культурный анализ исходит из понимания произведения как части духовной культуры конкретной эпохи и опирается на обусловленность творчества писателя или поэта этическими, эстетическими, религиозными, философскими исканиями современности и ее мировоззренческими приоритетами. Главный предмет историко-культурного анализа – конкретно-историческое содержание художественного образа и его общечеловеческое значение [Асоян, 1995, с. 101].

В соответствии с данным методом можно рассматривать названный А.Б. Есиным литературный и исторический контексты.

Литературный контекст – это включенность произведения в творчество писателя, в систему литературных направлений и течений. Возможно привлечение и более широкого литературного контекста: творчества предшественников и современников данного автора.

Исторический контекст всегда присутствует при восприятии любого художественного произведения, так как учитывает особенности социально-политической обстановки в эпоху его создания. Вопрос лишь в том, нужно ли расширять и углублять фоновые знания контекста для адекватного понимания произведения. По мнению А.Б. Есина, «решение этого вопроса подсказывает сам текст и его содержание. В том случае, если перед нами произведение с ярко выраженной вневременной тематикой, привлечение исторического контекста оказывается ненужным, если же в тематике произведения конкретно-исторические аспекты являются важными, тогда и может возникнуть необходимость обращения к нему. В общеисторической ситуации нужно видеть те стороны (например, состояние культуры и общественной мысли), которые оказывают непосредственное влияние на литературу как форму общественного сознания. Неумелое использование исторического материала препятствует точной передаче последовательности событий, перегружает текст сведениями, не делая суждения автора сочинения более убедительными» [Есин, 2015, с. 233].

Интересно в этом плане задание для регионального этапа ВсОШ 2015 / 2016 года, оно было выстроено как редактирование статьи для литературной энциклопедии. Задание сформулировано таким образом: «Отредактируйте статью. Укажите для автора статьи все допущенные им ошибки и их причину, объясните, какие исправления ему следует сделать. Приведите полный откорректированный текст статьи, внося необходимую дополнительную информацию о произведении (например, о его творческой истории, уже имеющих в науке и новых возможных прочтениях, интерпретациях в других видах искусства, значимых исследовательских работах и т.п.)».

Далее – статья, предложенная 10 классу [Задания творческого тура, 2016, с. 21].

Стихотворение М.Ю. Лермонтова «На севере диком растет одиноко...» (1821) является переводом одного из неоконченных сонетов Г. Гейне. Во французском оригинале грамматический род у существительного «сосна» – мужской; неразделенная любовь «сосны» и «пальмы» становится главной темой стихотворения. В лермонтовском же переводе центральная тема – одиночество. В лирике Лермонтова она имеет автобиографический характер: поэт рано осиротел, всегда чувствовал себя непонятым, одиноким, особенно в последний год своей

жизни, на Кавказе, куда он был сослан за публикацию романа «Герой нашего времени».

Представим далее несколько заданий с развернутым ответом, которые смогут оказывать влияние на расширение культурного кругозора обучающихся, который впоследствии может быть использован в качестве культурного контекста в письменных работах, в том числе исследовательского и творческого характера.

Интересны в этом плане задания, требующие прояснения взаимосвязи литературного произведения с историческим и культурно-эстетическим контекстом. Ученик должен понимать основные особенности литературного произведения на фоне определенных историко-культурных представлений о соотношении искусства и действительности.

Суть следующих заданий сводится к созданию собственного текста по предложенным ключевым словам, которые публиковались в первом номере журнала «Литература» [Литература, 2014, с. 22].

Формулировка задания: «Напишите связный текст литературоведческого, историко-литературного, научного либо научно-популярного характера, включив в него максимальное количество из следующих 10 слов/словосочетаний. Помните, что ваша задача – включить предложенные слова в некий общий «сюжет», через который были бы видны литературная эпоха, или литературное произведение в его связи с другими произведениями, или автор и его творчество в широком контексте, или литературоведческая проблема в многообразии ее толкований».

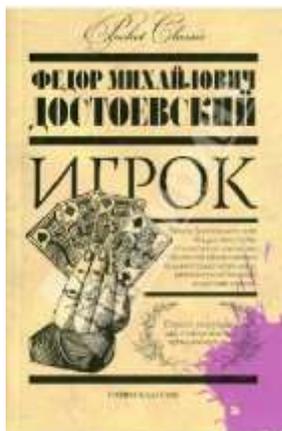
Война 1812, междоусобицы, мистификация, Мусин-Пушкин, Николай Заболицкий, Олег Гориславич, скептики, символика, «темные места», эпитет.

Анжабеман, Георгий Победоносец, Жуковский, «Каменный Гость», «маленький человек», Петр Первый, Пигмалион и Галатя, Пушкин, Фальконе, ямб.

1861 год, антитеза, внутренний монолог, восстание декабристов, «Все хорошо, что хорошо кончается», «Горе от ума», «диалектика души», Казанский собор в Санкт-Петербурге/Храм Христа Спасителя в Москве, роевая жизнь, роман-эпопея.

Подобные задания, безусловно, носят творческий характер: они моделируют ситуацию, требуют создания текста определенного жанра и, конечно же, предполагают знание контекста, умение ориентироваться в нем.

Аналогичный вариант задания может быть выстроен с использованием видеоряда, его, например, можно представить таким образом:

Выполняя данное задание, необходимо написать эссе, в котором найдут отражение факты из биографии писателя, связанные с историей знакомства Ф.М. Достоевского с будущей женой – А.Г. Сниткиной. Она стенографировала, когда ему надо было по кабальному договору с издателем Ф. Стелловским сдать целый роман (это был роман «Игрок»), чтобы оправдать авансы и не потерять право на издание собственных сочинений.

Впоследствии А.Г. Сниткина-Достоевская стала «образцовой женой» писателя, с ней он обрел тихое пристанище, «почву» в жизни: она понимала, о чем пишет муж, вела его счета, издательские дела, воспитывала детей. «Ты мое будущее все – и надежда, и вера, и счастье, и блаженство – все!» – писал он ей. Анна Григорьевна, кажется нигде не изображенная Достоевским, однако, везде присутствует в понятии «семья», ей он посвятил свой последний роман «Братья Карамазовы» [Кулешов, 1984, с. 81].

После венчания во время длительного заграничного путешествия 1867–1871 годов Ф.М. Достоевский с А.Г. Сниткиной почти два года прожили в Дрездене, где писатель стал частым посетителем знаменитой картинной галереи. Среди полотен «Старых Мастеров» он выделяет Мадонну. Жена Ф.М. Достоевского в своем дневнике записала: «Федор Михайлович выше всего в живописи ставил произведения Рафаэля и высшим его произведением признавал “Сикстинскую Мадонну”». [Достоевская, 1971, с. 191].

Ф.М. Достоевский увидел в «Сикстинской Мадонне» Рафаэля выражение гармоничного духа, мечту о прекрасном человеке. Впечатления от картины Рафаэля нашли отражение в его знаменитом Пятикнижии. Фотографическая копия фрагмента «Сикстинской Мадонны», подаренная Достоевскому С.А. Толстой, вдовой поэта А.К. Толстого, висела в кабинете великого писателя, под ней он и умер. В настоящее время она является частью литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского.

Для выполнения заданий такого рода, разумеется, требуется высокая степень осведомленности. Но ведь и желание изучать что-либо возникает тогда, когда задание кажется многообещающим, выглядит одновременно важным и интересным, но до конца не проясненным, загадочным, неизученным, требующим «приращения смысла». Достигнуть этого можно, обращаясь к актуальному для читателей-школьников литературному материалу, в то же время встраивая его в культурно-значимый контекст. Важно «сконструировать» задание таким образом, чтобы работа над ним расширяла культурный кругозор,

знакомила с новыми литературными явлениями и понятиями, жанрами, культурно-значимыми именами, местами и событиями.

Литература

- Асоян А.А. Прологомены: лекции по теории литературы. Омск, 1995.
- Достоевская А.Г. Воспоминания. М., 1971.
- Гингель Е.А. Задания творческого тура Олимпиады по литературе. Омск, 2016.
- Есин А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения. М., 2015.
- Кулешов В.И. Жизнь и творчество Ф.М. Достоевского. М., 1984.
- Методический журнал «Литература». 2014. № 1.
- Методический сайт всероссийской олимпиады школьников. [Электронный ресурс]. URL: <http://olymp.apkpro.ru>.
- Примерная основная образовательная программа среднего общего образования. [Электронный ресурс]. URL: <http://fgosreestr.ru>.
- Регламент учета итогового сочинения в выпускных классах образовательных организаций, реализующих образовательные программы среднего общего образования, поступающих в 2017 году в Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». [Электронный ресурс]. URL: <https://ba.hse.ru/dost2017>.

РЕЗЮМЕ

SUMMARY

А.В. Дегальцева. Особенности выражения оценки адвербиальными компликаторами. Статья посвящена одному из процессов семантического усложнения простого предложения, а именно адвербиализации. В ней рассматриваются особенности выражения оценочности адвербиальными компликаторами в разных сферах общения: художественной прозе, газете, разговорной речи, научных и официально-деловых текстах. Опираясь на словарное толкование лексемы, контекст и общекультурные ценности, автор анализирует оценочный компонент в семантической структуре адвербиальных компликаторов. В статье доказывается, что типы оценок, содержащихся в наречиях-компликаторах, зависят от сферы общения, тематики текста и функций самих компликаторов. Автор исследования отмечает, что этические оценки являются отражением системы ценностей русского человека. Наиболее значимой для русского национального характера оказывается идея добра, проявляющегося в таких качествах, как мужество, бескорыстие, щедрость, отзывчивость. Наличие или отрицание подобных черт обычно фиксируется наречиями-компликаторами, заключающими в себе этические оценки.

A.V. Degaltseva. On the Expression of Evaluation by Means of Adverbial Complicators. The article deals with the processes of semantic expansion of a simple sentence – adverbialisation: the expression of evaluation by means of adverbial complicators in different spheres of communication - literary fiction, newspapers, colloquial speech, texts of scientific and formal business styles. Referring to the dictionary definition of the lexeme, context, and cultural values, the author analyzes the evaluative aspect of adverbial complicators' semantic structure. The article proves that types of evaluations expressed by adverbial complicators depend on a particular sphere of communication, the topic of the text, and functions of adverbial complicators. The author stresses that ethical evaluation reflects the system of Russian people values. The most significant feature of the Russian national character is the idea of goodness, which is reflected in such

qualities as courage, unselfishness, generosity and sympathy. Adverbial complicators of ethical evaluation show the presence or absence of such qualities.

Е.В. Долгова. Милитарная метафорика в медийном дискурсе.

Статья посвящена рассмотрению особенностей функционирования метафорических моделей, концептуализирующих образ войны в новостном медийном дискурсе. В ходе анализа общего медиатекста современных электронных версий отечественных и зарубежных печатных изданий выявлены концептуальные сферы, являющиеся целевыми и исходными областями для милитарной метафоризации. Рассмотрение данного явления предполагает два направления развития в исследовании, соответственно разделяющие изучение метафорических моделей на два подхода. Первый предполагает выявление военной метафоры в репрезентации понятий, относящихся к определенной области знаний, где война является сферой-источником, экспансирующей военную метафорику в другие области медийного дискурса. Второй подход предполагает рассмотрение концептуальных сфер, репрезентирующих понятие «война» в медиатекстах о милитаризированных событиях. К семантическому центру активно задействованных при освещении военных конфликтов концептуальных сфер относятся метафоры «игра», «спорт», «театр», «болезнь», «природа», «механизм», конституирующие определенные ментальные ассоциации, которые обусловлены дискурсивной спецификой функционирования метафорической модели. Концептуализация современной действительности в понятиях войны свидетельствует о доминировании в национальном сознании агрессивного поведения для разрешения разногласий практически в любой сфере общественного сознания.

E.V. Dolgova. Military Metaphors in Media Discourse. The article considers the functional peculiarities of metaphoric models, referring to the war concept in modern news media discourse. While analyzing electronic versions of Russian and foreign media texts, the author studies conceptual spheres which are the target, as well as, the source of military metaphors. Consideration of this phenomenon involves two aspects of study, thus it presupposes two approaches of scientific research. The first one involves the identification of military metaphors in the representation of concepts which are related to a specific field of knowledge, where the war is treated as a source of military metaphors' use in other media discourse. The latter one involves consideration of conceptual spheres that represent the concept of war in the media texts of military actions. The semantic center of concepts

which are used to cover military conflicts is represented by the following metaphors "game", "sport", "theater", "disease", "nature", "mechanism". They constitute certain mental associations, which are caused by discursive specificity of metaphoric model functioning. Conceptualization of contemporary reality in terms of war demonstrates the dominance of aggressive scenario in national consciousness while numerous disputes are being solved in various spheres of social life.

Н.А. Сегал. Метафорический образ водного транспорта в текстах русскоязычных политических СМИ. Статья посвящена исследованию метафорического образа водного транспорта в текстах русскоязычных политических СМИ. Значимость систематизации когнитивных механизмов при структурировании метафорических полей политического дискурса определила необходимость описания метафорических значений, актуализирующих в политическом тексте базовые когнитивные универсалии, одной из которых являются языковые единицы, раскрывающие образ транспорта. Источником анализируемого материала послужили русскоязычные тексты, отражающие разные политические взгляды и идеологические установки, дающие возможность представить объективную картину мира политических событий. В предлагаемой статье охарактеризованы лексические и фразеологические единицы, эксплицирующие транспортную метафору в политическом тексте. На материале масс-медийных текстов политической направленности выявлена специфика создания метафорического образа водного транспорта в текстах русскоязычных политических СМИ.

N. Segal. Metaphoric Image of Water Transport in the Texts of Russian Political Media. The article studies metaphoric image of water transport in the texts of Russian political media. The importance of systematizing cognitive mechanisms in structuring metaphorical field of political discourse determines the necessity to describe metaphorical meanings which actualize basic cognitive universals in political texts. One of such universals is presented by language units revealing the image of transport. The material under analysis is Russian texts that present different political opinions and ideological views. It provides an opportunity to reveal the objective picture of political events in the world. The article describes lexical and phraseological units, delivering transport metaphors in political texts. Thus, peculiarities of creation of water transport metaphoric image in the texts of Russian political media are studied in detail.

Е.Н. Ковязина. Взаимодействие концептуальной метафоры и метонимии в политическом дискурсе (на материале произведения П. Бьюкенена «Churchill, Hitler, and the Unnecessary War»). Статья затрагивает вопрос взаимодействия концептуальной метафоры и метонимии в политическом дискурсе. Общеизвестным является тот факт, что метонимия и метафора – явления концептуального толка. При этом когнитивный потенциал метафоры заключается в ее способности к вербализации абстрактных концептов в дискурсах различных типов. Метонимия же конструирует социальные объекты и связанные с ними дискурсы. Исследование, проведенное на материале произведения П. Бьюкенена «Churchill, Hitler, and the Unnecessary War», показывает, что в политическом дискурсе концептуальная метафора вербализует абстрактные концепты политической этики, исповедуемой правящей элитой воюющих стран, а метонимия модели Место за Событие выводит идеологические концепты за пределы дискурса в сферу социальной практики. Взаимодействие метафоры и метонимии принимает форму мотивации: метафорический концепт служит мотиватором, на семантической основе которого возникают метонимии модели Место за Событие.

E.N. Kovyazina. Conceptual Metaphor and Metonymy Interaction in Political Discourse (based on P. Buchanan's Churchill, Hitler, and the Unnecessary War). The article touches upon the question of interaction of conceptual metaphor and metonymy in political discourse. Metaphor and metonymy are considered to be conceptual phenomena. Cognitive potential of metaphor is associated with its ability to verbalize abstract concepts in different types of discourse. Meanwhile, metonymy is supposed to construct social objects and discourses related to them. The study, based on P. Buchanan's Churchill, Hitler and the Unnecessary War, shows that in political discourse conceptual metaphors verbalize concepts of political ethics practiced by the elite of the countries – contenders in the First and the Second World Wars. Metonymies of the model Place for Event draw the ideological concepts from the discourse practice into the social one. The interaction of metaphor and metonymy has the form of motivation – the metaphor concept serves as a motivator on the semantic basis on which the metonymy of the model Place for Event arises.

Л.А. Козлова, Е.В. Буланова. Национально-культурная специфика морской метафоры и ее реализация в процессе перевода. Проблема, рассматриваемая в настоящей статье, находится на стыке двух обширных направлений лингвистики: когнитивизма с одной стороны и лингвокультурологии и этнолингвистики с другой,

что обусловлено актуальностью исследования языка в его тесной взаимосвязи с сознанием человека и культурой народа. Объектом исследования является феномен метафоры в ее когнитивном аспекте, а в качестве предмета исследования выступает национально-культурная специфика метафоры и ее учет в процессах перевода. Материалом для исследования послужил один из видов метафоры – метафора, основанная на концептах МОРЕ, ОКЕАН и смежных с ними концептах. Выбор когнитивного ракурса исследования метафоры отражает тенденцию когнитивной лингвистики к переносу внимания с изучения метафоры как стилистического приема на изучение ее роли в процессах концептуализации и выявления когнитивных механизмов, лежащих в ее основе. В статье дается краткий экскурс в историю развития теории метафоры, раскрывается динамический, онлайн-характер процесса порождения метафоры как результата концептуальной интеграции и выявляется ее национально-культурная специфика. Проведенный на материале современных англоязычных художественных произведений анализ показывает, что географическое положение Великобритании, особенности ее «островного» менталитета находят свое отражение в значимости концептов МОРЕ и ОКЕАН в языковом сознании англоязычного культурного сообщества. Доминирование этих образов сознания в англоязычной картине мира обуславливает частотность их использования в качестве базы-источника метафоры для выражения значения множества. Эта национально-культурная специфика метафоры находит свое отражение в переводе. Как показало сопоставление оригинала и перевода морских метафор на русский язык, в процессе перевода может иметь место как трансфер образа сознания в принимающий язык, так и замена на иной образ, более характерный для русскоязычной картины мира.

E.V. Bulanova, L.A. Kozlova. The National-Cultural Specificity of Sea Metaphor and its Realization in the Process of Translation. The problem outlined in the article can be viewed from different angles, i.e. by several branches of linguistics: cognitive linguistics, on the one hand, ethno linguistics and cultural linguistics, on the other hand. It is determined by the topicality of studying language in its correlation with cognition and culture. The object of the study is metaphor in its cognitive aspect, and the subject matter of analysis is the cultural specificity of metaphor and its realization in the process of translation. The material of analysis is the so-called sea metaphor, based on the concepts SEA and OCEAN and some other concepts related to them. The cognitive aspect of the analysis undertaken in the article deals with the main tendency of present day metaphor research - to shift attention from the stylistic aspect of metaphor to its role in conceptualization

and the study of cognitive mechanisms underlying it. The article presents a short history of metaphor studies, reveals the dynamic online character of metaphorization, as the result of conceptual integration, and foregrounds the national-cultural specificity of metaphor. The analysis of language data shows that the specificity of the geographical position of Great Britain and its 'isle' mentality find their reflection in the importance of the concepts SEA and OCEAN in the language worldview of the English-speaking community. This fact determines their frequent use as a source domain of metaphor for expressing the meaning of multitude. This national-cultural specificity of metaphor finds its reflection in the process of translation. The comparative analysis of the original and translation of sea metaphors into Russian reveals that the mental images can be either transferred or replaced by other images, more characteristic of the Russian worldview.

В.А. Маркова. К вопросу о составе стилевых черт официально-делового стиля. Вопрос о составе стилевых черт официально-делового стиля нельзя считать решенным. В научной литературе этот стиль получает противоречивые характеристики: с одной стороны, указывается на обстоятельность изложения, характерную для официально-делового стиля, с другой – на присущую ему лаконичность. В настоящей статье предлагается ввести в состав стилевых черт официально-делового стиля еще одну черту – информационную емкость, что позволит преодолеть противоречия в описании официально-делового стиля. Понятие информационной емкости диалектически объединяет два противоречивых параметра – обстоятельность изложения и лаконичность, акцентируя не абсолютные показатели (длина предложения и т.п.), а соотношение предъявляемой информации и языковых средств, используемых для ее выражения. Понятие информационной емкости обладает объяснительной силой в отношении использования ряда конструкций, в частности обособленных оборотов и др. С введением новой стилиевой черты состав стилевых средств официально-делового стиля имеет следующий вид: императивность, стандартизованность, точность, информационная емкость, объективность.

V.A. Markova. On the Peculiarities of Official Style. The scope and variability of official style traits are not completely defined. This style has contradictory characteristics in scientific literature. On the one hand, the style is characterized by a wide amount of information presented. On the other hand, it is described as a laconic one. The author speaks about the necessity to add one more trait of the style - information capacity. It will overcome the contradictions in the definitions of official style. The concept

of information capacity combines the concept completeness of the information presented and the concept brevity. The information capacity is a message conveying the maximum amount of information with a minimum of linguistic resources. The concept of information capacity can explain the use of some syntactic constructions in official texts. Thus, official style can be defined as imperative, standard, precise, informative and objective in nature.

Н.В. Бубнова. Человек воспринимающий: топоним Смоленщина в восприятии столичным студенчеством. В статье описываются особенности ассоциативно-культурного фона заглавного регионального онима Смоленщина в его восприятии студентами разнопрофильных вузов Москвы и Санкт-Петербурга. Актуальность работы обусловлена тем, что она выполнена в русле одного из приоритетных направлений современной ономастики – изучение онима как культурного знака в составе фоновых знаний языковой личности. Основным методом исследования является масштабный ассоциативный эксперимент, в котором приняли участие 1617 респондентов: 826 студентов московских вузов и 791 студент университетов Петербурга. В целом результаты эксперимента показали, что названные испытуемыми реакции достаточно полно и точно отражают основные лингвокультурные реалии, связанные с исследуемым онимом. Перспективами настоящей работы является лексикографическое описание полученного в результате эксперимента обширного материала в различных антропоориентированных словарях. Предложенный в работе подход может быть использован исследователями других регионов с целью последующего объективного описания национального культурного пространства.

N.V. Bubnova. Personal Perception: the Toponym *Smolenschina* (*Smolensk Region*), as it is Perceived by Students of Moscow and St. Petersburg. The article deals with peculiarities of the main Smolensk region proper name – *Smolenschina* – by students of Moscow and St. Petersburg. The topicality of the work is determined by the aspect of the research, considered as one of high priority, - the study of the onym as a part of personal knowledge of culture. The method of the research is a large-scale association experiment. 1617 University students participated in it: 826 students of Moscow high education establishments and 791 students of St. Petersburg ones. The results of the experiment show that respondents' answers reflect precisely the main language and cultural realities connected to the proper name under analysis. The results are suggested to be described in a lexicographic line in the dictionaries which deal with anthropological

aspect of the language. The approach offered in the work can be used by linguists of other regions to describe a particular national and cultural area.

У.Н. Текенова. Идеино-тематическое и жанровое своеобразие рассказа «Любовь коммуниста Ивана Гомзина» Д. Каинчина. В статье исследуется документально-художественная проза Д. Каинчина: соотношение в ее пределах фактографического и эстетического аспектов, поэтика рассказа-коллажа, образ автора, принцип монтажа. Архивные материалы (письма, обращения, заявления) рассматриваются как ценный источник сведений о жизни семьи староверов-кержаков в период строительства социализма в 1920-х годах. Поставлены сложные вопросы психологизма в эпистолярной прозе, исследуются особенности взаимодействия в сюжете произведения «исповеди» личности, ее писем, размышлений, которые рассматриваются автором как реальные документы. Использование культурно-исторического, психологического и рецептивного методов позволяет нам исследовать также речевые единицы, раскрывающие глубину психологического состояния автора письма, его внутренний драматизм.

U.N. Tekhenova. Ideological, Topic and Genre Peculiarities of the Story Communist Ivan Gomzin's Love by D. Kainchin. The article describes documentary and fiction prose by D. Kainchin: the correlation of its factual and aesthetic aspects, poetics of narrative collage, the author's image, edit principle. The materials (letters, appeals, applications) found in the archives, are considered as a valuable source of information about family life of old believer-kerzhakovs during the building of socialism in the 1920-s. The author studies complicated psychological issues of epistolary prose, as well as, peculiarities of a character's personal confession in the story. The letters are considered by the author as real documents. Combination of cultural and historical, psychological and receptive methods also allows to explore speech peculiarities. They reveal psychological state of the character, the essence of his letters and human tragedy, the inner world of a person. It makes the reader think that socialist regime will fail at that time.

С.И. Доброва. Технология параллелистического анализа как инструмент кросскультурной лингвофольклористики (на материале формулы отсылки болезни в русских и болгарских заговорах). В статье рассматривается актуальная проблема модернизации исследовательского инструментария кросскультурной лингвофольклористики, обоснованы результаты внедрения автором исследовательской технологии параллелистического анализа

фольклорных формул для изучения параллелистических механизмов, их ментальной и лингвистической организации на материале различных этнических традиций. Кросскультурная специфика проявляется в частотности, особенностях репрезентации, функционирования и синтагматики параллельно организованных компонентов формулы. В русской и болгарской традициях параллелистический анализ выявляет значимую для лечебных заговоров корреляцию компонентов формулы отсылки болезни с концептами движения (отгона) и антидвижения (уничтожения): процессы отгона и уничтожения недуга совершаются с различной скоростью, наполняемостью и детализацией, отличаются реализацией определенной модели взаимоотношений с болезнью. Национальная специфика синтагматических связей компонентов отражает баланс их репрезентации в формуле: регламентация одного компонента компенсируется распространением другого и наоборот.

S.I. Dobrova. Technology of Parallelistic Analysis as a Means of Cross-Cultural Linguistic Study of Folklore (based on the Formula Illness Sending in Russian and Bulgarian Spells). The article deals with an actual problem of modernization research tools of cross-cultural linguistic study of folklore. The author explains the results of the implementation of the research technologies parallelistic analysis of folk formulas for parallelization study of the mechanisms of their mental and linguistic organization, based on the material of different ethnic traditions. Cross-cultural specificity is manifested in the frequency and peculiarities of representation, functioning and syntagmatics in parallel organized components of the formula. In Russian and Bulgarian traditions parallelizations analysis reveals a correlation of the components of the formula of sending a disease and the concepts of motion (banishing) and antimotion (destruction), significant for medical spell: the processes of banishing and destruction of the disease are performed with different speed, fullness and detail. They differ in their realization of a particular model of its relationship with the disease. National peculiarities of syntagmatic connections of the components reflect the balance of their representation in the formula: the regulation of one component is compensated by the extension of the other and vice versa.

Л.В. Топка. Эмоциональная нестабильность: единицы вербализации. При деструктивном коммуникативном взаимодействии происходит снижение способности индивидов поддерживать внутреннее равновесие, что приводит к изменению эмоционального статуса. Неустойчивое эмоциональное состояние говорящего субъекта

характеризуется категоричностью и репрезентируется категоричным высказыванием, оно также может быть номинировано адресатом, или описано третьим лицом, что составляет три аспекта его (состояния) вербализации, представленной разноуровневыми языковыми единицами, и неразрывно связанной с экстралингвистическими и паралингвистическими факторами. Эмоциональная нестабильность обладает специфическими параметрами, а также способами репрезентации, поскольку имеет выраженный ситуативный характер, показывая оценочно-личностное отношение говорящего субъекта к реальной или гипотетической ситуации. Данный феномен коррелирует как с положительными, так и отрицательными эмоциями, являя собой перепад, скачок с одного эмоционального полюса на другой, возникающий в результате снижения способности индивида контролировать свое поведение. Отсутствие речевой деятельности индивида в ситуации изменения эмоционального статуса компенсируется детальным описанием внутренних и внешних проявлений его эмоционального состояния.

L.V. Topka. Emotional Instability: Units of Verbalization.

Destructive communication results in a weakened ability of an individual to maintain the inner balance which further leads to a change in emotional status. Unstable emotional state of a person can be expressed by means of their categorical statement, it may also be indicated or nominated by an addressee, and can be described as well by a third party (an observer). Expression, nomination and description are three aspects of verbalization of human emotional instability, which is closely linked with extra-linguistic and paralinguistic factors. Emotional instability (temper tantrum and aggressive reaction of the individual) has specific parameters and means of representation, since it has situational character, showing the evaluative personal attitude of the speaker to some real or hypothetical situation. This phenomenon correlates with both positive and negative emotions, representing an alteration from one emotional pole to another due to a weakened ability to control their behaviour. The absence of speech in the situation of changed emotional status is compensated by a detailed description of internal and external manifestations of an individual's state.

Г.Ф. Лутфуллина. Сравнительный анализ синтаксических конструкций перцептивной семантики с участием неличных форм во французском и русском языках. «Прямая» эвиденциальность предполагает непосредственное восприятие ситуаций. Синхронность ситуации восприятия и воспринимаемой ситуации является условием реализации категории восприятия. Семантическая структура

высказываний с реализацией категории перцептивности предполагает наличие воспринимающей части – ситуации восприятия. Объектом восприятия является динамическая, глагольно выраженная ситуация, которая соответствует воспринимаемой части высказывания. Настоящее исследование показало, в обоих языках обязательное условие синхронности ситуации восприятия и воспринимаемой ситуации предполагает использование причастий и причастного оборота для временной актуализации тремя способами: 1) синхронность на актуальный момент времени; 2) синхронность в будущем временном плане; 3) диахронность при участии причастия прошедшего времени подразумевает восприятие резульативной ситуации. Специфика французского языка состоит в наличии инфинитивных предложений. Синхронность ситуаций является обязательным условием во всех языках.

G.F. Lutfullina Comparative Analyses of Syntactic Constructions with the Semantics of Perception Featuring Verbals in French and Russian. "Direct" evidentiality implies direct perception of situations. Synchronicity of the situation of perception and the perceived situation is a prerequisite for the category of perception. The semantic structure of utterances with the implementation of the category of perceptivity presupposes the presence of the perceiving part - the situation of perception. The object of perception is a dynamic, verbally expressed situation which corresponds to the perceived part of the statement. The present study proves that in both languages synchronicity of the situation of perception and the perceived situation involves the usage of participles and participial constructions to localize time in three ways: 1) synchronization at the acute moment of time; 2) synchronization in the future perspective; 3) dichronization through past participle which implies perception of the resulting situation. This is an obligatory condition of synchronism of the perception situation and the perceived situation in all languages.

Н.С. Сухорукова. О коммуникативном статусе обращения в немецком языке (на материале текстов художественной немецкой прозы). В рамках развивающейся антропоцентрической научной парадигмы обращение рассматривается как коммуникативный акт. Обращение связано с речевыми актами, следовательно, оно исследуется не как лексическая единица языка, а как коммуникативная единица, обращенная к адресату. Речевой акт всегда выступает частью дискурса, то есть речи, которая погружена в жизнь и включена в процесс живого общения индивидов. В дискурсе реализуются прагматический потенциал обращения и все его функции. В теории

речевых актов язык является средством взаимного воздействия говорящих, языковые единицы функционируют согласно контексту и ситуации. Именно коммуникативная ситуация формирует прагматический компонент речевого акта, включающий в себя характеристики адресанта и адресата и их взаимоотношения. К языковым средствам, которые ориентированы на коммуникативно-прагматические рамки общения, относится обращение. В прагматическом аспекте высказывания наблюдается несоответствие формы и содержания обращения. Подобное несоответствие обнаруживается в коммуникативных ситуациях, в которых отношение говорящего к адресату не коррелирует с социальными ролями участников общения. При отсутствии однозначной связи денотата и слова возникает прирост информации, смысл высказываний оказывается богаче и полнее. Обращения в таких случаях указывают на субъективное отношение автора речи к адресату. Фактический материал взят из немецкоязычной художественной литературы и анализируется с учетом контекста, то есть с учетом речевой (коммуникативной) ситуации.

N.S. Sukhorukova. Towards the Communicative Relevance of the German Vocative (Based on the German Prose Texts). Within the framework of developing anthropocentric linguistic paradigm the vocative is defined as a communication act. Since the vocative is connected to the speech acts, it is analyzed not as a lexical unit of a language, but as a communicative unit addressed to the recipient. The speech act is always a part of discourse, of speech embedded in life and included in the process of real-life human communication. Pragmatic potential of the vocative and all of its functions are implemented in the discourse. According to the theory of speech acts the language is means of reciprocal influence of the speakers, and linguistic units are used according to the context and situation. It is the communicative situation that forms pragmatic component of a speech act, which includes the properties of the speaker and the recipient and their relationship. The verbal means which are directed towards communicative-pragmatic frame of communication include the vocative. The pragmatic aspect of the utterance manifests asymmetry between the form and content of the vocative. Similar discord comes to light in a communicative situation in which the speaker's relation to the hearer doesn't correlate with the social roles of participants in communication. Due to the lack of unequivocal correlation between denotatum and the lexical word the information is surplused and the meaning of the statements becomes enriched and ample. In similar cases the vocatives indicate subjective attitude of the speaker towards the hearer. The speech material for analysis is obtained from texts

of German fiction and is analyzed through the lens of the context or the communicative situation.

Г.Ф. Коваленко. Фрактальная модель самоорганизации текстового пространства синтаксической конвергенции. В статье рассматривается текстовое пространство синтаксической конвергенции в лингвосинергетическом аспекте. Материалом исследования послужил художественный очерк известного американского писателя И. Стоуна «California». Как показывает анализ конвергированных контекстов, заполнение текстового пространства синтаксическими стилистическими приемами может происходить по принципу фрактальности, под которым понимают рекуррентно-итерационный алгоритм, благодаря которому образуется множество самоподобных структур. Выявленная и описанная впервые в данной работе фрактальная модель самоорганизации «цветок» коррелирует с пространством синтаксической конвергенции, основанной на синтаксическом параллелизме. Выявление локализации фракталов в текстовом пространстве синтаксической конвергенции на этапе восприятия текста представляется значимым для декодирования смыслового содержания текста в местах конвергенции, поскольку позволяет визуально представить повторяющиеся самоподобные элементы, удерживающие определенные инвариантные смыслы в рамках единого целого. Новые смыслы рождаются в результате наложения фракталей, репрезентирующих жизненные реалии, описанные в тексте, и теми, которые выявляют позицию автора.

G.F. Kovalenko. Fractal Self-Organization Model of Contexts with Syntactical Convergence. The article is devoted to the study of textual syntactical convergence space in linguo-synergetic aspect on the material of I. Stone's feature essay «California». The analysis of the converged contexts shows that the convergence of syntactical stylistic devices is based on the fractal principal or the principal of recurrence and interaction according to which the number of self-similar structures appear. The «flower» fractal model is correlated with the textual convergence space built on parallelism. Identification of the self-organization models in the textual space with syntactical convergence is important in decoding the meaning of the content, because it allows the reader to have a visual representation of similar elements holding certain invariant senses in the whole system. New senses are born as a result of interaction of fractals representing situations from the reality described by the author and those revealing his attitude towards those situations. It is the first time and this article the “flower” fractal model has ever been described.

С.А. Медведев. Заметки об интернет-рецензии как объекте исследования. Жанр рецензии не был монолитным и в своем традиционном коммуникативном пространстве за пределами интернет-коммуникации. В Интернете рецензия продолжает не только проявлять, но и развивать свою вариативность. По аналогии с печатными источниками, в интернет-коммуникации возможно выделение рецензий качественных («толстожурнальных») и массовых («газетных»), которые также могут быть разделены на несколько типов с характерными для них особенностям. Однако есть и третий вид рецензии, не имеющий четкого аналога за пределами Интернета – «свободная» рецензия, которая отличается прежде всего отсутствием регламентированности и требований к квалифицированности рецензента. Именно этот вид рецензии имеет наибольшую вариативность, наглядно демонстрируя особенности интернет-коммуникации. Кроме того, коммуникация посредством «свободной» рецензии позволяет проследить изменение особенностей взаимодействия автора, читателя и рецензента, что имеет большое значение для развития коммуникативистики и литературы.

S.A. Medvedev. Notes on the Internet-Critique as an Object of Research. The genre of the critique is not monolithic in its traditional communicative space outside the Internet communication. On the Internet, the critique continues to show and develop its variability. By analogy with printed sources, in the Internet communication it is possible to divide critiques of quality («thick journal») and mass («newspaper»), which can also be divided into several types with their characteristic features. However, there is a third type of critique that does not have a clear analogue outside the Internet - a "free" critique, which is distinguished primarily by the lack of regulations and requirements for the proficiency of the reviewer. It is this kind of critique that has more variability and clearly demonstrates the peculiar features of the Internet-communication. In addition, communication through "free" critique allows us to trace the changes in the interaction between the author, the reader and the reviewer, which is of importance for the development of communication studies and literature.

Т.А. Воробьева. Гендерная семантика реки и колодца в прозе В.М. Шукшина. Творчество В.М. Шукшина изначально характеризовалось уникальностью авторской мысли, не позволяющей однозначно отнести художественное наследие писателя к какому-либо литературному направлению. В настоящей статье исследуется поэтика гендерной семантики реки и колодца в прозе В.М. Шукшина. Специфика шукшинской интерпретации обозначенных хронотопов

заключается не только в нестандартной метафорической соотнесенности с образами главных героев, но и в их принципиальной семантической оппозиционности. Писатель уходит от традиционного толкования колодца как символа женского начала, наделяя образ мужской семантикой. Ключевыми характеристиками при этом выступают статичность, скрытность, замкнутость, противопоставляемые динамичности и своенравности женщины и реки. Однако, несмотря на традиционную связь с женской семантикой, которая встречается и в шукшинских текстах, образ реки у писателя получает противоположное осмысление. Таким образом, в художественной системе Шукшина главным критерием, определяющим соотнесение хронотопов с персонажами, является не гендерная принадлежность, а тип поведения героя в пространстве.

T.A. Vorobyova. The Gender Semantics of River and Well in Prose of V. Shukshin. The creative work of V.M. Shukshin was initially characterized by the uniqueness of the author's idea, which does not allow to attribute explicitly the writer's artistic heritage to any literary trend. In this article, the poetics of the gender semantics of the river and well in the prose of Shukshin is analyzed. The specificity of Shukshin's interpretation of the above-noted chronotopes involves not only the nonstandard metaphorical correlation with the images of the main characters, but also their principal semantic opposition. The writer abandons the traditional interpretation of the well as a symbol of the feminine, giving male semantics to this image. The key characteristics here are static character, secrecy, isolation, contrasted to dynamism and the willfulness of women and the river. Despite the traditional connection with female semantics, which is still found in Shukshin's texts, the image of the river gets the opposite interpretation by the author. Thus, in the art system of Shukshin, the main criterion determining the correlation of chronotopes with the characters is not gender, but the type of the hero's behavior in the world.

М.А. Шеленок. Трансформация водевильного жанра в киносценарии Г. Горина и Э. Рязанова «О бедном гусаре замолвите слово». В статье анализируется киносценарий «О бедном гусаре замолвите слово», написанный Г. Гориним и Э. Рязановым в соавторстве. Раскрываются особенности жанровой поэтики произведения, его синтетический характер. Уделяется внимание развязке, имеющей различия в фильме и литературном первоисточнике. Доказывается, что ведущим приемом организации текста является «театр в театре». Основное действие развивается по схеме «театрального» сюжета классического водевиля XIX века.

Действующими лицами становятся традиционные маски-типы: герой-любовник, его возлюбленная – молодая актриса, ее отец – ведущий актер бродячего театра, злодей с говорящей фамилией, являющийся при этом сатирическим персонажем. Особое внимание уделяется образу артиста Бубенцова, который, выступая в амплуа бунтаря, начинает обличать на самом деле: роль борца за социальную справедливость постепенно перестает быть его маской. За счет социально-нравственной проблематики, сатирического подтекста и трагического финала классическая форма водевиля разрушается, однако произведение не переходит в разряд мелодрамы, благодаря комедийно-игровому наполнению, выполненному в традиционном водевильном ключе.

M.A. Shelenok. Transformation of the Vaudeville Genre in the Screenplay by G. Gorin and E. Ryazanov for «Say a Word for the Poor Hussar». The paper analyzes the screenplay for «Say a Word for the Poor Hussar» co-written by Grigori Gorin and Eldar Ryazanov. The author examines the peculiarities and synthetic nature of screenplay as genre. The difference between the ending of the film and of the original text is emphasized. The author explains why «play-within-a-play» device becomes central for the screenplay's structure. The main action develops according to the classical scheme of the XIX century vaudeville plot. The main characters are stock characters, or «types» – the lovers, one of whom is an actress, her father, a leading actor of a travelling theatre, and a villain with a «speaking» name, who is also a satirical character. Special emphasis in the analysis is placed on actor Bubentsov, who, while playing a «rebel», starts to fight for social justice and stops being a stock character, a mask. Social and moral issues, satirical underlying idea, and a tragic ending modify the classical vaudeville genre, but the screenplay does not become a melodrama due to the traditional humorous vaudeville-based plot.

Л.Г. Хабибулина. Репрезентация кондициональных отношений в фольклорных произведениях тюркских языков. Тесная связь современной лингвистики с философией, психологией, культурологией привела к развитию антропоцентрических ориентаций языкознания. Язык является конституирующей характеристикой человека. Исследование фольклорного языка позволяет выявить своеобразие в мировоззрении того или иного народа. Тюркские народы располагают огромным народно-поэтическим наследием с многообразной жанровой палитрой, являющимся уникальным источником духовно-культурных достижений народа. Лингвистическое описание фольклора представляет интерес с точки

зрения изучения репрезентации семантических явлений в языке произведений народного творчества. Данная статья посвящена исследованию кондциональных отношений на материале примеров из малых жанров тюркского фольклора. Изучение структурной организации паремиологических конструкций с кондциональной семантикой, которые включают в себя значения аналогичности, предсказательности, вызывает интерес в плане выявления формальных показателей выражения этих отношений.

L.G. Habibullina. The Representation of Conditional Relations in the Folklore of Turkic Languages. The close connection of modern linguistics with philosophy, psychology, cultural studies has led to the development of anthropocentric trends in linguistics. Language is a constitutive characteristic of the human. The study of folklore language allows to identify the distinction of the worldview of a definite nation. Turkic peoples have a huge national poetic heritage with a diverse genre palette, which is a unique source of spiritual and cultural achievements of the people. Linguistic description of folklore is interesting from the point of view of the study of the representation of the semantic phenomena in the language of folk art works. This article is devoted to the study of conditional relations on the material of examples from small genres of Turkic folklore. The study of the structure of paremiological constructions with conditional semantics, including the meanings of similarity and predictability, is of interest from the point of identifying formal indicators of these relations.

Е.А. Гингель. Историко-литературный и историко-культурный контекст в письменных работах обучающихся по литературе. Учет историко-литературного и историко-культурного контекста при анализе художественных произведений рассматривается как предметный результат изучения литературы на углубленном уровне. Критерии Всероссийского конкурса сочинений и Всероссийской олимпиады школьников нацелены на проверку умения рассуждать с опорой на историко-литературный и историко-культурный контекст. Экспертами, проверяющими работы обучающихся, учитывается способность участников конкурса и олимпиады демонстрировать осведомленность в этой области, умение использовать литературный, исторический, фактический, научный материал. Под контекстом понимается вся совокупность явлений, связанных с текстом художественного произведения, но в то же время внеположных ему. В статье идет речь о литературном, историческом и биографическом контекстах, даны примеры заданий, которые смогут оказывать влияние на расширение культурного кругозора

обучающихся, на формирование историко-культурных представлений, необходимых для включения их в разнообразные письменные работы, а также в сочинения ЕГЭ по литературе и русскому языку, в итоговое сочинение – форму промежуточной аттестации выпускников средней школы.

E.A. Gingel. Historical-Literary and Historical-Cultural Context in Students' Written Works in Literature. Considering historical-literary and historical-cultural context while analyzing works of fiction is discussed as an objective of studying literature at the advanced level. The criteria of All-Russian Composition Contest and All-Russian Academic Olympics are set to assess the skill of reasoning based upon historical-literary and historical-cultural context. The experts, who assess the works, consider the ability of contestants to show their knowledge of the field and resort to literary, historical, scientific material and factual evidence. The context is seen as entity of events inside and outside the text of fiction. The article discusses literary, historical and biographical contexts, gives examples of tasks which are aimed to widen cultural horizons of students, shape their historical and cultural views necessary for written works like compositions for Unified State Exams in literature and final composition as interim assessment of high school graduates.

НАШИ АВТОРЫ

БУБНОВА,
Нина
Викторовна

– кандидат филологических наук, доцент
Военной академии войсковой противовоздушной
обороны Вооруженных Сил Российской
Федерации имени Маршала Советского Союза
А.М. Василевского (Смоленск).
E-mail: 85ninochka67@mail.ru

БУЛАНОВА,
Елена
Владимировна

– магистр Алтайского государственного
педагогического университета (Барнаул).
E-mail: elenavlad@mail.ru

ВОРОБЬЕВА,
Татьяна
Александровна

– аспирант Алтайского государственного
педагогического университета (Барнаул).
E-mail: tanya08_92@inbox.ru

ГИНГЕЛЬ,
Елена
Александровна

– кандидат педагогических наук, доцент
Института развития образования Омской области
(Омск).
E-mail: gingel_e@irooo.ru

**ДЕГАЛЬЦЕВА,
Анна
Владимировна**

– кандидат филологических наук, доцент
Саратовского национального исследовательского
государственного университета
имени Н.Г. Чернышевского.
E-mail: deganna@mail.ru

**ДОБРОВА,
Светлана
Ивановна**

– кандидат филологических наук, доцент
Воронежского государственного педагогического
университета.
E-mail: svetdobr@mail.ru

**ДОЛГОВА,
Елена
Викторовна**

– кандидат филологических наук, Академия
Федеральной службы охраны Российской
Федерации (Орел).
E-mail: elenadolg76@mail.ru

**КОВАЛЕНКО,
Галина
Федоровна**

– кандидат филологических наук, доцент
Тихоокеанского государственного университета
(Хабаровск).
E-mail: kovalenkogf@mail.ru

**КОВЯЗИНА,
Елена
Николаевна**

– кандидат филологических наук, доцент
Пермского филиала Национального
исследовательского университета «Высшая
школа экономики».
E-mail: kov_el@list.ru

**КОЗЛОВА,
Любовь
Александровна**

– доктор филологических наук, профессор
Алтайского государственного педагогического
университета (Барнаул).
E-mail: lyubovkozlova@list.ru

**ЛУТФУЛЛИНА,
Гюльнара
Фирдависовна**

– доктор филологических наук, доцент
Казанского государственного энергетического
университета.
E-mail: gflutfullina@mail.ru

**МАРКОВА,
Валентина
Алексеевна**

– кандидат филологических наук, старший
преподаватель Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова.
E-mail: v.a.markova@hotmail.com

**МЕДВЕДЕВ,
Сергей
Алексеевич**

– аспирант Алтайского государственного
университета, специалист–эксперт отдела
фоноскопических экспертиз экспертно–
криминалистического центра ГУ МВД России по
Алтайскому краю (Барнаул).
E-mail: gresdem@gmail.com

**СЕГАЛ,
Наталья
Александровна**

– кандидат филологических наук, доцент
Крымского федерального университета
имени В.И. Вернадского (Симферополь).
E-mail: natasha-segal@mail.ru

**СУХОРУКОВА,
Наталья
Сергеевна**

– старший преподаватель Алтайского
государственного педагогического университета
(Барнаул).
E-mail: sukhorukova.natalia@list.ru

**ТЕКЕНОВА,
Ульяна
Николаевна**

– кандидат филологических наук, доцент Горно-
Алтайского государственного университета.
E-mail: tekenovau@mail.ru

**ТОПКА,
Лариса
Владимировна**

– кандидат филологических наук, доцент
Иркутского государственного университета.
E-mail: lavtop@list.ru

**ХАБИБУЛЛИНА,
Лениза
Газинуровна**

– кандидат филологических наук, научный
сотрудник Института языка, литературы и
искусства имени Г. Ибрагимова Академии наук
Республики Татарстан (Казань).
E-mail: valievalg@mail.ru

**ШЕЛЕНОК,
Михаил
Алексеевич**

– кандидат филологических наук, ассистент
Саратовского государственного технического
университета им. Ю.А. Гагарина.
E-mail: shelenokmishka@rambler.ru

Журнал распространяется по подписке
Подписной индекс П5843
в каталоге Почты России

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство ПИ № ФС77–30179 от 02.11.2007 г.

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (редакция февраль 2010)». Согласно решению Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 10 октября 2008 года № 38/54, с 10 октября 2008 года к изданиям, рекомендованным для публикации основных научных результатов докторских и кандидатских диссертаций, относятся все издания, включенные в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Сдано в набор 26.02.2018. Подписано в печать 28.02.2018. Дата выхода издания в свет 07.03.2018. Формат 60×84/16. Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12. Тираж 500 экз. Заказ № 000. Цена свободная.

Издательство и типография Алтайского государственного университета.
Адрес издателя: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, оф. 204.

© Издательство Алтайского государственного университета, 2018

Требования к оформлению присылаемых в редакцию материалов

1. Редакция журнала принимает статьи объемом до 30 тыс. знаков с пробелами, научные сообщения – до 16 тыс. знаков с пробелами, другие материалы – до 6 тыс. знаков с пробелами. Для аспирантов – объем не более 16 тыс. знаков с пробелами!
2. Электронные материалы должны быть представлены в формате Word for Windows. Для знаков, отсутствующих в шрифте Times New Roman (для транскрипции, иноязычных примеров и т.д.), используются стандартные распространённые шрифты (Symbol, Lucida Sans Unicode). При использовании оригинальных шрифтов их файлы (формат *.ttf – True Type Font) необходимо выслать вместе со статьей приложением к электронному письму. Для создания схем, графиков, иллюстраций используются программы стандартного пакета Microsoft Office; графика должна быть внутри файла.
3. Примеры в тексте статьи оформляются *курсивом*.
4. Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют постраничную нумерацию.
5. Библиографическое описание научных изданий оформляется в сокращенном варианте (без указания издательства, страниц и вида издания – учебное пособие, монография, сборник и т.п.) и приводится в конце работы по алфавиту. Издания на иностранных языках располагаются после изданий на русском языке. Ненаучные издания (нормативные документы, архивные и др. материалы) указываются в отдельной рубрике «Список источников» в конце списка литературы
6. Ссылки на литературу в тексте даются в квадратных скобках, где указываются фамилия автора, год издания, цитируемые страницы. Например: [Виноградов, 1963, с. 46]. Если в библиографии упоминается несколько работ одного и того же автора и года, то используется уточнение: [Горелов, 1987*a*]. В списке литературы делается такая же пометка. При цитировании изданий на иностранных языках цитата дается на языке оригинала (при необходимости - с переводом автора статьи). Если цитата дана на русском языке в неавторском переводе, то в библиографическом списке указывается не иноязычный оригинал, а источник, в котором был опубликован перевод. Интернет-источники с изменчивым контентом без указания конкретного материала (кроме электронных изданий, поддающихся библиографическому описанию), блоги, форумы и т. п., а также авторские комментарии помещаются в подстрочных примечаниях (сносках). Ссылка на источник приводимого в качестве иллюстративного материала фрагмента чужого текста дается после примера в круглых скобках: *Надзор за деятельностью банков должен быть в надежных руках* (Независимая газета. 01.02.2016).
7. Статьи следует направлять по адресу: 656049 г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, факультет массовых коммуникаций, филологии и политологии, ауд. 405–а, отв. секретарю журнала Клинк Евгении Игоревне. Электронная версия отправляется вложенным файлом по адресу: soveto1@filo.asu.ru (В разделе «Тема» просим указать: «В редакцию журнала»). К статье прилагается справка об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы (полное название организации с указанием адреса и почтового индекса), должность, ученая степень, ученое звание, служебный и домашний адрес, номера телефонов, электронная почта. **Наличие адреса электронной почты обязательно!**
8. Статьи, оформленные с нарушением приведенных правил или плохо отредактированные, редакцией не рассматриваются.
9. Требования к оформлению основного текста статьи: 12 кегль, шрифт: Times New Roman, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 0,8 см. **Неосновной текст**, предвещающий статью (научное сообщение), состоит из следующих компонентов: и.о. фамилия автора (на русском и английском языках, выделяется полужирным), название (на русском и английском языках, выделяется полужирным), аннотации (на русском и английском языках (не менее 1000 знаков с пробелами каждая). Далее следует **основной текст** статьи: название (на русском языке, прописными буквами, выравнивание по центру), и.о. фамилия автора (полужирным, курсивом, выравнивание по центру), ключевые слова на русском и английском языках (не более 6–ти на каждом языке, отступы слева и справа по 0,8 см., выравнивание по ширине), собственно текст, список литературы.

Примечания:

1. Научные тексты, присылаемые аспирантами и соискателями ученой степени кандидата наук, должны отражать основные результаты исследования, соответствовать жанру

научного сообщения и сопровождаться рекомендацией кафедры, при которой выполняется диссертационная работа (оформляется в виде выписки из протокола заседания кафедры), и отзывом научного руководителя (с оценкой актуальности темы исследования, новизны полученных результатов, их теоретической и практической значимости) и рекомендацией к печати в журнале «Филология и человек». Сопроводительные документы (скрепленные печатью организации) сканируются и высылаются в редакцию по электронной почте. 2. **Обращаем внимание, что указанный в п. 1 объем научного текста учитывает все его компоненты (от названия до примечаний и источников материала включительно).** 3. Все материалы публикуются в журнале бесплатно.